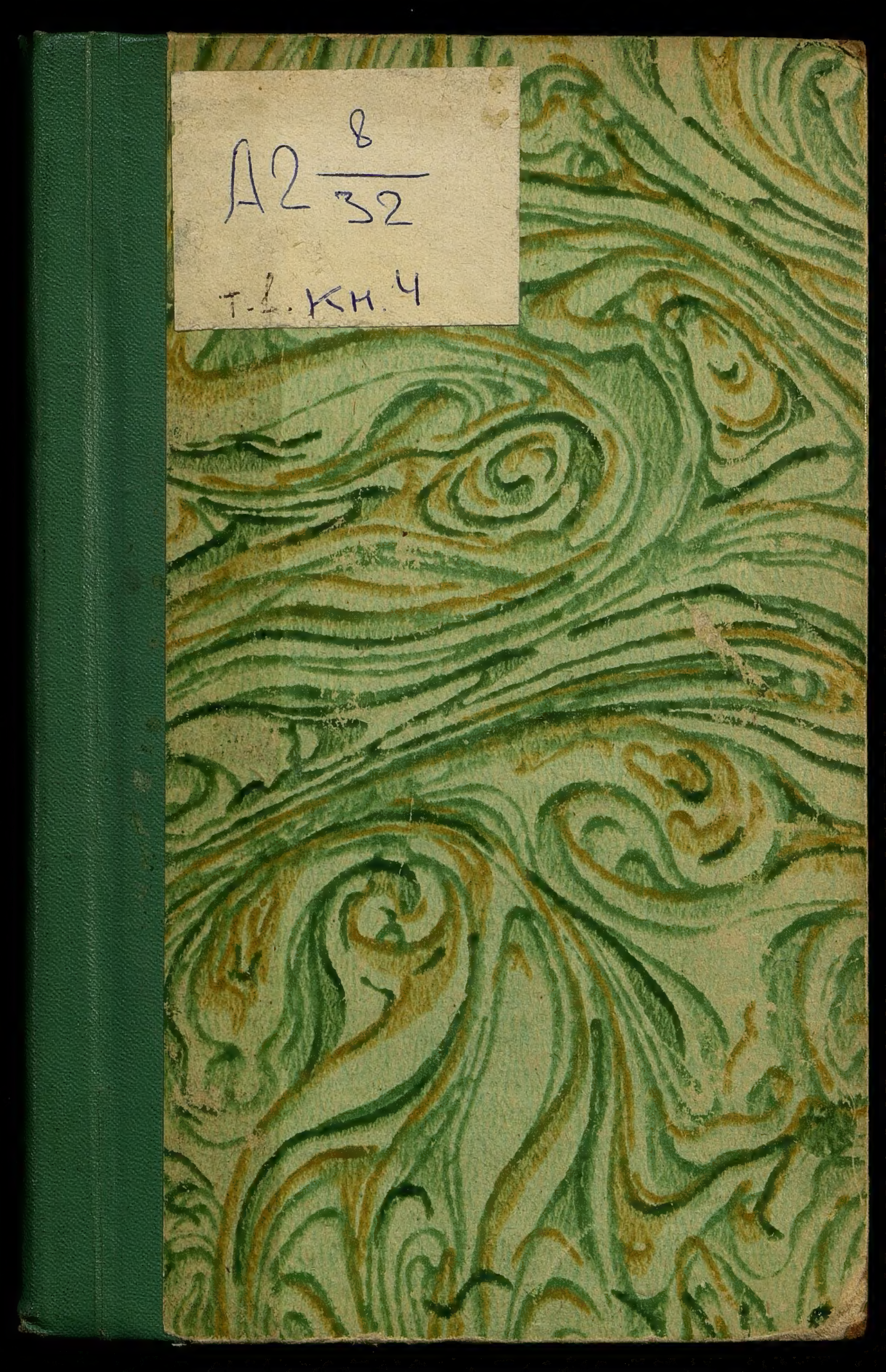
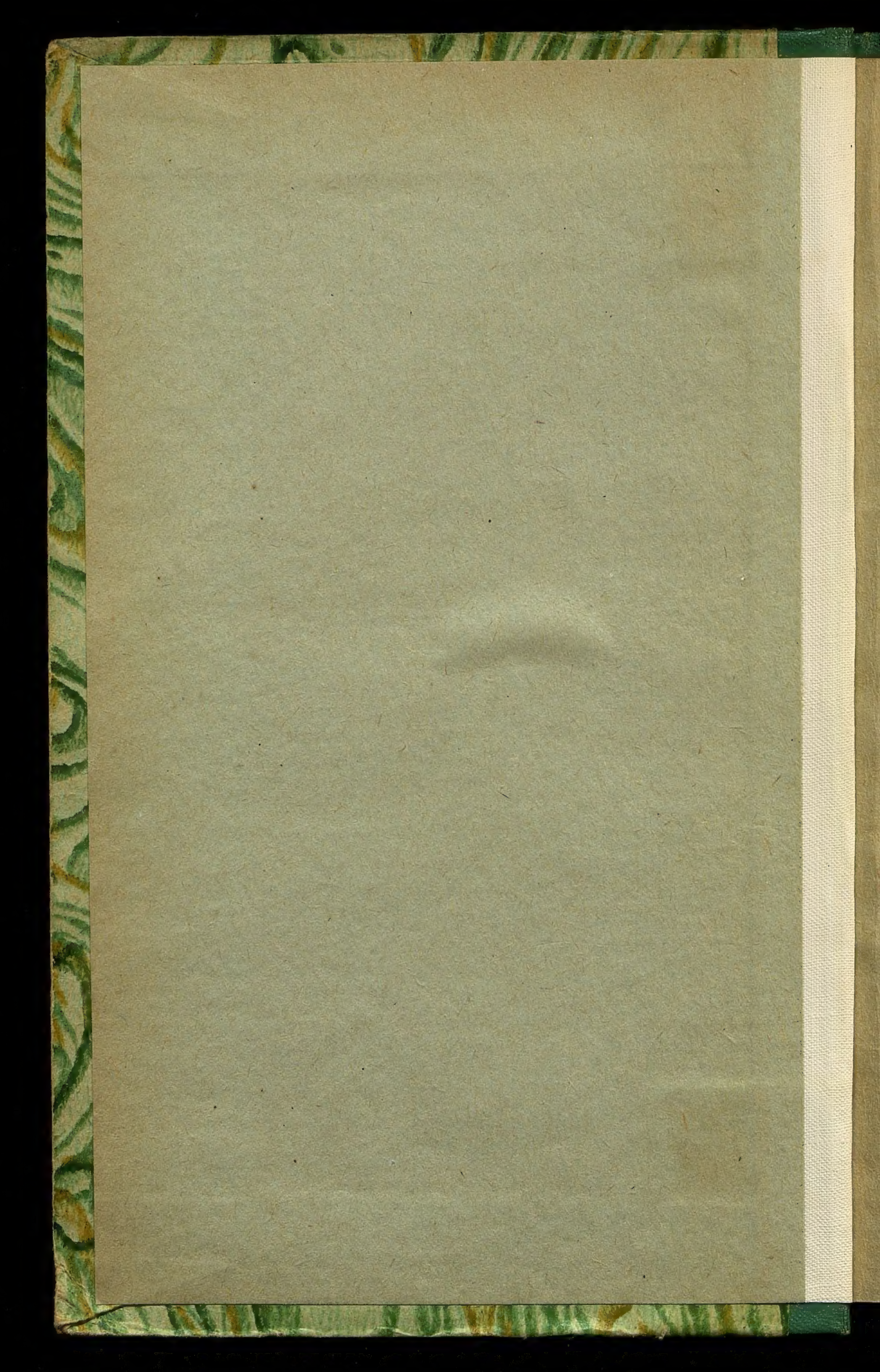
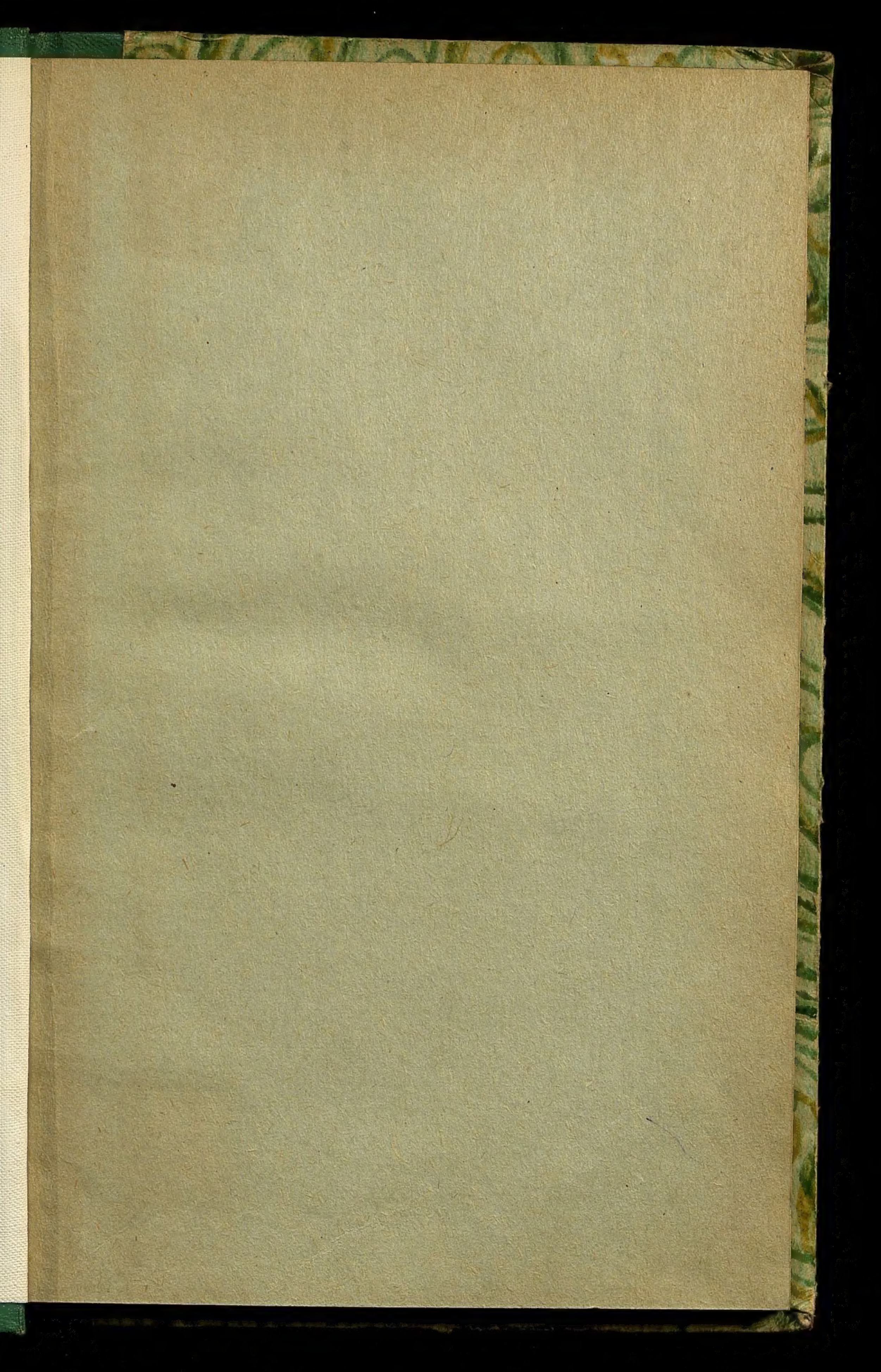
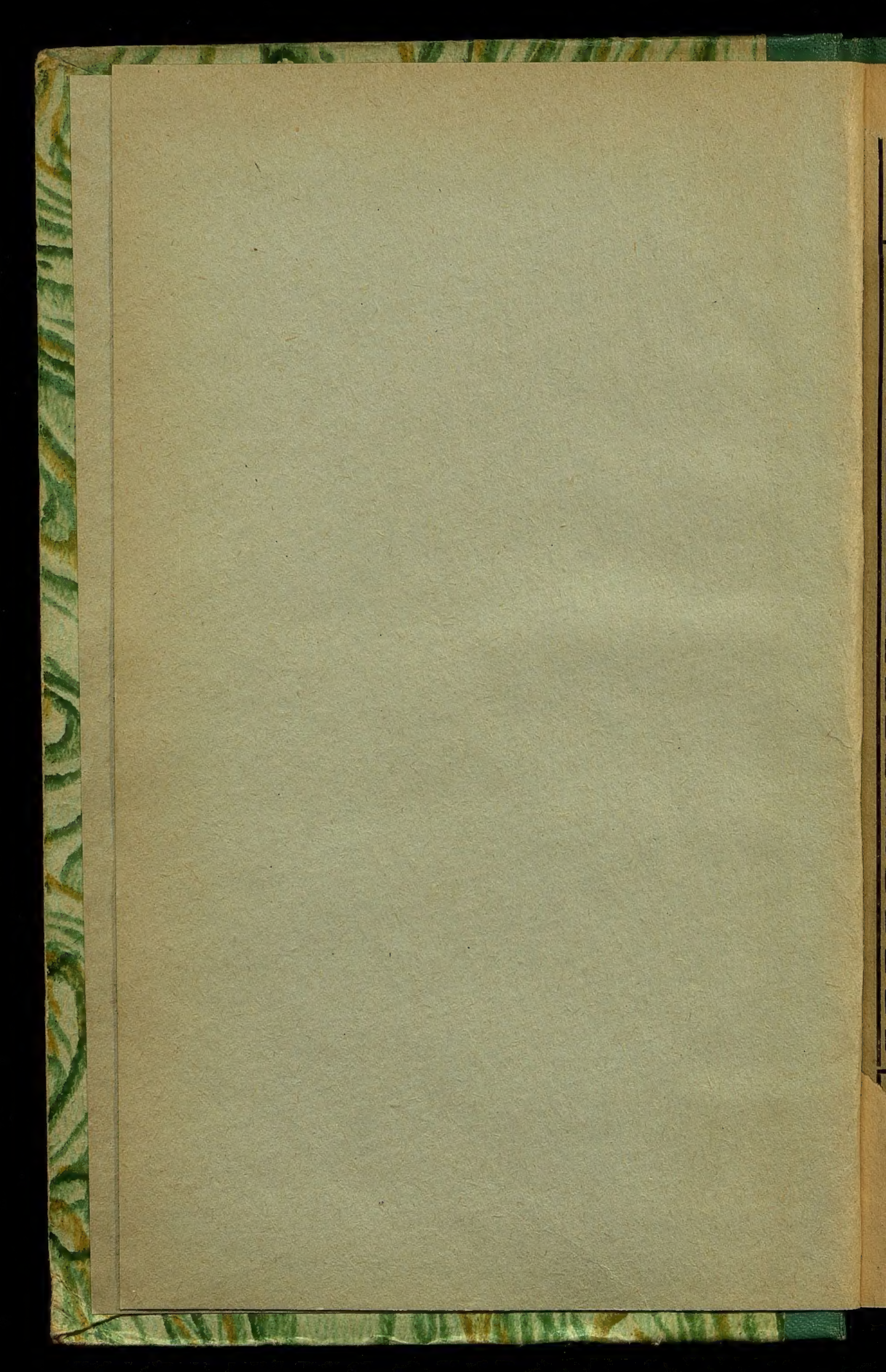
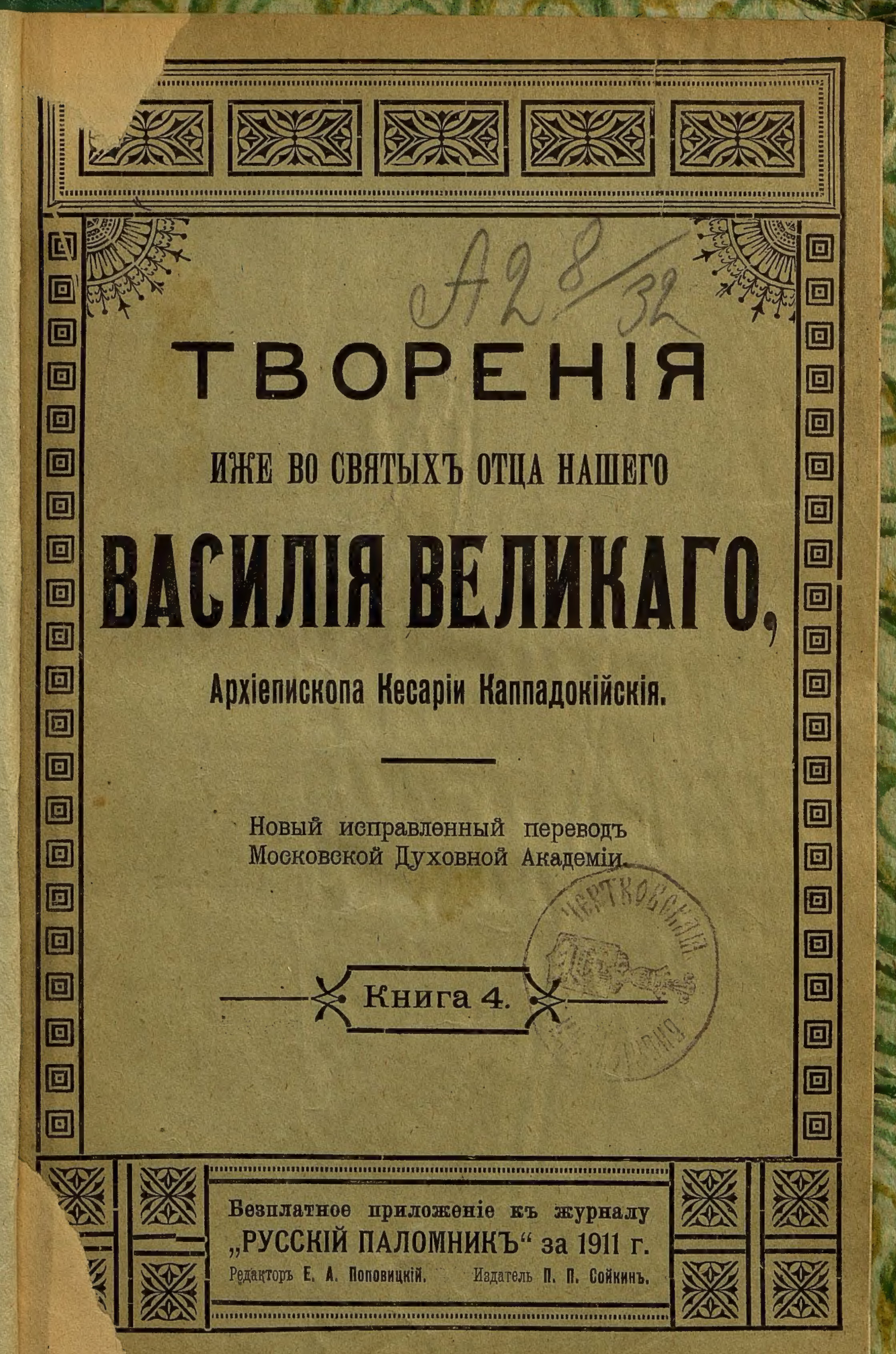

Д2 8/32
т-2. Кн. 4

ТВОРЕНІЯ

иже во святыхъ отца нашего

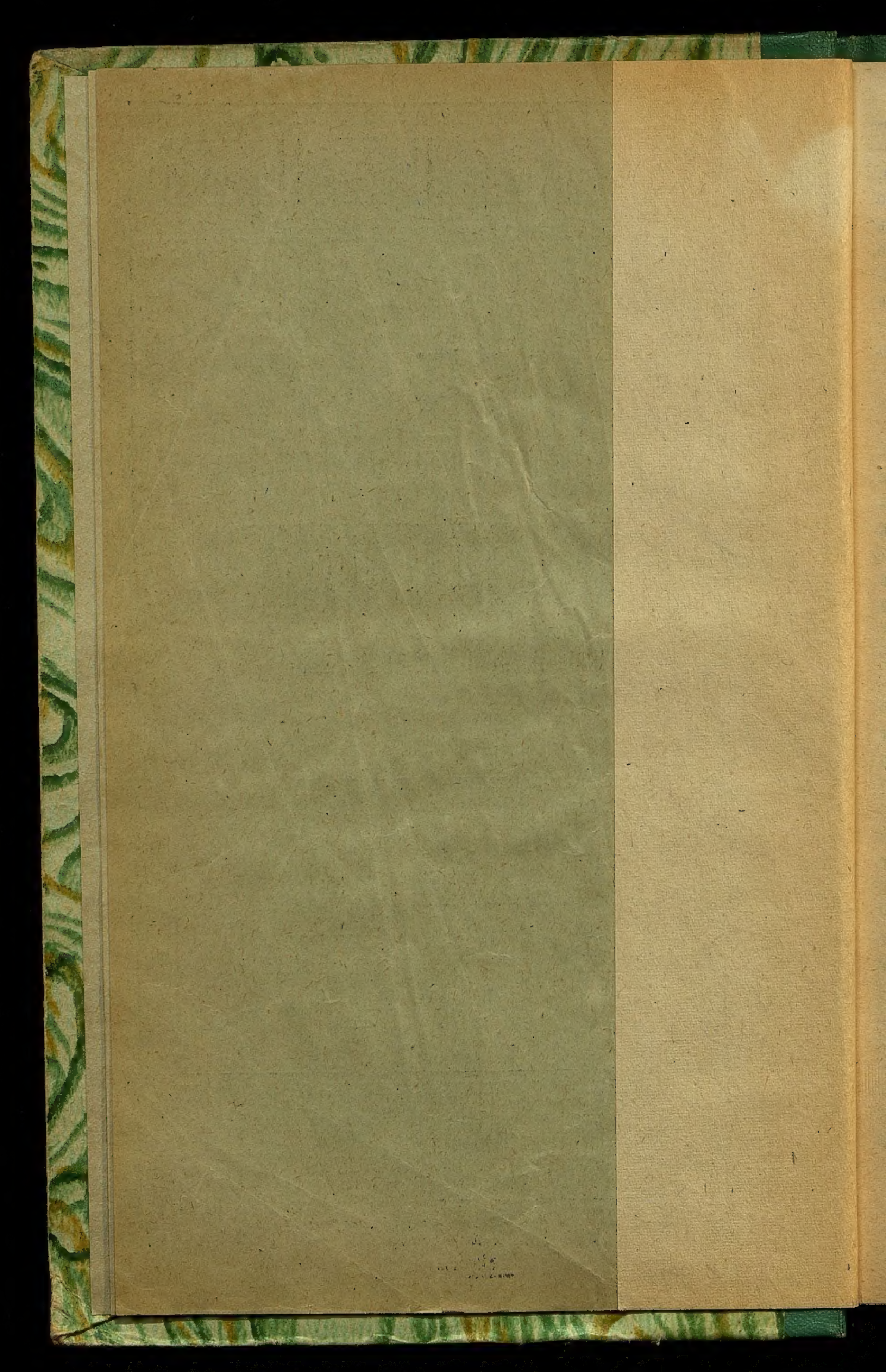
ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,

Архіепископа Кесаріи Каппадокійскія.

Новый исправленный переводъ
Московской Духовной Академіи.

Книга 4.

Безплатное приложеніе къ журналу
„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ" за 1911 г.
Редакторъ Е. А. Поповицкій. Издатель П. П. Сойкинъ.

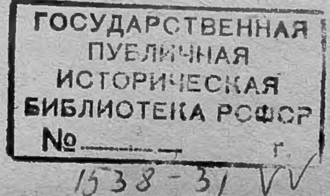
состоянію міра; имъ измѣряется всякое движеніе, звѣздъ ли, животныхъ ли, или чего бы то ни было движущагося, поколику говоримъ, что одно скорѣе или медленнѣе другаго:—скорѣе, что въ меньшее время проходитъ большое разстояніе; и медленнѣе, что въ большее время передвигается меньше. Евномій же, поелику звѣзды движутся во времени, называетъ ихъ зиждителями времени. А такимъ образомъ, по ученію этого мудреца, поелику и жужелицы движутся во времени, опредѣлимъ время такъ: оно есть какое-то качественное движеніе жужелицъ. Ибо отъ сего ничѣмъ не отличается сказанное имъ, кромѣ важности названій. Таково ученіе его о времени; разсмотрите же и послѣдующее.

Евн. Но невозможно, говоритъ онъ, чтобъ было что нибудь въ сущности Божіей, напримѣръ: видъ, или объемъ, или количество; потому что Богъ совершенно свободенъ отъ сложности. Если же ни что такое и подобное сему не соединено съ Божіею сущностію, даже непозволительно думать, чтобы и когда либо съ нею соединилось, то на какомъ еще основаніи дозволено будетъ рожденную сущность уподоблять нерожденной? Потому что подобіе, или сравненіе, или общеніе по сущности не оставитъ мѣста никакому превосходству или различію, но явно произведетъ равенство, а вмѣстѣ съ равенствомъ покажетъ, что уподобляемое или сравниваемое—нерожденно. Никто же не безуменъ и не смѣлъ въ нечестіи до такой степени, чтобы назвать Сына равнымъ Отцу, когда Самъ Господь говоритъ ясными словами: пославшій Меня „Отецъ болій Мене есть" (Іоан. 14, 28).

Вас. И еще чрезъ нѣсколько словъ говоритъ:

Евн. Но оставивъ многіе другіе доводы на то, что Богъ всяческихъ одинъ нерожденъ и несравнимъ, достаточнымъ для доказательства почитаю и сказанное.

Вас. Когда намѣренъ коснуться какого нибудь лукаваго ученія, беретъ сперва нѣчто допускаемое всѣми, чтобы, по причинѣ справедливости въ этомъ, не потерять довѣрія и въ прочемъ. Онъ говоритъ: „невозможно быть чему либо въ Божіей сущности, напримѣръ: виду, объему, количеству, потому что Богъ совершенно свободенъ отъ сложности". Доселѣ онъ справедливъ; но въ послѣдующихъ словахъ опять входитъ самъ въ себя. Ибо какъ бы по необходимости, къ предложеннымъ выше худамъ присовокупляетъ еще слѣдующую, говоря: если же ничто такое и подобное сему не соединено съ сущностію, даже непозволительно думать, чтобы и когда либо съ нею соединилось; то на какомъ основаніи дозволено будетъ рожденную сущность уподоблять нерожденной? Какую связь имѣетъ это между собою: если Богъ несложенъ, то Сынъ не можетъ имѣть подобія съ Нимъ? Ибо скажи, не утверждаешь ли ты также, что и Сынъ не имѣетъ въ Себѣ ни вида, ни объема, ни количества, и что Онъ вовсе

свободенъ отъ сложности? Но думаю, что ты, при всемъ своемъ неистовствѣ, не осмѣлишься сказать о Сынѣ что нибудь иное съ тѣмъ, что говоришь объ Отцѣ, а именно, что Онъ безтѣлесенъ, не имѣетъ ни вида, ни очертанія, и тому подобное. Почему же не благочестиво—не имѣющаго вида сравнивать съ не имѣющимъ вида, и не имѣющаго количества съ не имѣющимъ онаго, и совершенно несложнаго—съ несложнымъ? Но Евномій поставляетъ подобіе въ видѣ и равенство въ объемѣ; а что такое количественность, которую почитаетъ онъ чѣмъ-то отличнымъ отъ объема, сіе пусть лучше объяснитъ самъ онъ.

Евн. Поэтому, говоритъ, ни равенъ, ни подобенъ; потому что неколичественъ и не имѣетъ вида.

Вас. А я въ этомъ самомъ и полагаю подобіе. Ибо какъ Отецъ свободенъ отъ всякой сложности, такъ и Сынъ совершенно простъ и несложенъ; и подобіе умопредставляется не въ тождествѣ вида, но въ самой сущности. У тѣхъ, которые имѣютъ образъ и очертаніе, подобіе состоитъ въ тождествѣ вида; а естеству, у котораго нѣтъ ни вида, ни очертанія, остается имѣть подобіе въ самой сущности, и равенство не въ размѣрѣ объемовъ, но въ тождествѣ силы. Сказано: „Христосъ Божія сила и Божія премудрость“ (1 Кор. 1, 24); то есть, вся сила Отцева въ Немъ пребываетъ. Посему „яже видитъ Отца творяща, сія и Сынъ такожде творитъ“ (Іоан. 5, 19).

Евн. Но подобіе въ сущности, говоритъ онъ, сравненіе, общеніе, не оставляющее мѣста никакому превосходству или различію, очевидно, производятъ равенство.

Вас. Почему же не оставляетъ мѣста никакому различію, даже и тому, какое есть между причиною и тѣмъ, что отъ причины? Потомъ Евномій присовокупляетъ:

Евн. Никто не безуменъ и не смѣлъ въ нечестіи до такой степени, чтобы Сына назвать равнымъ Отцу.

Вас. Скажемъ ему на сіе словами пророка: „лице жены блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдѣтися ко всѣмъ“ (Іер. 3, 3). И такія женщины приписываютъ студныя дѣла свои живущимъ честно; и онъ желающихъ возвеличить славу Единороднаго называетъ безумными и смѣлыми въ нечестіи, негодуя на то же самое, чѣмъ раздражались и Іудеи, говорившіе тогда, что „равенся творитъ Богу“ (Іоан. 5, 18). Впрочемъ никому да не покажутся слова мои странными! Іудеи, повидимому, лучше нѣсколько усматривали необходимость слѣдствія. Ибо негодовали, что назвалъ Бога Отцемъ Своимъ, заключая сами собою о послѣдующемъ, то есть, что чрезъ сіе „равенся творитъ Богу“; потому что изъ одного—имѣть Отцемъ Бога, необходимо слѣдуетъ другое—быть равнымъ Богу. Евномій же, безъ сомнѣнія, допуская первое, отрицается отъ

втораго, и указываетъ намъ на слова Господа, сказавшаго: пославшій Меня „Отецъ болій Мене есть", но не слушаетъ говорящаго Апостола: „не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу" (Филип. 2, 6). Но если, по словамъ твоимъ, нерожденность есть сущность, а Христосъ хотѣлъ показать превосходство по сущности; то Онъ сказалъ бы: нерожденный „болій Мене есть". Ваше же это ученіе, что именованіе Отца означаетъ дѣятельность, а не сущность. Поэтому, говоря, что Отецъ больше Сына, утверждаете, что дѣятельность больше дѣла. Но всякая дѣятельность сходится въ мѣрѣ съ своими произведеніями, и великою бываетъ дѣятельность для великихъ дѣлъ, а малою—для малыхъ. Поэтому признавать, что Отецъ больше Сына въ этомъ отношеніи, не иное что значитъ, какъ полагать дѣятельность несоразмѣрною съ дѣломъ, и утверждать, что Богъ напрасно подвигся къ великой дѣятельности, когда съ сею дѣятельностію не могъ уравнять конца. Поэтому необходимо выйдетъ одно изъ двухъ: или наименованіе Отца означаетъ не дѣятельность, но сущность (а въ такомъ случаѣ разстроится вымышленное ими понятіе подобія, по которому полагаютъ Сына подобнымъ Отцу, то есть, подобнымъ по дѣятельности, ибо говорятъ: какимъ восхотѣлъ Отецъ, такимъ и сотворилъ, почему и называютъ Сына образомъ хотѣнія); или, спасая это, не должны говорить, что Отецъ больше; потому что всякая дѣятельность, когда нѣтъ никакого внѣшняго препятствія, соразмѣрна своимъ произведеніямъ. И сіе сказано въ обличеніе разногласія въ ихъ ученіяхъ.

Кому же неизвѣстно и то, что большимъ называется что нибудь или въ значеніи причины, или по полнотѣ силы, или по превосходству достоинства, или по избытку объема? Но здѣсь слово: „болій" взято не въ отношеніи къ объему; это и самъ Евномій предварительно сказалъ, и въ самой вещи дѣйствительно такъ; потому что большее въ величинахъ есть то же, что и меньшее, взятое съ остаткомъ. Но кто измѣритъ одно другимъ, когда то и другое необъемлемо величиною, или лучше сказать, не имѣетъ величины и неколичественно? А тамъ, гдѣ невозможно сравненіе, какимъ образомъ узнаешь избытокъ? Сказать же, что Христосъ, Божія сила, недостаточенъ по силѣ, прилично развѣ дѣтямъ и не слыхавшимъ словъ Господа, Который говоритъ: „Азъ и Отецъ едино есма" (Іоан. 10, 30), и слово „едино" беретъ въ значеніи равнаго по силѣ, какъ докажемъ изъ самыхъ евангельскихъ реченій. Ибо, сказавъ объ увѣровавшихъ: „не восхититъ никтоже отъ руки Моея" (ст. 28); и „Отецъ, Иже даде Мнѣ, болій всѣхъ есть, и никтоже можетъ восхитити отъ руки Отца Моего" (ст. 29), присовокупилъ: „Азъ и Отецъ едино есма", очевиднымъ образомъ принимая слово „едино" въ значеніи равнаго и тождественнаго по силѣ. Но если и престолъ Божій, какъ мы вѣруемъ, есть именованіе, означающее достоинство; то Сыну опредѣленное сѣденіе одес-

ную Отца что иное означаетъ, какъ не равночестность достоинства? Да и Господь даетъ обѣтованіе пріидти „во славѣ Отца“ (Матѳ. 16, 27). Посему остается заключить, что здѣсь слово „болій“ сказано въ значеніи причины. Поелику начало Сыну отъ Отца; посему Отецъ и „болій“, какъ виновникъ и начало. Потому и Господь сказалъ такъ: „Отецъ“ Мой „болій Мене есть“, то есть, поколику Онъ Отецъ. Но слово „Отецъ“ что иное значитъ, какъ не то, что Онъ вина и начало рожденному отъ Него? Конечно же, и по вашей мудрости нельзя сказать, что одна сущность больше или меньше другой сущности. Такимъ образомъ, и по ихъ мнѣнію, и по самой истинѣ, разсматриваемое слово „болій“ никоимъ образомъ не показываетъ превосходства по сущности. А чтобы Богъ Отецъ былъ „болій“ по объему, сего не скажетъ и самъ Евномій, объявившій уже, что въ Богѣ не должно представлять себѣ количественности. Поэтому остается нами сказанный способъ разумѣть слово „болій“, то есть, въ значеніи начала и вины. Таково покушеніе Евномія извлечь хулу изъ слова „болій“.

Достойно же удивленія то, что онъ, въ столь немногихъ словахъ впавъ въ противорѣчія (какъ бы душевныя очи поражены были у него слѣпотою), не могъ увидѣть противоположностей въ сказанномъ имъ; и чрезъ это оказался столько чуждымъ мира Божія, который оставилъ Господь нашъ искренно и нелестно увѣровавшимъ въ Него, сказавъ: „миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ“ (Іоан. 14, 27), оказался, говорю, столько чуждымъ сего мира, что прекословитъ не только другимъ, но и самому себѣ. Ибо, сказавъ, что Богъ и Отецъ больше Единороднаго Сына, и обвинивъ въ поврежденіи ума утверждающихъ равенство, какъ будто имѣетъ на то неоспоримыя доказательства, поступивъ не много далѣе, посмотрите, что пишетъ.

Евн. Но оставивъ многіе другіе доводы на то, что Богъ всяческихъ одинъ нерожденъ и несравнимъ, для доказательства достаточнымъ почитаю и сказанное.

Вас. Итакъ спросимъ его: если Богъ несравнимъ, то изъ чего же постигнуто Его превосходство? Ибо „большее“ усматривается изъ сравненія съ превышаемымъ. Посему, какъ Онъ и „болій“, и несравнимъ? Но Евномій, чтобы доказать, что сущность Божія различна отъ сущности Единороднаго, слово „больше“, употребляемое сравнительно, принялъ за различіе сущности; а чтобы опять низвести Единороднаго въ равночестіе съ тварію, устанавляетъ положеніе, что Отецъ несравнимъ, придумывая какой-то новый и подлинно несравненный путь къ хулѣ, и подъ предлогомъ возвышенія и превознесенія Бога и Отца умаляя славу Единороднаго Сына и Бога, хотя Господь свидѣтельствуетъ и говоритъ: „иже не чтитъ Сына не чтитъ Отца“ (Іоан. 5, 23), и: „отметайся Мене“ не Меня отметается, „но Пославшаго Мя“ (Лук. 10, 16). Но врагъ истины

внушающій симъ людямъ говорить и писать подобное, зналъ, что, если ослѣпитъ ихъ въ уразумѣніи славы Единороднаго, то отниметъ у нихъ вѣдѣніе самого Бога и Отца. Поэтому, хотя, повидимому, приписываютъ нѣкоторыя преимущества Богу и Отцу, однако же никакой изъ сего пользы нѣтъ для нихъ, лишенныхъ вѣдѣнія того пути, который ведетъ къ Богу. Ибо и Іудеи думаютъ, что прославляютъ Бога; а услышимъ также, что нѣкоторые изъ Еллиновъ хотятъ сказать о Богѣ нѣчто великое, однако же никто не скажетъ, что они величатъ Бога, безъ вѣры во Христа, „Имже приведеніе" къ вѣдѣнію (Рим. 5, 2).

Итакъ называетъ онъ Бога несравнивымъ, желая доказать, что Сынъ равенъ твари и, подобно ей, далекъ отъ славы Отца, потому что превышаемые равною мѣрою необходимо равны между собою. А Единородный Сынъ, по ученію Евномія, столько же превышается Богомъ и Отцемъ, сколько и каждая изъ тварей. Ибо таково несравнимое; оно для всѣхъ равно неприступно и недостижимо. Если же Сынъ наравнѣ съ другими удаленъ отъ Отца, то Онъ равенъ тѣмъ, съ которыми удаленъ. Сказали ли бы что хуже этой хулы и Іудеи? Что еще можно услышать и отъ язычниковъ? И не стыдятся показывающіе видъ, что чтутъ Божіе слово, предлагать ученія благопріятныя и свойственныя Іудеямъ и язычникамъ! Если Сынъ не сравнивается съ Богомъ и Отцемъ, какъ не сравниваются ни Ангелы, ни небо, ни солнце, ни земля, ни каждое изъ земныхъ животныхъ и растеній; то какъ же будетъ Онъ имѣть различіе съ собственными Своими тварями? Откуда у Него свойство съ Родившимъ? „Азъ и Отецъ едино есма", говоритъ Онъ. Опять напомнимъ то же реченіе. Скажи же мнѣ, не слово ли это сравнивающаго себя? Что говорю: сравнивающаго? даже соединяющаго и, такъ сказать, показывающаго симъ безразличность естества. А Евномій утверждаетъ, что Богъ несравнимъ. И благость Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, даже человѣковъ, сколько могутъ вмѣстить, чрезъ поученіе и упражненіе въ добрыхъ дѣлахъ, приводитъ къ уподобленію Богу всяческихъ, когда говоритъ: „будите совершени, якоже и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть" (Матѳ. 5, 48). А онъ и Единороднаго всѣми силами старается лишить съ Родившимъ того свойства, какое въ Немъ есть по естеству. Но и въ этомъ случаѣ слово его обращается противъ него же самого. Ибо, если Отецъ несравнимъ, то откуда будетъ онъ заимствовать доказательства, что Сынъ не подобенъ? Если скажетъ, что черезъ взаимное сличеніе сущностей найдено неподобіе; то почему же Отецъ и въ такомъ случаѣ несравнимъ? А если и вовсе не сравнивается; то какъ можно было познать различіе? Такъ, обыкновенно, злое противится не только добру, но и себѣ самому.

Книга 2. О Сынѣ.

Положивъ основаніе къ хуламъ на Сына Божія, сколько могъ въ словѣ своемъ о Богѣ всяческихъ, послѣ сего Евномій уже прямо изощряетъ языкъ противъ Единороднаго Бога. Что же онъ говоритъ?

Ев. И одинъ Сынъ, Единородный, о Которомъ могъ бы я представить реченія святыхъ, возвѣщающія, что Сынъ есть порожденіе и твореніе, и самымъ различіемъ наименованій указывающія на различіе сущности, и такимъ образомъ избавился бы отъ заботъ и трудовъ. Но для людей, предполагающихъ тѣлесное рожденіе и вводимыхъ въ недоразумѣнія обоюдными выраженіями, можетъ быть, нужно и о семъ сказать нѣсколько словъ.

Вас. Вотъ слова Евномія! Если бы надобно было смотрѣть на все его сочиненіе, какъ на вымышленную тяжбу, какія задаютъ юношамъ въ училищахъ суеты для того, чтобъ они научились въ самой лжи отъискивать нѣчто правдоподобное (какъ и дѣйствительно у Евномія, точно такъ же, какъ и тамъ, все походитъ на сраженіе съ тѣнями: борьба съ обличителями, которыхъ нѣтъ; защищеніе себя противъ обличенія, котораго никто не предлагалъ; слово къ судьямъ, нигдѣ не показывающимся); если бы такъ надлежало выслушивать слова его: то я и самъ пересталъ бы разбирать ихъ, и всякому другому посовѣтовалъ бы нисколько ими не заниматься. Но какъ онъ обѣщаетъ нѣчто болѣе важное, и во многихъ родилась мысль, что у него есть нѣкоторая забота объ истинѣ; то необходимо нужно, по возможности, подвергнуть испытанію каждое его положеніе.— Какой же способъ испытанія можетъ быть справедливѣе того, чтобы, сличая его слово съ ученіями, преданными намъ отъ Духа, то, что найдется съ ними согласнымъ, принимать, а что имъ противно, тому не вѣрить и бѣжать отъ того, какъ отъ врага?

Итакъ, прежде всего, пусть Евномій покажетъ, кто изъ святыхъ называлъ Христа порожденіемъ и твореніемъ? Какія представитъ онъ изреченія Писаній въ доказательство сказаннаго имъ?—Если онъ утверждается на приведенномъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ изреченіи блаженнаго Петра, который говоритъ: „да разумѣетъ весь домъ Исраилевъ, яко Господа Его и Христа сотворилъ есть Богъ сего Іисуса, Егоже вы распясте“ (Дѣян. 2, 36): то, во-первыхъ, это свидѣтельство не имѣетъ никакой связи съ предметомъ настоящаго изслѣдованія. Онъ обѣщался показать, что святые называютъ Сына твореніемъ, а приводитъ свидѣтельство о Богѣ и Отцѣ „яко сотворилъ есть“. Но не скажетъ онъ того, что ему позволено въ разсужденіяхъ о такихъ истинахъ придумывать какія-нибудь словопроизводства и измѣненія наименованій. Ибо, если и за „праздное слово воздадимъ“ отвѣтъ „въ день судный“ (Матѳ. 12, 36); то кольми

паче не отпустится намъ безъ истязанія измышленіе нововведеній въ такихъ важныхъ вещахъ. Сколь прилично сказано приведенное о Богѣ и Отцѣ, это удобно познали мы изъ слова Божія; но что слово „твореніе“ не можетъ быть приложено къ Единородному, это удобно познали мы изъ слова Божія; но что слово „твореніе“ не можетъ быть приложено къ Единородному, это показалъ Духъ Святый самымъ Своимъ умолчаніемъ. Послѣ сего будетъ ли безопасно, перестроивъ по-своему реченіе: „сотворилъ есть“, назвать тварію Творца всяческихъ? Если бы приличествовало Ему такое наименованіе, не умолчалъ бы о семъ Духъ. Относительно созданныхъ существъ мы находимъ произведенное отъ слова: „сотвори“, имя: „твореніе“; но относительно Сына Божія—сего не находимъ. Сказано: „въ началѣ сотвори Богъ небо и землю“ (Быт. 1, 1); а въ другомъ мѣстѣ: „въ твореніихъ руку Твоею поучахся“ (Псал. 142, 5); также: „невидимая бо Его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть“. Такъ Писаніе употребляетъ сіе имя тамъ, гдѣ прилично; но не прилагаетъ его къ Господу и Спасителю нашему Іисусу Христу, такъ какъ оно не соотвѣтствуетъ величію славы Его. Не стыдится называть Господа славы и „сѣкирою“ (Матѳ. 3, 10), и „камнемъ краеугольнымъ“, и „камнемъ претыканія“ и „камнемъ соблазна“ (1 Петр. 2, 6. 8), и другими подобными наименованіями, въ которыхъ не много чести по мнѣнію людей, не постигающихъ знаменованія именъ; но нигдѣ не именуетъ Его твореніемъ. А Евномій, желая опутать клеветами не только своихъ послѣдователей, но и древнихъ святыхъ, говоритъ, будто отъ святыхъ занялъ сіе имя.

Но, кромѣ того, что опасно, а потому и не должно отваживаться на подобныя нововведенія и по своему переиначивать имена Господа, замѣтимъ еще, что и смыслъ изреченія апостольскаго не представляетъ намъ ничего о предвѣчномъ ѵпостасномъ бытіи Единороднаго, о которомъ теперь мы разсуждаемъ. Ибо очевидно, что Апостолъ говоритъ здѣсь не о самой сущности Слова Божія, Которое въ началѣ было у Бога (Іоан. 1, 1), но объ Истощившемъ Себя въ зракѣ раба, и Содѣлавшемся сообразнымъ нашему уничиженному тѣлу (Филип. 2, 7. 3, 21), и Распятомъ отъ немощи (2 Кор. 13, 4). Всякій, даже и не много вникавшій въ смыслъ сихъ словъ Апостола, можетъ разумѣть, что здѣсь онъ не преподаетъ намъ богословія, а показываетъ образъ домостроительства спасенія. Ибо, говоря: „Господа и Христа Богъ сотворилъ есть, сего Іисуса, Егоже вы распясте“, имѣетъ въ виду единственно Его человѣчество и то, что въ Немъ видимо, какъ это ясно открывается всѣмъ изъ указательнаго реченія („сего Іисуса“).— А Евномій слово: „сотворилъ есть“, переноситъ на исконное рожденіе Единороднаго. Не убѣждается онъ и тѣмъ, что выраженіе: „Господь“, есть имя означающее не сущность, а власть, и что, посему, сказавшій: „Гос-

пода Его и Христа Богъ сотворилъ есть", не разсуждаетъ здѣсь объ исхожденіи Сына въ бытіе, а говоритъ только о начальствѣ и владычествѣ надъ всѣми, преданномъ Ему отъ Отца. Впрочемъ это докажемъ мы послѣ, когда будемъ обличать Евномія въ приведеніи свидѣтельствъ Писанія, не согласномъ съ намѣреніемъ Духа. А теперь возвратимся къ продолженію его рѣчи.

Что же у него значитъ сіе имя, и на какомъ основаніи онъ осмѣливается Творца всяческихъ называть тварію? Обманувъ самъ себя нечистосердечнымъ лжеумствованіемъ, онъ думаетъ, что различіемъ наименованій доказывается и различіе сущности. Но кто изъ здравомыслящихъ согласится на это положеніе: „которыхъ вещей имена различны, тѣхъ и сущности необходимо должны быть инаковы"? Названія Петра и Павла, и вообще всѣхъ людей, различны; но сущность всѣхъ одна. Весьма во многомъ мы другъ съ другомъ одинаковы; а отличаемся одинъ отъ другого тѣми только свойствами, которыя усматриваются въ каждомъ особо: почему названія служатъ къ означенію не сущностей, а особенныхъ свойствъ, характеризующихъ каждаго. Такъ, услышавъ имя Петра, мы не разумѣемъ подъ симъ именемъ сущности Петра (сущностію же называю здѣсь вещественное подлежащее, котораго это имя вовсе не означаетъ), а только напечатлѣваемъ въ себѣ понятіе объ особенныхъ свойствахъ, въ немъ усматриваемыхъ. Ибо при этомъ словѣ тотчасъ представляемъ себѣ Петра, сына Іонина, изъ Виѳсаиды, брата Андреева, изъ рыбарей призваннаго на служеніе апостольское и за превосходство вѣры получившаго обѣтованіе, что на немъ созиждется Церковь. Ни одно изъ сихъ свойствъ не есть сущность, которую бы можно было разумѣть какъ самостоятельное начало. Такимъ образомъ имя показываетъ намъ отличительный характеръ Петра, но совсѣмъ не представляетъ его сущности. Также, услышавъ имя Павла, представляемъ себѣ совокупность другихъ особенныхъ свойствъ: воображаемъ Тарсянина, Еврея, по закону Фарисея, ученика Гамаліилова, по ревности гонителя церквей Божіихъ, страшнымъ видѣніемъ обращеннаго къ познанію, Апостола народовъ языческихъ. Ибо все сіе совмѣщается въ одномъ словѣ: Павелъ.—Сверхъ того, если бы это было истинно, что которыхъ вещей имена различны, тѣхъ и сущности противоположны; то надлежало бы и Петру, и Павлу, и вообще всѣмъ людямъ, быть инаковыми по сущности. Но поелику не найдется ни одного человѣка, который бы столько былъ грубъ и несвѣдущъ о природѣ общей всѣмъ намъ, чтобы рѣшился сказать сіе; ибо сказано: „отъ бренія сотворенъ еси ты, якоже и азъ" (Іов. 33, 6), и симъ означается не иное что, какъ единство сущности всѣхъ человѣковъ: то ложь говоритъ тотъ, кто умствуетъ, будто изъ различія именъ должно заключать и о различіи сущности. Ибо не за именами слѣдуетъ природа вещей, а на-оборотъ, имена изобрѣтены уже

послѣ вещей. Иначе, если бы первое было истинно, то надлежало бы согласиться, что которыхъ вещей названія одинаковы, тѣхъ и сущность одна и та же: а посему, такъ какъ совершенные въ добродѣтели удостоены названія боговъ (Іоан. 10, 35), то человѣки были бы единосущны Богу всяческихъ. Но какъ это выговорить означало бы явное съумасшествіе, такъ и вышеприведенныя слова заключаютъ въ себѣ такое же безуміе. Итакъ изъ сказаннаго ясно видно, что и въ Отцѣ и Сынѣ имена не означаютъ сущности, а только показываютъ особенныя свойства, такъ что никоимъ образомъ нельзя принять заключенія отъ разности именъ къ противоположности сущностей. При такомъ заключеніи, Евномій прежде всего опровергаетъ самого себя. Ибо, если различны твореніе и порожденіе, то, по причинѣ разности именъ, различны будутъ и сущности Единороднаго. Но если это сказать могутъ только безумные, то и предъидущаго никто въ здравомъ умѣ не скажетъ.

Тутъ же Евномій притворяется, будто имѣетъ множество доказательствъ на то, что святые называли Сына твореніемъ; но, поспѣшая къ другимъ, болѣе нужнымъ изслѣдованіямъ, на сей разъ не упоминаетъ объ оныхъ, отлагая то до другаго времени.—Искусное злоухищреніе—предпочитать слову молчаніе тамъ, гдѣ не знаетъ, что сказать! Ибо, если бы онъ имѣлъ хоть тѣнь свидѣтельства, въ которомъ выражалось бы, что Единородный есть твореніе, то уже, вѣрно, прожужжалъ бы намъ уши и оглушилъ бы насъ.

Далѣе говоритъ, что для людей, предполагающихъ тѣлесное рожденіе Господа и вводимыхъ въ недоразумѣнія обоюдными выраженіями, нужно ему и о семъ сказать нѣсколько словъ.—Но что же ему мѣшало утвердить прежде слово свое свидѣтельствами Писаній, и потомъ уже приступить къ исправленію немощныхъ и загладить вредъ, происходящій отъ обоюдныхъ словъ, если только онъ былъ для кого-нибудь, или будетъ когда-нибудь? Въ самомъ дѣлѣ, кто будетъ такъ совершенно плотянъ по уму и несвѣдущъ въ словѣ Божіемъ, чтобы слыша о Божескомъ рожденіи, сталъ переноситься къ образамъ тѣлеснымъ, къ коимъ относятся совокупленіе мужчины съ женщиною, зачатіе въ утробѣ, составленіе и образованіе тѣла, и исхожденіе на свѣтъ въ надлежащее время? Кто будетъ такъ скотоподобенъ, чтобы, слыша о Богѣ Словѣ, изъ Бога исшедшемъ, слыша о Премудрости, отъ Бога рожденной, могъ преклоняться мыслями къ страстямъ тѣлеснымъ?

Кромѣ прочаго, онъ придумалъ сей благовидный образъ объясненія еще и для того, чтобы показаться человѣкомъ, принимающимъ на себя трудъ учительства по чувству состраданія къ неразумнымъ братіямъ. И вотъ, онъ исправляетъ чувственныя предположенія, могущія представиться при словѣ „рожденіе"; а тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя должны

произойти отъ наименованія Господа тварію, не отвращаетъ. Кто представляетъ въ своемъ воображеніи тѣлесное рожденіе, тотъ легко перенесется мыслію и къ вещественнымъ образамъ творенія. Ибо, если немощный, при словѣ: „раждать“, будетъ представлять себѣ какое-то отдѣленіе, перестановленіе и истеченіе сущности раждающаго; то нельзя ожидать, чтобы онъ не доведенъ былъ и до того предположенія, что для составленія сущности (εἰς ὑπόστασιν) такъ называемой вами твари, привнесено отвнѣ, изъ ничего, какое нибудь вещество.—Почему же Евномій вручаетъ мысленныя немощи братій только въ половину, и, заботясь о предполагающихъ тѣлесное рожденіе, небрежетъ о тѣхъ, которые соблазняются наименованіемъ твари?—Это потому, что выраженіе: „рожденнымъ быть“, какъ онъ самъ знаетъ, противно его мнѣніямъ, такъ какъ рожденный необходимо имѣетъ неразрывную связь и совершенное, безъ всякаго различія, сходство съ родившимъ; а слово: „быть сотвореннымъ“, благопріятствуетъ и споборствуетъ его предположеніямъ, такъ какъ оно выражаетъ мысль о чемъ-то чуждомъ, стороннемъ для сотворившаго, и вовсе не имѣющемъ неразрывной съ нимъ связи.— Къ этому Евномій присовокупляетъ слѣдующее:

Евн. Итакъ, по ученію Писаній, мы говоримъ, что Сынъ есть порожденіе; разумѣя подъ симъ, что сущность не есть что нибудь одно, а означаемое именемъ—что нибудь другое, отличное отъ нея, но, что означается именемъ, то и есть самая сущность (ὑπόστασιν), ибо названіе по самой истинѣ соотвѣтствуетъ сущности.

Вас. И сими словами онъ, очевидно, борется противъ истины; впрочемъ говоритъ согласно самъ съ собою. Ибо, какъ въ вышеприведенныхъ рѣчахъ опредѣлялъ, что сущность Бога всяческихъ обозначается Его нерожденностію, такъ и здѣсь говоритъ, что сущность Сына обозначается тѣмъ, что Онъ есть порожденіе; и этимъ хочетъ доказать, что, по причинѣ противоположности рожденнаго нерожденному, Единородный противоположенъ Отцу по самой сущности. Для сего-то и вводитъ реченія, не употребляемыя Духомъ Божіимъ,—называетъ Сына порожденіемъ. Откуда онъ это взялъ? изъ какого ученія? отъ какого пророка? отъ какого Апостола, который придалъ Сыну такое наименованіе?—Я нигдѣ не нашелъ въ Писаніи этого выраженія, употребленнаго въ семъ смыслѣ. А онъ хвастаетъ, будто заимствовалъ такія названія не изъ инаго ученія, какъ изъ ученія Духа. „Мало“ ему „трудъ даяти человѣкомъ“ (Ис. 7, 13); онъ дерзаетъ клеветать и на самого Духа. Что Отецъ родилъ, это мы знаемъ изъ многихъ свидѣтельствъ: но чтобы Сынъ былъ порожденіе, этого еще не слыхали до сего времени. Сказано: „Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ: и нарицается имя Его“—не порожденіе, а—„велика совѣта Ангелъ“ (Ис. 9, 6). Но если бы сло-

вомъ: „порожденіе“, обозначалась сущность Его, то, конечно, не иному имени научились бы мы отъ Духа, какъ тому, которое могло бы явственно выразить сущность. И Петръ, за признаніе истины сподобившійся услышать оное возвѣщеніе: „блаженъ еси“, не сказалъ: „Ты еси порожденіе“, но: „Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго“ (Мато. 16, 16). Также и Павелъ, наполнившій всѣ свои писанія именемъ Сына, не употребилъ нигдѣ слова: „порожденіе“, которое произноситъ Евномій съ такою великою увѣренностію, какъ будто бы заимствовалъ оное изъ божественнаго училища. Но здѣсь не позволятъ ему измѣнять и передѣлывать реченіе: „родилъ“, употребленное объ Отцѣ, и поэтому называть Сына Божія порожденіемъ. Потому что неприлично человѣку, наученному страхомъ Божіимъ, легко перебѣгать отъ подлинныхъ реченій къ такимъ, какія покажутся отъ нихъ происходящими; напротивъ, онъ любитъ держаться именъ, положенныхъ въ Писаніи, и ими наполнять свои славословія, сообразно съ величіемъ Божіимъ. Ибо, ежели первые переводчики, преложившіе Писаніе съ еврейскаго языка на греческій, не осмѣлились истолковать значеніе нѣкоторыхъ именъ, а перенесли подлинныя реченія еврейскія, какъ напримѣръ: Саваоѳъ, Адонаи, Елои, и симъ подобныя, и оказали такое благоговѣніе не только къ именамъ Божіимъ, но и ко многимъ другимъ: то съ какимъ страхомъ мы должны взирать на имена Господа! Если же они не отважились и на истолкованіе нѣкоторыхъ именъ, дабы не ослабить ясности и силы выраженія придавъ ему несоотвѣтственное значеніе; то позволили бы они себѣ составлять какія нибудь имена, по собственному измышленію.

Но ежели Богъ родилъ,—говоритъ Евномій,—то почему не должно Рожденнаго называть порожденіемъ?—Потому, что страшно намъ придавать свои имена Тому, Которому „Богъ даровалъ имя, еже паче всякаго имене“ (Филипп. 2, 9). „Сынъ Мой еси Ты“, говоритъ Онъ, „Азъ днесь родихъ Тя“ (Псал. 2, 7). По ихъ понятію, слѣдовало бы здѣсь назвать Господа не Сыномъ, а порожденіемъ, потому что Онъ рожденъ; но не сказано того. Посему, кто имѣетъ предъ очами судъ Христовъ, и знаетъ, какъ опасно отнять что отъ словесъ, преданныхъ Духомъ, или приложить къ нимъ что нибудь (Апокал. 22, 18. 19), тотъ не долженъ покушаться вводить новое отъ себя, а долженъ довольствоваться тѣмъ, что прежде возвѣщено святыми. Итакъ не крайнее ли безуміе—отваживаться на то, что не принято ни въ общемъ употребленіи, ни въ языкѣ Писаній? Ибо, какой отецъ или какая мать, съ благосердою и нѣжною любовію къ своему дѣтищу, будетъ называть его порожденіемъ, оставивъ обыкновенное привѣтствіе: „сынъ мой“, или: „чадо“? „Чадо“, сказано, „иди въ виноградъ“ (Мато. 21, 28). И въ другомъ мѣстѣ: „Богъ узритъ себѣ овча“ на заколеніе, „чадо“ (Быт. 22, 8). Подобнымъ

образомъ говоритъ Исаакъ: „кто еси ты, чадо“ (Быт. 27, 22)? Еще: „сыне, не пренебрегай наказанія Господня“ (Притч. 3, 11). Также: „сынъ премудръ веселитъ отца“ (Притч. 10, 1). То же и во многихъ мѣстахъ. Но нигдѣ не видно, чтобы кто нибудь называлъ дитя свое порожденіемъ; и это по той явной причинѣ, что „сынъ“ и „чадо“ суть имена приличныя существамъ одушевленнымъ, а слово „порожденіе“ рѣдко къ нимъ прилагается. Порожденіемъ можно назвать и выкидышъ, еще не получившій образа; но онъ недостоинъ назваться чадомъ. Порожденіями именуются и плоды земные, но не чадами. „Не имамъ пити“, сказалъ Господь, отъ порожденія винограда „сего“ [1]) (Матѳ. 26, 29). А объ одушевленныхъ существахъ рѣдко гдѣ найдемъ употребляемымъ сіе названіе; и гдѣ употребляется оно въ этомъ смыслѣ, тамъ говорится, какъ всякій можетъ видѣть, о такомъ животномъ, которое предано на поруганіе и представляется въ примѣръ злости. Ибо сказано: „змія, порожденія ехиднова“ (Матѳ. 23, 33). Посему-то, думаю, и общее употребленіе рѣчи находитъ это наименованіе низкимъ, и божественное Писаніе явно отвращается отъ него, особенно въ отношеніи къ единородному Сыну Божію. Писаніе не допускаетъ даже и названія „чадо“, такъ какъ въ немъ заключается много человѣческаго. Апостолъ повсюду именуетъ Господа Сыномъ, а также и другими различными наименованіями прославляетъ Его, называя и Перворocéднымъ (Рим. 8, 29. Евр. 1, 6), и Образомъ (2 Кор. 4, 4), и Сіяніемъ (Евр. 1, 3); но избѣгаетъ названія „порожденіе“. Если же онъ, или кто другой изъ верховныхъ проповѣдниковъ слова, употребляетъ сіе выраженіе, то пусть Евномій докажетъ это, и мы позволимъ ему уничтожить все сказанное нами. Но онъ не можетъ сего сдѣлать, если не рѣшится, подражая нечестивому Маркіону, иное изъ словесъ Божіихъ исключать, иное, въ нихъ вносить. Такимъ образомъ доказано, что слово „порожденіе“ не свойственно ни общему употребленію, ни языку Писаній.

Теперь посмотримъ, можно ли употреблять сіе имя для означенія самой сущности Сына. Евномій говоритъ.

Евн. Невозможно представить, чтобы инымъ чѣмъ нибудь была сущность, и инымъ, отъ нея отличнымъ, было то, что означается именемъ; но то самое и есть сущность, что означается именемъ, такъ какъ названіе истинно соотвѣтствуетъ сущности.

Вас. По истинѣ достойны сіи ученія твои такихъ судей, какихъ ты въ воображеніи своемъ только представляешь. Въ самомъ дѣлѣ, ты,—

---

[1]) Въ Славянскомъ переводѣ мѣсто сіе читается такъ: „отъ сего плода лознаго“; въ греческомъ Новомъ завѣтѣ: 'εκ τȣ̃ τȣ́τȣ γεννήματος τῆς ἀμπέλȣ; у Василія Великаго: 'εκ τȣ̃ γεννήματος τῆς ἀμπέλȣ ταύτης.

какъ будто на торжищѣ сновидѣній, или въ собраніи пьяныхъ, гдѣ никто не слушаетъ и не разумѣетъ того, что говорится,—постановляешь свои законы съ большою смѣлостію, думая, что, вмѣсто всѣхъ доказательствъ, уже довольно того, что ты такъ сказалъ. Но кто не знаетъ, что тѣ имена, которыя произносятся въ смыслѣ отрѣшенномъ, о вещахъ самихъ въ себѣ, дѣйствительно обозначаютъ соотвѣтствующіе имъ предметы, а тѣ, въ которыхъ выражается примѣненіе одного предмета къ другимъ, показываютъ только отношеніе его къ тѣмъ предметамъ, къ которымъ онъ примѣняется? Такъ имена: человѣкъ, конь, волъ, означаютъ самые предметы именуемые. А выраженія: сынъ, или рабъ, или другъ, показываютъ единственно соприкосновеніе одного имени съ другимъ, которое съ нимъ связано. Такимъ образомъ, кто слышитъ слово „порожденіе", тотъ не обращается мыслію къ какой нибудь сущности, а разумѣетъ только, что одно съ другимъ связано: ибо порожденіемъ называется порожденіе чье нибудь. Посему не крайнее ли это безуміе—узаконять, чтобы признавали за сущность то, что не даетъ мысли о какой нибудь самостоятельности, а означаетъ только отношеніе одного къ другому?—Да и отрѣшенныя имена, хотя и кажутся лучше другихъ выражающими какой нибудь предметъ, однакожъ,—какъ показали мы это немного выше,—не представляютъ самой сущности, а только означаютъ нѣкоторыя свойства, къ ней относящіяся.

Но этотъ великій мудрецъ, проведшій всю жизнь въ суетныхъ ухищреніяхъ, не стыдится говорить, что словомъ „порожденіе" обозначается самая сущность Единороднаго. Посмотрите же, какъ это нелѣпо.—Если сущность есть порожденіе, и на-оборотъ, если порожденіе есть самая сущность; то всѣ порожденія будутъ единосущны между собою. А изъ этого,—по его способу умозаключенія,—что выйдетъ?—То, что Зиждитель всяческихъ окажется имѣющимъ одинаковую сущность со всѣми причастными рожденію. Ибо Евномій не скажетъ, что порожденіе означало сущность только въ Сынѣ, но не удерживало болѣе того же значенія въ прочихъ существахъ, причастныхъ рожденію. Иначе, пусть представитъ ясную и неопровержимую какую нибудь причину, почему бы одно и то же названіе не имѣло одинаковой силы равно для всѣхъ предметовъ, имъ означаемыхъ. Но онъ не найдетъ ея: потому что, какое ни придумаетъ понятіе порожденія, оно будетъ одинаково приличествовать всѣмъ рожденнымъ. Сильнѣйшимъ же доказательствомъ истины сказаннаго нами пусть будетъ собственное размышленіе каждаго изъ слушателей. Пусть каждый спроситъ себя: какое понятіе онъ напечатлѣваетъ въ себѣ, когда услышитъ, что такой-то есть порожденіе такого-то? То ли, что рожденный есть сущность родившаго?—Но это смѣшно; истинно же только то, что одинъ отъ другаго, посредствомъ рожденія, приведенъ въ

бытіе. Подобнымъ образомъ то же слѣдуетъ сказать и объ Единородномъ, и о комъ бы то ни было изъ рожденныхъ. И никто да не подумаетъ, чтобы симъ сходствомъ отношенія уничтожалось достоинство Единороднаго. Ибо различіе Сына отъ другихъ состоитъ въ отношеніи Его къ чему нибудь, а въ особенномъ характерѣ сущности, въ которой является превосходство Бога предъ существами смертными.—Теперь посмотрите, до какой нелѣпости доводитъ ихъ ученіе.—Ежели порожденіемъ называется порожденіе другаго,—что доказывается общимъ употребленіемъ и чему никто не станетъ противорѣчить,—и ежели это самое имя и въ Сынѣ означаетъ сущность, по ихъ ученію: то оно будетъ сущностью и Того, Чьимъ порожденіемъ называется Сынъ. Слѣдственно, это названіе, то есть порожденіе, будетъ означать сущность уже не Единороднаго, что они усиливаются доказать, но Бога всяческихъ. Ибо, если не возможно представить, чтобы инымъ чѣмъ нибудь была сущность, и инымъ чѣмъ, отличнымъ отъ нея, было порожденіе; если слова: „сущность“ и „порожденіе“, равносильны, а Сынъ есть порожденіе Бога: то Онъ будетъ сущностью Бога, такъ какъ порожденіе означаетъ сущность. И такимъ образомъ, изъ умствованія Евноміева докажется, что порожденіе есть сущность Нерожденнаго. Если же сей выводъ достоинъ смѣха; то пусть весь стыдъ возметъ на себя тотъ, кто положилъ первыя посылки. Это уже обыкновенно такъ бываетъ, что, когда умствованіе однажды оторвется отъ истины, то самая послѣдовательность заблужденія увлекаетъ его во многія и опасныя нелѣпости.

Но это еще какъ бы нѣкоторые начатки брани и приготовленія къ хулѣ; главную же сущность зла предлагаетъ онъ вслѣдъ за симъ, говоря:

Евн. Сущность Сына, не существовавшая прежде своего составленія, рождена; впрочемъ рождена прежде всѣхъ, по волѣ Отца.

Вас. Опять тѣ же хитрости, какъ и прежде! Толкуетъ намъ о Сущности Сына, какъ будто бы представлялъ Сына чѣмъ нибудь инымъ, отличнымъ отъ нея, и такимъ образомъ слегка приготовляетъ слухъ къ хулѣ, не говоря явно, что Сынъ рожденъ изъ ничего, а только внушая, что рождена сущность Его, не существовавшая прежде.—Но скажи прежде чего не существовала она? Разсмотрите его ухищреніе. Чтобы всѣ подумали, что онъ говоритъ нѣчто сносное, онъ сравниваетъ ее съ нею самою, и не говоритъ, чтобы она не существовала прежде вѣкъ, или просто не существовала, а только прибавляетъ: „прежде своего составленія“.—Но скажи мнѣ, что утверждаешь ты о сущности Отца: древнѣе ли она своего составленія?—Если Евномій не подчиняетъ временамъ сущность Сына, и слова: „прежде“, не разумѣетъ въ этомъ смыслѣ; то слово сіе суетно и пусто, а потому и не достойно отвѣта. Не менѣе пустымъ будетъ оно и въ отношеніи къ Богу всяческихъ,

если бы захотѣли и на Него перенесть такое суесловіе. Ибо въ семъ случаѣ равно было бы безсмысленно—сказать и то, что Богъ не существовалъ прежде Своего составленія, и то, что Онъ существовалъ прежде Себя. Если же слово: „прежде" относитъ онъ къ сущности Сына въ значеніи времени, и скажетъ, что сущность его рождена, или точнѣе, что самъ Сынъ рожденъ изъ ничего (ибо, по отношенію къ самой мысли, нѣтъ никакой разности сказать такъ, или такъ): то, во-первыхъ, поставитъ Творца вѣковъ вторымъ послѣ временъ, или, если угодно, послѣ вѣковъ; во-вторыхъ, выдерживая послѣдовательность въ своихъ хуленіяхъ скажетъ, что и Отецъ, не бывши Отцемъ отъ начала, сдѣлался Отцемъ уже послѣ.

Но ежели быть Отцемъ есть свойство доброе и приличествующее блаженству Бога; то почему же приличествующее Ему свойство не принадлежало Ему отъ начала?—Или по невѣдѣнію лучшаго, или по безсилію (такъ должны они необходимо объяснять причину сего недостатка),—по невѣдѣнію, какъ будто бы Богъ изобрѣлъ лучшее уже послѣ; по безсилію, какъ будто бы Онъ, зная и разумѣя наилучшее, не могъ онаго достигнуть.—Если же не добро Ему быть Отцемъ (что сказать противно правдѣ); то для чего Онъ принялъ бы измѣненіе и избралъ бы худшее?—Но пусть такая хула обратится на ея виновниковъ!—Богъ же всяческихъ отъ безпредѣльной вѣчности есть Отецъ, и не началъ быть Отцемъ когда нибудь. Ибо ни недостатокъ силы не препятствовалъ исполненію Его воли, ни то, чтобы Онъ выжидалъ истеченія какихъ нибудь вѣковъ, дабы, подобно людямъ и прочимъ животнымъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, когда пришла бы сила чадорожденія, получить желаемое (такъ мыслить и говорить о Немъ свойственно только съумасшедшимъ): напротивъ, Онъ имѣетъ въ Себѣ, если могу такъ назвать, отчество сораспростертое съ Его вѣчностію. Посему и Сынъ, предвѣчно сущій и всегда сущій, не началъ быть когда нибудь; но, когда Отецъ, тогда и Сынъ, и съ мыслію объ Отцѣ тотчасъ соединяется и мысль о Сынѣ: ибо очевидно, что Отецъ есть Отецъ Сына.—Нѣтъ никакого начала для Отца; а Сына начало—Отецъ: и между Ими нѣтъ ничего средняго. Какъ же не существовалъ отъ начала (а это именно и значитъ въ ихъ лжеумствованіяхъ употребленное выраженіе: „прежде своего составленія") Тотъ, Который не имѣетъ прежде Себя ничего, что можно было бы примыслить, кромѣ Отца, отъ Котораго имѣетъ бытіе, и Который не превышаетъ Его какимъ нибудь разстояніемъ, а предпоставляется предъ Нимъ, только какъ причина? Посему, если доказано, что общеніе Сына съ Богомъ и Отцемъ вѣчно, такъ какъ мысль наша непосредственно, не встрѣчая никакой пустоты, переходитъ отъ Сына къ Отцу, и безъ всякаго промежутка соединяетъ Сына съ Отцемъ:

то какъ можетъ къ Тому, Который никакимъ среднимъ мѣстомъ не отдѣленъ отъ Отца, прикоснуться хула лжеучителей, говорящихъ, что Онъ приведенъ въ бытіе изъ ничего?

Кромѣ этого, нельзя не удивляться ихъ безумію и въ томъ, что они не понимаютъ, какъ, утверждая, что Сынъ изъ ничего, вмѣстѣ съ симъ поставляютъ Его не только послѣ Отца, но и послѣ того посредства, которымъ разграничиваютъ Единороднаго отъ Отца. Ибо, ежели есть что нибудь между Отцемъ и Сыномъ, то оно необходимо должно быть древнѣе существованія Сына. Что же это будетъ?—Что иное, какъ не вѣкъ, или время? Ибо, кто думаетъ, что жизнь Отца продолжительнѣе жизни Единороднаго, тотъ чѣмъ инымъ будетъ измѣрять ее,—дабы сказать, что нашелъ избытокъ одной жизни предъ другою,—какъ не промежуткомъ какихъ нибудь вѣковъ, или временъ?—Но ежели это истинно, то ложь говоритъ Писаніе, которое утверждаетъ, что чрезъ Него получили бытіе вѣки (Евр. 1, 2), и учитъ, что „вся Тѣмъ быша" (Іоан. 1, 3), включая въ число всѣхъ вещей, безъ сомнѣнія, и вѣки.—Если же они скажутъ: мы не отрицаемъ, что Сынъ родился прежде вѣкъ; то да будетъ извѣстно, что они то самое отвергаютъ на дѣлѣ, что уступаютъ на словахъ. Чтобы доказать сіе, мы спросимъ ихъ, производящихъ изъ ничего сущность Единороднаго: когда не было Его, какъ вы говорите, какое было тогда среднее разстояніе между Имъ и Отцемъ? И какое для сего разстоянія придумаете вы названіе?—Общее употребленіе подчиняетъ всякое разстояніе или временамъ, или вѣкамъ: что для чувственныхъ вещей—время, то для превышемірныхъ—естество вѣка. Если они, по своей мудрости, придумаютъ нѣчто третіе; пусть скажутъ. Если же умолчатъ; то да будетъ извѣстно, что они сущность Единороднаго поставляютъ на второмъ мѣстѣ послѣ вѣковъ. Ибо, ежели было какое нибудь среднее разстояніе прежде Сына, сораспростертое съ жизнію Отца; то оно, очевидно, было однимъ изъ вѣковъ. Но нѣтъ и не будетъ ничего такого, что можно бы было представить въ мысли прежде самостоятельной сущности Единороднаго. Ибо, что ни примыслимъ, какъ самое древнѣйшее, всего того выше окажется бытіе Бога-Слова, Которое въ началѣ было у Бога (Іоан. 1, 1). И хотя бы тысячу мечтаній о предметахъ несущихъ вымыслилъ самообольщенный умъ, усиливающійся созидать небывалые призраки, никогда не изобрѣтетъ онъ такой хитрости, посредствомъ которой могъ бы перенестись далѣе начала Единороднаго, и оставить позади своего движенія жизнь Того, Кто есть самая Жизнь, и своимъ словомъ возвыситься надъ началомъ Бога-Слова, и усмотрѣть вѣки, въ которыхъ бы не было Бога вѣковъ.

После сего посмотрите, какими словами Евномій чтитъ Единороднаго, отнявъ у Него подобающую Ему славу.

Евн. Впрочемъ сущность Сына рождена прежде всѣхъ, по волѣ Бога и Отца.

Вас. Вотъ какое великое достоинство приписываетъ Сыну—быть старѣе созданія, и существовать прежде сотворенныхъ Имъ существъ, полагая, что уже и довольно того для славы Зиждителя всяческихъ, когда Онъ поставленъ прежде Своихъ тварей. Отчуждивъ Его отъ свойственнаго Ему общенія съ Богомъ и Отцемъ, воздаетъ Ему славу тѣмъ, что предпочитаетъ Его тварямъ. Потомъ хулу свою доводитъ до безстыдства, и думаетъ совсѣмъ опутать насъ неизбѣжными и необходимыми заключеніями своихъ умствованій.

Евн. Или, говоритъ, существующаго Сына родилъ Богъ или не существующаго. Если не существующаго; то не укоряй меня никто въ дерзости. Если же существующаго; то сказать сіе не только есть чрезмѣрная нелѣпость и хула, но и совершенная глупость: ибо существующему не нужно рожденіе.

Вас. Это, всѣмъ извѣстное, лжеумствованіе давно уже изобрѣтено другими, а теперь только довершено въ его устахъ безстыдныхъ и наглыхъ. Мы же, прежде всего, напомянемъ слушателямъ, что этотъ мудрецъ дошелъ до такихъ необходимыхъ заключеній, послѣдуя невѣжеству грубыхъ людей, которые, слыша о рожденіи Сына, разумѣютъ сіе человѣкообразно: держась представленій чувственныхъ, по нимъ ведетъ онъ ненаученныя души къ умозрѣнію духовному и потому, видя, что раждающіяся животныя раждаются, не бывши прежде, и что родившійся сегодня не существовалъ вчера, переноситъ это понятіе и на самостоятельную сущность Единороднаго, и говоритъ: „поелику Онъ родился, то прежде рожденія не было Его". Вотъ какъ высоко богословствуетъ онъ предъ нами о рожденіи Единороднаго! Вотъ какими словами врачуетъ немощи братій нашихъ! Но, если кому, то всѣхъ болѣе ему слѣдуетъ выслушать эту притчу: „врачу, исцѣлися самъ" (Лук. 4, 23)!

Какое же смягчительное врачевство можемъ мы предложить ему противъ этой странной болѣзни ума, если не сіи глаголы, возвѣщенные намъ Духомъ Святымъ чрезъ блаженнаго Іоанна: „въ началѣ бѣ Слово. и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово" (Іоан. 1, 1)? Сими двумя реченіями Евангелистъ заградилъ всѣ пути лжеученію: потому что ни выше перваго взойдти, ни изъ границъ втораго выйдти—невозможно. Не возможно придумать что нибудь такое, что было бы древнѣе начала: ибо сіе послѣднее не было бы и началомъ, если бы далѣе его существовало что нибудь. Не возможно также перейдти мыслію за предѣлы реченія: „бѣ", и засимъ усмотрѣть время, въ которое бы не было (начала); потому что эта мысль: „не было", есть уже уничтоженіе мысли: „бѣ". Если бы начало было изъ числа вещей, разумѣемыхъ относительно къ другимъ, какъ на-

примѣръ можно разумѣть сіи выраженія: „начало премудрости“ (Псал. 110, 10. Притч. 1, 7), или: „начало пути блага“ (Притч. 16, 6), или: „въ началѣ сотвори Богъ“ (Быт. 1, 1); то, можетъ быть, еще могли бы мы вознестись мыслію за предѣлы рожденія того, что произошло изъ такого начала. Но, поелику здѣсь (Іоан. 1, 1) начало разумѣется въ смыслѣ отрѣшенномъ и безотносительномъ, и означаетъ высочайшее естество; то не достоинъ ли осмѣянія, кто придумываетъ нѣчто далѣе сего естества, или усиливается занестись мыслями выше его? Какъ безпредѣльно сіе начало, за которымъ нельзя ничего предположить; такъ же въ безпредѣльность простирается и означаемое словомъ: „бѣ“. Ибо слово: „бѣ“, не показываетъ здѣсь бытія временнаго, какъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „человѣкъ бѣ [1]) во странѣ Аvсітідійстѣй“ (Іов. 1, 1), или: „бѣ [2]) человѣкъ отъ Армаѳемъ“ (1 Цар. 1, 1), или „земля же бѣ невидима“ (Быт. 1, 2); напротивъ, самъ Евангелистъ въ другой книгѣ открылъ намъ значеніе сего: „бѣ“, сказавъ: „Сый, и Иже бѣ, и Вседержитель“ (Апок. 1, 8): ибо что означаетъ слово: „Сый“, то же и слово: „бѣ“, то есть, присносущее и невременное. А называть не сущимъ Сущаго въ началѣ—не свойственно ни тому, кто сохраняетъ неповрежденнымъ понятіе начала, ни тому, кто соединяетъ съ онымъ бытіе Единороднаго. Ибо, какъ нельзя представить въ мысляхъ что нибудь существующее прежде начала, такъ нельзя и отдѣлять отъ начала бытіе Бога-Слова. Итакъ, сколь бы далеко ни желалъ ты вознестись любопытными разъисканіями ума, никогда не сможешь взойдти выше сего: „бѣ“, и мыслями своими стать внѣ онаго.

Спросимъ же и мы его: былъ ли въ началѣ у Бога Богъ-Слово, или явился у Него впослѣдствіи?—Если былъ; то „удержи языкъ твой отъ зла“ (Псал. 33, 14), то есть, отъ хульнаго выраженія: „Его не было“. Если же другое, что и выговорить нечестиво; то я обращу противъ тебя собственныя твои выраженія, и скажу, что это другое слово заключаетъ въ себѣ не только хулу, но и чрезвычайное безуміе: ибо не явное ли безуміе—отъ людей требовать отчета въ словахъ Духа и называть себя ученикомъ Евангелія, и въ то же время возставать противъ сего самого Евангелія?—Разсмотри божественныя реченія, съ какою точностію и ясностію свидѣтельствуютъ оныя о предвѣчномъ рожденіи Сына. Послѣ того какъ Матѳей объяснилъ рождество по плоти, какъ самъ онъ говоритъ: „книга родства Іисуса Христа, Сына Давидова“ (Матѳ. 1, 1); послѣ того, какъ Маркъ началомъ Евангелія поставилъ проповѣдь Іоаннову, сказавъ: „начало Евангеліа Іисуса Христа: якоже

---

[1]) Въ славянскомъ переводѣ: „человѣкъ нѣкій бяше“.

[2]) Въ слав. „и бысть“.

есть писано во" Исаіи пророцѣ [1]) „гласъ вопіющаго въ пустыни" (Марк. 1, 1—3); послѣ того какъ и Лука предположилъ тѣлесныя начала, и потомъ уже приступилъ къ богословствованію: нужно было еще благовѣствіе,—и евангелистъ Іоаннъ, начавшій писать послѣ другихъ, возвысивъ умъ свой, или, лучше, вознесенъ бывъ силою Духа выше всего чувственнаго и выше времени, сопутствующаго вещамъ чувственнымъ, приступилъ къ самому Всевысочайшему, такъ что можно было и ему засвидѣтельствовать о себѣ: „аще и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ ктому не разумѣемъ" (2 Кор. 5, 16). Достигнувъ самаго начала, и оставивъ ниже своего богословія всѣ понятія тѣлесныя и временныя, онъ громогласнѣе прежнихъ проповѣдниковъ возвѣщаетъ тайны, соотвѣтствующія высокости его вѣдѣнія. Не отъ Маріи (говоритъ) начало, и не отъ сихъ временъ.—Но что же?—„Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово" (Іоан. 1, 1). Въ сихъ немногихъ реченіяхъ онъ совмѣщаетъ все—и бытіе отъ вѣчности, и безстрастное рожденіе, и единство природы со Отцемъ, и величіе естества; а приложеніемъ реченія: „бѣ", возводитъ къ началу, какъ бы для того, чтобы заградить уста хулящихъ и говорящихъ: „Его не было", и еще задолго пресѣчь всѣ пути ихъ лжеумствованіямъ. Потомъ, начертавъ въ ученіи о Богѣ-Словѣ какъ бы нѣкое явственное изображеніе естества Единороднаго, указываетъ на Него, какъ уже на извѣстнаго, сими словами: „Сей бѣ искони у Бога" (Іоан. 1, 2), и опять прилагаетъ: „бѣ", чтобы представить рожденіе Единороднаго въ связи съ вѣчностію Отца. И потомъ опять: „животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ" (ст. 4), и далѣе: „бѣ свѣтъ истинный" (ст. 9). Такъ приложеніями слова: „бѣ", означающими вѣчность, правое ученіе ограждено со всѣхъ сторонъ!—Не смотря на то, Евномій отринулъ всѣ свидѣтельства Духа, и какъ будто даже не слыша Его, столь многократно взывающаго къ намъ: „бѣ", говоритъ: „рожденъ не бывши: слѣдственно рожденъ послѣ,—привзошелъ".—Но если рожденія не было въ началѣ, какъ вы говорите; то не самая ли явная это брань противъ изреченій евангельскихъ, которымъ мы увѣровали?

Послѣ сего кто изъ благомыслящихъ не согласится и на то, что, какъ глазъ, удалившійся изъ освѣщенныхъ мѣстъ, по причинѣ отсутствія свѣта необходимо перестаетъ дѣйствовать, такъ и умъ, вовлекаемый мечтами воображенія въ область не существующаго, по недостатку какъ бы нѣкоего свѣта истины, смѣшивается, дѣлается несмысленъ и лишается разумѣнія. Подлинно, какъ глазъ внѣ свѣта не можетъ пользоваться способностію зрѣнія, такъ и душа, носящаяся по сторонамъ внѣ понятія о Единородномъ, не можетъ пользоваться разумѣніемъ. Потому

---

[1]) Въ слав. переводѣ: „во пророцѣхъ".

что отпаденіе отъ истины есть невидѣніе и ослѣпленіе разума. Итакъ суетенъ и ослѣпленъ, и ничего не знаетъ истинно тотъ умъ, который думаетъ, что постигнулъ нѣчто бывшее прежде Единороднаго, уподобляясь въ этомъ человѣку, который приписалъ бы острое зрѣніе глазу, напрягающемуся видѣть во тмѣ. Сказано: „во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ" (Псал. 35, 10). А кто говоритъ, что постигнулъ бывшее тогда, когда еще не было свѣта, съ тѣмъ происходитъ то же, что съ одержимыми бѣлою горячкою, которые въ умоизступленіи думаютъ видѣть то, чего нѣтъ передъ ними. Не возможно представить того, что далѣе Сына. Ибо, что для глаза свѣтъ чувственный, то для души Богъ-Слово,—о Которомъ сказано: „бѣ Свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ" (Іоан. 1, 9); такъ что непросвѣщенная душа не способна къ разумѣнію. Посему, какъ можно постигнуть то, что за предѣлами рожденія свѣта?—Напротивъ того, я думаю, надлежало бы имъ,—если бы они хоть мало заботились объ истинѣ,—оставивъ подобія тѣлесныя, не осквернять болѣе понятій о Богѣ представленіями вещественными, а послѣдовать тѣмъ богословскимъ ученіямъ, которыя предалъ намъ Духъ Святый, и, вмѣсто этихъ вопросовъ,—похожихъ на загадки, которыя такъ и иначе рѣшить равно опасно,—представлять въ мысляхъ рожденіе достойное Бога, безстрастное, нераздѣльное, неразрывное, невременное, и возводя умъ къ сему божественному рожденію, уяснять себѣ оное чрезъ подобія сіянія, изливающагося отъ свѣта; надлежало бы представлять себѣ „Образъ Бога невидимаго" (Кол. 1, 15), не содѣланный въ послѣдствіи сходственно съ Первообразомъ, какъ это бываетъ съ художественными изображеніями, но сущій и пребывающій вмѣстѣ съ Первообразомъ произведшимъ Его, не чрезъ подражаніе отпечатлѣнный, но существующій по тому, что существуетъ Первообразъ, такъ что въ Сынѣ, какъ бы въ нѣкоей печати, изображено всецѣлое естество Отца. Или, если угодно, подобіемъ сего можетъ служить сущность искусствъ, которая вся переходитъ отъ учащихъ въ учащихся такъ, что и учащіе ничего не теряютъ, и учащіеся пріобрѣтаютъ новое совершенство. Да и это еще не точное подобіе; ибо тутъ есть протяженіе времени. Ближе другое подобіе,—именно то, какъ вмѣстѣ съ движеніями ума неразлучно и не во времени пребываетъ естество мыслей.

И никто не обвиняй меня напрасно за сказанное мной, если что нибудь въ сихъ подобіяхъ не совсѣмъ сходно съ самыми предметами: ибо и не возможно со всею точностію примѣнять вещи малыя и низкія къ божественнымъ и вѣчнымъ. Но я хотѣлъ только обличить, по мѣрѣ возможности, притворство тѣхъ, которые не могутъ вмѣстить въ своемъ умѣ безстрастнаго рожденія.—Въ какомъ же смыслѣ Сынъ называется образомъ (Кол. 1, 15), и есть „образъ" рожденный, и „сіяніе славы" Бо-

жіей (Евр. 1, 3), и „премудрость", и „сила", и „правда Божія" (1 Кор. 24. 30)?—Не въ такомъ, какъ навыкъ, или какъ способность, а какъ сущность живая и дѣйственная. Онъ есть сіяніе славы Божіей: посему и проявляетъ въ Себѣ всего Отца, какъ возсіявшій отъ всей Его славы. Какая же нелѣпость—говорить, что слава Божія не имѣла сіянія, или что премудрость Божія нѣкогда не была присуща Богу?—Но ежели Онъ былъ, скажетъ Евномій, то не родился.—А мы отвѣтствуемъ: поелику родился, по сему самому и былъ, не имѣя бытія нерожденнаго, но всегда существуя и пребывая со Отцемъ, отъ Котораго и причину бытія Своего имѣетъ.—Когда же Онъ приведенъ Отцемъ въ бытіе?—Съ тѣхъ поръ, какъ Отецъ существуетъ.—Но Отецъ, скажутъ, отъ вѣка.—Слѣдственно отъ вѣка и Сынъ, соединенный чрезъ рожденіе съ нерожденностію Отца. А что не наше сіе слово, это докажемъ мы, представивъ имъ самыя изреченія Святаго Духа. Возьмемъ, во-первыхъ, изъ Евангелія: „въ началѣ бѣ Слово" (Іоан. 1, 1); во-вторыхъ, изъ псалма сказанное отъ лица Бога Отца: „изъ чрева прежде денницы родихъ Тя" (Псал. 109, 3); и сложивъ то и другое, скажемъ, что Онъ и былъ, и родился. Реченіе: „родихъ", показываетъ Причину, отъ Которой имѣетъ Онъ начало бытія; а слово: „бѣ", означаетъ не временное и предвѣчное Его существованіе.—Но Евномій, напрягающій всѣ силы на то, чтобы обманывать самого себя, думаетъ наше ученіе довести до нелѣпыхъ слѣдствій.

Евн. Если, говоритъ, Сынъ былъ прежде Своего рожденія, то былъ нерожденъ.

Вас. Но послушай суетный человѣкъ: это твое: „прежде рожденія", или есть нѣчто вовсе не существующее, одно построеніе ума, не утверждающагося ни на какомъ предметѣ;—въ такомъ случаѣ что и спорить съ безумными? это было бы почти то же, что сражаться съ человѣкомъ, потерявшимъ употребленіе разума въ бѣлой горячкѣ;—или, ежели это слово относится къ чему нибудь существующему, то, конечно, отнесется къ понятію вѣковъ. Но, поелику всѣ вѣки должно разумѣть ниже рожденія Единороднаго, такъ какъ они суть Его творенія; то суетенъ, кто ищетъ чего-то существовавшаго прежде личнаго бытія Сына. Спрашивать объ этомъ значитъ то же, что и желать знать объ Отцѣ, существовалъ ли Онъ прежде Своего составленія, или нѣтъ. Какъ здѣсь безумно предлагать этотъ вопросъ и искать чего-то такого, что было бы выше Безначальнаго и Нерожденнаго; такъ по-истинѣ и тамъ равно безумно дѣлать вопросы о времени и о томъ, что было прежде Сына, Который отъ вѣка пребываетъ со Отцемъ, такъ что между Имъ и Родившимъ Его нѣтъ ни чего средняго. Это похоже на то, какъ если бы кто спросилъ: что будетъ послѣ кончины Безсмертнаго? или бы допытывался: что было прежде рожденія Вѣчнаго?—Единомысленники Евномія, основываясь на томъ, что без-

начальность Отца именуется вѣчностію, почитаютъ вѣчность за одно и то же съ безначальностію; а поелику Сынъ не есть нерожденъ, то и не признаютъ Его вѣчнымъ. Но между тѣмъ и другимъ весьма великая разность въ понятіи. Ибо, нерожденнымъ называется то, что не имѣетъ никакого начала себя, и никакой причины бытія; а вѣчнымъ—то, что по бытію прежде всякаго времени и вѣка. Посему-то Сынъ, хотя не есть нерожденъ, но однако вѣченъ. Нѣкоторые предаютъ и вѣкамъ наименованіе „вѣчный", какъ будто бы они достойны были сего названія потому, что всегда существуютъ. Но мы почитаемъ равно безумнымъ—какъ то, чтобы твари приписывать вѣчность, такъ и то, чтобы не исповѣдывать сего о Владыкѣ твари.

Далѣе Евномій дѣлается еще безстыднѣе въ своемъ словѣ. Что же онъ говоритъ?

Евн. Держась доказаннаго и въ прежнія времена святыми, и теперь нами, и находя, что ни Божія сущность не допускаетъ рожденія, ни другая какая сущность не можетъ служить основаніемъ для рожденія Сына, мы говоримъ, что Сынъ родился не бывши прежде.

Вас. Кто столько домогался славы, подобающей благочестію! Кто столько старался украшать себя видомъ Христолюбца, сколько они величаются словами, содержащими въ себѣ наглую обиду и безчестіе и направленными къ разрушенію славы Единороднаго! Перестанешь ли ты, безбожникъ, называть не бывшимъ истинно Сущаго, Источника жизни, Того, Кто всѣмъ существамъ подаетъ бытіе? Того, Который въ божественномъ отвѣтѣ служителю Своему Моисею изобрѣлъ свойственное Себѣ и приличествующее Своей вѣчности наименованіе, назвавъ Себя Сущимъ? „Азъ есмь Сый" (Исх. 3, 14). И никто не будетъ отвергать того, что сіе сказано отъ лица Господа, если не лежитъ на его сердцѣ, при чтеніи Моисея, іудейское покрывало (2 Кор. 3, 15). Ибо написано: „явися" Моисею „Ангелъ Господень въ купинѣ во огни пламене" [1]) (Исх. 3, 2). Но Писаніе, поставивши прежде въ этомъ повѣствованіи имя Ангела, потомъ вводитъ гласъ Божій, говоря: „рече" Моисею: „Азъ есмь Богъ отца твоего Авраама" [2]) (ст. 6); и немного ниже: „Азъ есмь Сый" (ст. 14). Кто же это—вмѣстѣ и Ангелъ и Богъ? Не Тотъ ли, о Которомъ мы научены, что „нарицается имя Его велика совѣта Ангелъ" (Ис. 9, 6)? Я думаю, что на это не нужно больше доказательствъ: для Христолюбцевъ довольно и сего указанія; а для неизлечимыхъ не будетъ никакой пользы отъ множества словъ. Конечно, Господь содѣлался великаго совѣта Ангеломъ послѣ; но и прежде не почиталъ Онъ недостойнымъ Себя

---

[1]) Въ слав. переводѣ: „въ пламени огненнѣ изъ купины".
[2]) Въ слав. перев. „Богъ отца твоего, Богъ Авраамовъ".

называться Ангеломъ. Ибо, не въ одномъ этомъ мѣстѣ находимъ, что Господь нашъ наименованъ въ Писаніи и Ангеломъ и Богомъ; но и Іаковъ, разсказывая женамъ о своемъ видѣніи, говоритъ: „и рече ми Ангелъ Божій“ (Быт. 31, 11); а потомъ, немного ниже отъ лица того же Ангела: „Азъ есмь Богъ, явивыйся тебѣ на мѣстѣ, идѣже помазалъ Ми еси тамо столпъ“ (ст. 13). Но тамо, при столпѣ, сказано было Іакову: „Азъ Господь Богъ [1] Авраама отца твоего, и Богъ Исаака“ (Быт. 28, 13). Итакъ Тотъ же, Кто тамъ названъ Ангеломъ, здѣсь говоритъ, что Онъ явился Ікову. Изъ сего всякій ясно можетъ видѣть, что гдѣ одинъ и тотъ же названъ и Ангеломъ и Богомъ, тамъ указуется Единородный, Который въ каждомъ родѣ являетъ Себя человѣкамъ, и возвѣщаетъ волю Отца святымъ Своимъ. Посему и въ лицѣ Того, Который, явясь Моисею, наименовалъ Себя Сущимъ, должно разумѣть не инаго, какъ Бога-Слово, Сущаго въ началѣ у Бога (Іоан. 1, 2).

Но глаголющіе „неправду въ высоту“ (Псал. 72, 8), не устрашились наречь Сына не сущимъ. „Безумный въ сердцѣ своемъ рече: нѣсть Богъ“ (Псал. 13, 1); а они, дерзнувъ наименовать Бога не существующимъ, не только сіе помыслили, но и высказали съ лукавствомъ (Псал. 72, 8), и даже не усомнились предать писанію для послѣдующаго времени. А какъ они видятъ, что и самые бѣсы не отвергаютъ бытія Божія (Іак. 2, 19); то, возвратясь мыслію назадъ къ прежнему времени, тамъ исполняютъ свое нечестивое желаніе, хульно утверждая, что нѣкогда не было Сына, какъ будто Онъ не существовалъ по Своему естеству, а приведенъ въ бытіе Богомъ по благодати. Но реченіе „не сущій“ относится и къ идоламъ: такъ говоритъ Павелъ: „служисте по естеству не сущимъ [2]) богомъ“ (Гал. 4, 8); такъ Іеремія: „и кляшася“ не сущими богами [3]); такъ и премудрая Есѳирь: „не предаждь, Господи, скиптра Твоего симъ, иже не суть“ (Есѳ. 4, 17). Когда же Евноміане сіе реченіе прилагаютъ къ истинному Богу; то какъ еще могутъ по праву присвоивать названіе Христіанъ?—А въ другомъ мѣстѣ тотъ же самый Апостолъ, говорящій въ Духѣ Божіемъ, называетъ не сущими язычниковъ, за то, что они не имѣли вѣдѣнія о Богѣ: „не сущая избра Богъ“ (1 Кор. 1, 28). Въ самомъ дѣлѣ, поелику Богъ есть Сый, и истина, и жизнь; то люди, не соединенные вѣрою съ Богомъ, Который есть Сый, и сроднившіеся съ несущественностію лжи по своему заблужденію относительно идоловъ, справедливо какъ я думаю, названы не сущими—за неимѣніе истины и за отчужденіе отъ жизни. Напротивъ, сей же Апостолъ, въ посланіи къ Ефесеямъ, на-

---

[1]) Въ слав. перев. „Азъ есмь Богъ“.
[2]) Въ славянск. „не по естеству сущимъ“.
[3]) Въ слав. „тѣми, иже не суть бози“.

именовалъ ихъ, въ особенномъ смыслѣ, сущими, какъ соединенныхъ искренно, посредствомъ познанія, съ Сущимъ, сказавъ: „святымъ сущимъ, и вѣрнымъ о Христѣ Іисусѣ" (Еф. 1, 1). Такъ и прежде насъ бывшіе предали сіе, и мы сами нашли въ древнихъ спискахъ [1]).—Вотъ и рабы Христовы участвуютъ въ этомъ названіи: а Евномій не захотѣлъ удостоить сего названія самого Бога нашего, но нарекъ не сущимъ Того, Кто привелъ тварь изъ ничего въ бытіе. Впрочемъ еще болѣе узнаемъ его презрѣніе изъ тѣхъ выраженій, коими онъ притворяется будто хочетъ почтить Господа.

Евн. Сущность Единороднаго мы не дѣлаемъ общею съ тѣми вещами, которыя изъ небытія пришли въ бытіе, ибо не сущее не есть сущность; но отдаемъ Ему столько превосходства, сколько необходимо имѣть Творцу предъ Своими тварями.

Вас. Разными подготовленіями доведши свое слово до сего предѣла, теперь становится благосклоннѣе,—впрочемъ только на словахъ,—и говоритъ: „сущность Единороднаго мы не дѣлаемъ общею съ тѣми вещами, которыя изъ небытія пришли въ бытіе".—Но, если Богъ всяческихъ, по Своей нерожденности, необходимо различествуетъ отъ существъ рожденныхъ, а всѣ существа рожденныя имѣютъ общимъ то, что сущность ихъ изъ небытія; то не связаны ли они необходимо по самому естеству? Ибо, какъ тамъ неприступность раздѣляетъ естества, такъ здѣсь одинаковость состоянія сближаетъ ихъ, такъ что они между собою тождественны. Между тѣмъ Евноміяне, утверждая, что и Сынъ, и существа получившія отъ Него бытіе, изведены изъ небытія, и потому приписывая и Ему и имъ общее естество, говорятъ, будто не усвояютъ Ему одинаковой сущности съ тѣми вещами, которыя изъ небытія пришли въ бытіе!—Опять и это: Евномій такъ ведетъ свою рѣчь, какъ будто бы самъ былъ Господомъ, и имѣлъ власть удѣлить Единородному столько достоинства, сколько хочетъ: „отдаемъ, говоритъ, Ему столько превосходства, сколько необходимо, говоритъ, имѣть Творцу, чтобъ быть превосходнѣе Своихъ тварей". Не сказалъ: „понимаемъ, или прославляемъ", что было бы прилично въ отношеніи къ Богу, но: „отдаемъ", какъ будто бы онъ былъ главнымъ распорядителемъ мѣры раздаянія.—Но какое же и превосходство отдаетъ Единородному?—„Сколько необходимо, говоритъ, имѣть Творцу, чтобъ быть превосходнѣе Своихъ тварей".—Это не показываетъ еще различія по сущности. Ибо и люди, хотя по своему искусству превосходнѣе своихъ издѣлій, однакожъ одинакую съ ними имѣютъ сущ-

---

[1]) **То есть: въ нѣкоторыхъ древнихъ спискахъ посланія къ Ефесеямъ написано было только: „сущимъ", безъ прибавленія слова: „во Ефесѣ", которое находится въ другихъ спискахъ, и которое удержано и въ славянск. переводѣ.**

ность, какъ напримѣръ горшечникъ съ глиною, кораблестроитель съ деревьями; потому что тѣ и другія одинаково суть тѣла, одинаково чувственны и составлены изъ земли.

Уступивъ Сыну такое различіе отъ твари, переходитъ онъ къ самому понятію Единороднаго и сплетаетъ новыя злоухищренія.

Евн. По тому, говоритъ, Единородный, что, бывъ рожденъ и созданъ единый отъ единаго силою Нерожденнаго, сталъ совершеннѣйшимъ служебнымъ дѣлателемъ (ὑπουργός).

Вас. Не знаю, на что болѣе негодовать въ сказанномъ теперь: на хитрость ли, съ какою онъ злокозненно толкуетъ имя Единороднаго, понимая смыслъ онаго вопреки употребленію языка между людьми, и вопреки благочестивому преданію Писаній (ибо, по общему употребленію рѣчи, единороднымъ называется не тотъ, кто отъ одного получилъ бытіе, а тотъ, кто одинъ родился); или на хульное выраженіе: „созданъ“, которое умышленно присовокупилъ онъ къ слову: „рожденъ“,—чтобы показать, что названіе рожденнаго принадлежитъ Господу обще съ тварями, нисколько не отличая Его отъ нихъ, и что въ какомъ смыслѣ сказано: „сыны родихъ и возвысихъ“ (Ис. 1, 2), или: „сынъ Мой первенецъ Израиль“ (Исх. 4, 22), въ такомъ же и Господь именуется Сыномъ, не имѣя имени, „еже паче всякаго имене“ (Филип. 2, 9), но бывъ удостоенъ сего названія наравнѣ съ другими.—Единомысленники Евномія прибѣгаютъ къ изреченію Соломонову, и отселѣ, какъ изъ какой нибудь крѣпости, выбѣгаютъ на брань противъ вѣры. Такъ какъ сказано тамъ отъ лица Премудрости: „Господь созда мя“ (Притч. 8, 22); то и думаютъ, что имъ позволено называть Господа созданіемъ. Много имѣлъ бы я сказать о семъ реченіи: во-первыхъ, что оно употреблено только однажды во всѣхъ Писаніяхъ; потомъ,—что оно находится въ книгѣ, которая заключаетъ въ себѣ много сокровеннаго смысла и идетъ большею частію чрезъ подобія, притчи, слова темныя и загадочныя, такъ что нельзя ничего взять изъ нея непререкаемаго и совершенно яснаго: но оставляю говорить о семъ, чтобы дальними отступленіями не продолжить слишкомъ слова; тѣмъ болѣе, что я намѣренъ предложить изслѣдованіе о худопонимаемыхъ ими изреченіяхъ на особомъ мѣстѣ, гдѣ и сія часть, если дастъ Богъ, будетъ разсмотрѣна. И думаю, что изъ сего изслѣдованія (да будетъ это сказано съ Богомъ!) откроется гораздо болѣе соотвѣтственный и никакой опасности не представляющій смыслъ выше приведеннаго реченія. А между тѣмъ не оставимъ безъ замѣчанія и того, что другіе переводчики[1]), точнѣе вникнувшіе въ значеніе еврейскихъ словъ, вмѣсто: „созда“, перевели: „стяжа мя“. Это будетъ для нечестивыхъ величай-

[1]) Аквила, Симмахъ, Ѳеодотіонъ.

шимъ препятствіемъ къ поддержанію хульнаго выраженія: „созданіе". Ибо сказавшій: „стяжахъ человѣка Богомъ" (Быт. 4, 1), очевидно, употребилъ слово не по тому, что создалъ Каина, но по тому, что родилъ его.

Но возвратимся къ тому, съ чего начали.

Евн. По тому (говоритъ) Единородный, что, отъ единаго бывъ рожденъ и созданъ, сталъ совершеннѣйшимъ служебнымъ дѣлателемъ.

Вас. Если названъ Онъ Единороднымъ, не по тому, что родился одинъ, но по тому, что отъ единаго, и если быть созданнымъ и быть рожденнымъ, по твоему, одно и то же: то для чего же не называешь Его и единосозданнымъ—ты, который такъ легко все придумываешь и высказываешь?—А между людьми, по вашему умствованію, кажется, и ни одного нѣтъ единороднаго, такъ какъ всѣ родятся отъ совокупленія супружескаго. Поэтому и Сарра не была матерью единороднаго сына, такъ какъ родила его не одна, а съ Авраамомъ. И ежели ваше мнѣніе возметъ силу; то надобно будетъ всѣмъ людямъ переучиваться, чтобы убѣдиться, что имя сіе означаетъ не то одиночество, по которому у единороднаго нѣтъ братьевъ, а то сиротство, по которому не имѣетъ онъ родившихъ его совокупно.—Далѣе, по сей причинѣ и тварь въ своемъ достоинствѣ ниже Бога Слова, такъ какъ она не успѣла, подобно Ему, быть единородною, поколику въ твореніи совокупно съ Отцемъ дѣйствовалъ и Сынъ. Впрочемъ и этого они не допускаютъ. Потому что называютъ Его совершеннѣйшимъ служебнымъ дѣлателемъ. Въ самомъ дѣлѣ не отъ Единаго ли и тварь, по вашему ученію, получила бытіе, когда вы прилагаете Бога-Слова къ Отцу, только какъ нѣкоторое бездушное орудіе? Иначе, скажетъ кто-нибудь, что не одинъ и кораблестроитель сдѣлалъ корабль, потому что при строеніи пользовался орудіями. Такимъ образомъ единородна будетъ и тварь, и части ея: то есть, не только невидимыя силы, но и чувственныя тѣла, и между ними даже самыя низкія, какъ то: и скнипы, и саранча, и лягушки. Ибо „Той рече, и быша" (Псал. 148, 5). Какую же имѣлъ бы нужду въ служебномъ содѣйствіи Тотъ, Кто все зиждетъ единою волею, такъ что вмѣстѣ съ Его хотѣніемъ осуществляется тварь?—Но и по нашему ученію, все чрезъ Сына: какъ же это?—Такъ, что воля Божія, устремляясь, какъ бы изъ нѣкоего источника, отъ первой Вины, чрезъ Свой Образъ—Слово Божіе исходитъ въ дѣйствованіе.—А Евномій Единороднаго Сына назвалъ служебнымъ дѣлателемъ, какъ будто въ этомъ для Него великое достоинство, чтобы быть благоспособнымъ къ служебному исполненію повелѣній! Но если слава Его состоитъ не въ томъ, чтобы быть Богомъ совершеннымъ, а въ томъ, чтобы быть исправнымъ служебнымъ дѣлателемъ; то чѣмъ будетъ Онъ различествовать отъ служебныхъ духовъ, неукоризненно совершающихъ дѣло служенія?—Потому-то лжеучитель и связалъ съ понятіемъ: „рожденъ", понятіе: „созданъ",

чтобы и симъ показать, что нѣтъ никакого различія между Сыномъ и созданіемъ.

Но стоитъ вниманія выслушать совѣтъ его.

Евн. Слыша наименованіе Отца и Сына,—говоритъ онъ,—не должно представлять себѣ рожденіе Сына человѣческимъ и, дѣлая наведеніе отъ рожденій у людей, придавать Богу имена, означающія сообщимость и страсти.

Вас. Совѣтъ его тотъ, что не должно представлять себѣ въ Сынѣ и Отцѣ подобія по сущности. Ибо къ сему клонится его отрицаніе сообщимости, будто-бы сущность Отца не сообщима съ сущностію Единороднаго. Для сего и тѣ строгія разграниченія именъ, которыхъ множество мы миновали, потому что не всѣ тѣ имена, въ которыхъ выговоръ тотъ же, и по значенію тождественны, для сего, говорю, тѣ разграниченія, чтобы ради называемыхъ отцами на землѣ отринуто было, что Богъ есть Отецъ Сына. А я разсуждаю, что, хотя и многое отдѣляетъ христіанство отъ языческаго заблужденія и іудейскаго невѣдѣнія, однако же въ благовѣстіи нашего спасенія нѣтъ догмата важнѣе вѣры въ Отца и Сына. Ибо въ томъ, что Богъ есть Творецъ и Зиждитель, согласны съ нами и тѣ, которые отдѣлены отъ насъ какимъ бы то ни было заблужденіемъ. Но гдѣ дано будетъ у насъ мѣсто человѣку, который объявляетъ, что Отецъ лжеименень, что Сынъ не болѣе, какъ голое наименованіе, который думаетъ, что нѣтъ различія, исповѣдывать ли Отца, или Творца, и сказать ли: Сынъ, или произведеніе? Къ какой части будетъ онъ у насъ причисленъ? Къ Іудеямъ ли, или къ язычникамъ? Конечно же, не включитъ себя въ число христіанъ отрицающійся силы благочестія и какъ бы отличительнаго признака нашего богопочтенія. Ибо не въ Зиждителя и произведеніе увѣровали мы, но въ Отца и Сына запечатлѣлись благодатію крещенія. Посему, кто осмѣливается отметать сіи реченія, тотъ вмѣстѣ уничтожаетъ всю силу Евангелія, проповѣдуя Отца не родившаго и Сына нерожденнаго.

Но я говорю это, разсуждаетъ онъ, отклоняя понятіе страсти, какая дается реченіемъ: „Отецъ". Впрочемъ, кто вознамѣрился быть благочестивымъ, тому надлежало въ сихъ словахъ отринуть несообразный смыслъ, если бы онъ дѣйствительно въ нихъ былъ, а не отметать вмѣстѣ цѣлаго реченія, и, подъ предлогомъ неприличнаго, не отбрасывать и того, что въ немъ полезно; напротивъ же того, въ ученіяхъ о Богѣ должно блюстись отъ низкихъ и плотскихъ понятій, рожденіе понимать прилично святости и безстрастію Божію, не касаться образа, какимъ родилъ Богъ, какъ неизреченнаго и недомыслимаго, но наименованіемъ рожденія возводиться къ понятію подобія по сущности. Между тѣмъ человѣку наблюдательному ясно видно, что и сіи имена, то есть, Отецъ и Сынъ, собственно и первоначально не даютъ понятія о тѣлесныхъ страстяхъ, но, сами въ

себѣ взятыя, показываютъ одно взаимное отношеніе. Ибо тотъ Отецъ, кто далъ другому начало бытія въ естествѣ подобномъ своему; а Сынъ, кто получилъ начало бытія отъ другаго чрезъ рожденіе. Посему, когда слышимъ, что человѣкъ отецъ, тогда получаемъ вмѣстѣ и понятіе о страсти, а когда слышимъ, что Богъ Отецъ, тогда восходимъ помышленіями къ безстрастной причинѣ. А Евномій, привыкши слышать такое наименованіе о страстной природѣ, и то, что выше постиженія собственнаго его разсудка, отрицаетъ какъ невозможное. Ибо не слѣдовало, обращая вниманіе на страстное состояніе существъ тлѣнныхъ, терять вѣру въ безстрастіе Божіе, къ природѣ скоротечной и подверженной безчисленнымъ перемѣнамъ примѣняя сущность неизмѣняемую и чуждую превратностей. И поелику смертныя живыя существа раждаютъ по страсти, то не надлежало такъ думать и о Богѣ; а напротивъ того, сіе самое тѣмъ паче должно было указать путь къ истинѣ, и изъ того, что такъ раждаютъ тлѣнныя, надлежало заключить, что Нетлѣнный раждаетъ противоположнымъ сему образомъ.

Но Евномій не можетъ сказать и того, что имена сіи, собственно и первоначально составленныя для людей, по злоупотребленію прилагаемъ къ Богу. Ибо Господь нашъ Іисусъ Христосъ, возводя насъ къ началу всего и къ истинной причинѣ сущаго, говоритъ: „вы же не зовите отца себѣ на земли: единъ бо есть Отецъ вашъ небесный“ (Матѳ. 23, 9). Итакъ почему же Евномій требуетъ, чтобы мы, какъ указывающія преимущественно на плотскія страсти, отвергли тѣ реченія, которыя Господь, какъ приличныя Божію безстрастію, переноситъ отъ людей къ Богу? А если Богъ называется и Отцемъ тварей, сіе ни мало не испровергаетъ нашего ученія. Ибо „Родивый капли росныя“, по слову Іова (32, 28), родилъ не одинакимъ образомъ и капли и Сына. Или, если осмѣлятся сказать это, чтобы и сущность росы въ равной степени назвать Сыномъ, то освободятъ насъ отъ всякаго съ ними слова, какъ простершіе хулу до очевиднѣйшаго безстыдства. Ибо, когда Богъ называется Отцемъ всѣхъ насъ, не однимъ и тѣмъ же образомъ Онъ и нашъ Отецъ, и Отецъ Единороднаго. Если поучаетъ ихъ на нечестіе то, что Господь называется „перворожденнымъ всея твари“ (Кол. 1, 15) и „первороднымъ во многихъ братіяхъ“ (Римл. 8, 29): то да научатся изъ Евангелія, что Господь и матерью Своею и братіями именуетъ тѣхъ, которые стали Ему Своими чрезъ добродѣтельныя дѣла. Ибо говоритъ: „кто есть мати Моя? и кто братія Мои?“ Не тѣ ли, которые „творятъ волю Отца Моего, Иже на небесѣхъ“ (Матѳ. 12, 48. 50)? Посему Богъ называется Отцемъ нашимъ не по злоупотребленію и не въ переносномъ, но въ собственномъ, первоначальномъ и истинномъ смыслѣ; потому что насъ чрезъ плотскихъ родителей привелъ изъ небытія въ бытіе, и благопопечительностію о насъ

сдѣлалъ Своими присными. Если же утверждаемъ, что Богъ справедливо названъ Отцемъ нашимъ, когда по благодати удостоены мы всыновленія: то какое основаніе—отнять у Него право, чтобы прилично именоваться Ему Отцемъ Сына по естеству, Который происшелъ изъ Его сущности?

Евн. Не должно, говоритъ онъ, по наименованію Отца и Сына представлять себѣ рожденіе Господа человѣческимъ.

Вас. И я говорю то же. А что препятствуетъ благочестивымъ вѣровать, что рожденіе божественно и безстрастно? Думаю же, что Евномій употребляетъ сіи выраженія съ намѣреніемъ доказать не то, что Богъ родилъ безстрастно, но то ,что Онъ вовсе не раждалъ. Какъ же ты, превосходнѣйшій, въ предъидущихъ словахъ утверждалъ, что сущность Единороднаго есть рожденіе? Ибо, если Онъ не рожденъ, то какъ же, по твоимъ словамъ, свойственно Ему стало быть рожденіемъ? Но, по противоположности рожденнаго съ нерожденнымъ, усиливался онъ доказать, что сущность Сына есть рожденіе. А теперь опять, усматривая, что симъ словомъ означается единство сущности, отъемлетъ рожденіе у рожденнаго. И если отвергаетъ онъ рожденіе, потому что въ немъ предполагается страсть; что ему препятствуетъ, на основаніи тѣхъ же причинъ, не допускать и того, что Онъ есть Зиждитель? Ибо съ каждымъ тѣлеснымъ дѣйствованіемъ необходимо сопряженъ большій или меньшій трудъ, по мѣрѣ силы производящаго и по мѣрѣ различія въ величинѣ производимаго. Но сказать, что Божіе и блаженное Естество угнетается трудомъ, не менѣе нечестиво какъ и подчинять Его самымъ постыднымъ страстямъ. А если Богъ творитъ безстрастно; то согласитесь, что и рожденіе Его безстрастно.

Итакъ достаточно сказано о томъ, что Богъ въ собственномъ и приличномъ смыслѣ называется Отцемъ, и что имя сіе означаетъ не страсть, но единеніе или по благодати,, какъ въ отношеніи къ человѣкамъ, или по естеству, какъ въ отношеніи къ Единородному. Но допустимъ, что и сіе реченіе, подобно тысячѣ другихъ, есть не собственное и употребляется въ переносномъ смыслѣ. Какъ слыша, что Богъ гнѣвается, спитъ, летаетъ и другое подобное, что по смыслу, представляющемуся съ перваго взгляда, имѣетъ неприличное значеніе, не изглаждаемъ сихъ реченій Духа, и не чувственно понимаемъ сказанное; такъ почему же не пріискать намъ приличныхъ Богу понятій и для сего реченія, такъ часто употребляемаго Духомъ? Или одно сіе реченіе исключимъ изъ Писанія, оподозривая оное по человѣческому употребленію? Разсудимъ же такъ: поелику слово „раждать" по человѣческому употребленію имѣетъ два значенія, выражая страсть раждающаго и свойство его съ рожденнымъ; то, когда Отецъ говоритъ Единородному: „изъ чрева прежде денницы родихъ Тя" (Псал. 109, 3), и: „Сынъ мой еси Ты, Азъ днесь родихъ Тя"

(Псал. 2, 7): какое изъ сихъ двухъ значеній, по нашему утвержденію, выражается симъ реченіемъ, страстное ли состояніе раждающихъ, или единеніе естества? Я утверждаю послѣднее; а думаю, что и они не будутъ противорѣчить, если не страждутъ явнымъ черножелчіемъ. Поэтому, если реченіе свойственно Богу, то для чего уничижаешь оное, какъ чуждое Богу? Если же оно перенесено съ человѣческаго рожденія; то, избравъ въ немъ здравое значеніе, избѣгни въ значеніи худшаго. Ибо, конечно, кто въ многозначительномъ реченіи посредствомъ слова возводится къ правому понятію, тотъ можетъ миновать того, что въ значеніи унизительно и гнусно.

И не говори мнѣ: что это за рожденіе? каково оно? какъ могло быть? Не отринемъ твердости вѣры во Отца и Сына потому единственно, что образъ рожденія совершенно неизреченъ и недомыслимъ. Ибо, если будемъ все измѣрять своимъ разумѣніемъ, и предполагать, что непостижимое для разсудка вовсе не существуетъ; то погибнетъ награда вѣры, погибнетъ награда упованія. За что же еще стать намъ достойными блаженствъ, какія соблюдаются для насъ подъ условіемъ вѣры въ невидимое, если вѣримъ тому только, что очевидно для разсудка? Отъ чего „осуетишася“ язычники, и „омрачися неразумное ихъ сердце“ (Рим. 1, 21)? Не оттого ли, что, послѣдуя открываемому посредствомъ разсудка, не вѣрятъ проповѣди Духа? Кого же, какъ погибшихъ, оплакиваетъ Исаія: „горе, иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни“ (Иса. 5, 21)? Не подобныхъ ли имъ людей?

Посему, преходя молчаніемъ многое изъ сказаннаго между прочимъ у Евномія, когда онъ усиливается доказать, что Сынъ нерожденъ, и когда ухищряется вынудить согласіе на то, что Единородный есть тварь и произведеніе, обращусь къ самому главному въ его нечестіи, то одно замѣтивъ объ умолчанномъ, что хулу, которую предварительно произнесъ самымъ дѣломъ, желая прикрыть словомъ и смягчить безстыдство рѣчи, говоритъ онъ, будто бы не обобщаетъ Единороднаго съ тварію, самъ позабывъ тѣ свои ученія, какія выше излагалъ въ ясныхъ и не прикровенныхъ словахъ. Вслѣдствіе чего опять впадаетъ въ самое безстыдное и явное противорѣчіе. Пишетъ же такъ:

Евн. Но слыша, что Сынъ есть тварь, никто да не оскорбляется симъ, какъ будто чрезъ общность именъ обобщается сущность.

Вас. О премудрый! если за различіемъ именъ необходимо слѣдуетъ разность сущности (помнимъ, что именно такъ разсуждалъ ты въ предъидущихъ словахъ); то почему же теперь общность именъ не будетъ сопровождаться общностію сущности? А кажется, что не однажды и не мимоходомъ произнесъ онъ это слово. Ибо и теперь, какъ будто раскаявшись въ сказанномъ, то есть, что общность именъ не обобщитъ и сущ-

ностей, тотчасъ чрезъ нѣсколько словъ, нападая на своихъ противниковъ, опять присовокупляетъ:

Евн. Имъ, если только заботятся объ истинѣ, надлежало при разности именъ признать и разность сущностей.

Вас. Кто могъ бы съ большею легкостію владѣть словами, нежели этотъ человѣкъ, который такъ скоро перекидываясь къ противнымъ мнѣніямъ то говоритъ, что различіе именъ необходимо указываетъ на разность сущностей, то опять утверждаетъ, что общность именъ не обобщаетъ сущностей? Но думаю, что мы поступаемъ нѣсколько подобно людямъ, которые убійцу осуждаютъ за ругательныя слова, или за какое нибудь подобное преступленіе.

Поэтому перейдемъ къ самому корню его злыхъ умышленій. Евномій видѣлъ, что у всѣхъ равно христіанъ, дѣйствительно достойныхъ сего наименованія, есть общая, твердо укоренившаяся мысль, что Сынъ есть свѣтъ рожденный, возсіявшій отъ нерожденнаго свѣта, что Онъ— источная жизнь и источное благо, исшедшее изъ животворнаго источника Отчей благости; потомъ разсудилъ, что, если не поколеблетъ сихъ нашихъ понятій, то ничего не останется у него, кромѣ лжеумствованій; ибо кто признаетъ и Отца свѣтомъ, и Сына свѣтомъ тотъ, поелику понятіе свѣта есть одно и то же, естественно приведенъ будетъ къ признанію единенія по сущности; такъ какъ между свѣтомъ и свѣтомъ, по самому слову „свѣтъ“, нѣтъ никакой разности ни въ выговорѣ, ни въ самомъ понятіи. Потому, чтобы отнять у насъ это, облагаетъ ученіе вѣры сѣтями ухищреній, учитъ, что Отецъ и Сынъ совершенно несравнимы и несообщимы между Собою, утверждаетъ, что, какая есть противоположность между нерожденнымъ и рожденнымъ, такая же есть между свѣтомъ и свѣтомъ; или, если не соглашаемся на это, принуждаетъ признать, что Богъ сложенъ. Но лучше выслушаемъ собственныя его слова.

Евн. Или свѣтъ въ нерожденномъ, говоритъ онъ, означаетъ что нибудь иное, а не свѣтъ рожденный, или тотъ и другой есть одно и то же? Ежели одинъ свѣтъ есть нѣчто иное съ другимъ; то очевидно, что состоящее изъ того и другаго сложно: не сложное не есть нерожденно. Если же они тождественны; то сколько разнится рожденное съ нерожденнымъ, столько же необходимо разниться свѣту съ свѣтомъ, жизни съ жизнію, силѣ съ силою.

Вас. Вникните и поймите ужасъ нечестія! Сколько, говоритъ онъ, различно нерожденное отъ рожденнаго, столько будутъ различны свѣтъ отъ свѣта, жизнь отъ жизни, и сила отъ силы. Поэтому спросимъ его самого: въ какой мѣрѣ нерожденное отлично отъ рожденнаго? Ужели въ малой какой-нибудь и въ такой, что одно съ другимъ можетъ когда либо сойдтись въ тождество? Или это совершенно невозможно, и гораздо невоз-

можнѣе, нежели одному и тому же въ одно время и жить и быть мертвымъ, въ одномъ и томъ же быть и здоровымъ и больнымъ, вмѣстѣ и пробудиться и спать? Ибо все подобное сему противоположно одно другому въ крайней степени противоположенія; такъ что гдѣ есть одно, тамъ необходимо не быть другому; и таковыя противоположности, обыкновенно, бываютъ совершенно несовмѣстны и несоединимы. Пусть же будетъ такого рода противоположность у нерожденнаго съ рожденнымъ; кто называетъ Отца свѣтомъ и Сына также свѣтомъ, и утверждаетъ, что послѣдній свѣтъ столько же отличается отъ перваго свѣта, сколько рожденное отлично отъ нерожденнаго, тотъ, хотя и притворяется на словахъ снисходительнымъ, то есть, хотя называетъ Сына свѣтомъ, однако же не явно ли самою силою утверждаемаго, ведетъ къ понятію противному? Ибо смотрите, что противоположно нерожденному? Иное нерожденное, или рожденное? Конечно, рожденное. А что противоположно свѣту? Другой свѣтъ, или тма? Безъ сомнѣнія, тма. Посему, если сколько разнится рожденное съ нерожденнымъ, столько и свѣту необходимо разниться съ свѣтомъ; то не всякому ли явно его нечестіе въ томъ, что подъ именемъ свѣта вводя противоположное свѣту, подаетъ ту мысль, будто бы сущность Единороднаго противоположна естеству свѣта? Или пусть укажетъ намъ свѣтъ противоположный свѣту, имѣющій ту же степень противоположности, какая есть между рожденнымъ и нерожденнымъ. Если же такого свѣта нѣтъ, и самъ онъ не въ состояніи примыслить его; то да не остается неузнаннымъ ухищреніе, съ какимъ издалека предуготовляетъ хулу. Поелику думаетъ, что нерожденное прямо противоположно рожденному; то сію же противоположность прилагаетъ къ свѣту и свѣту въ доказательство, что сущность Отца во всемъ сопротивна и противоборственна сущности Единороднаго. На сей конецъ и сіе овое постановленіе догматовъ: сколько разнится рожденное съ нерожденнымъ, столько же необходимо разниться свѣту съ свѣтомъ. Но у рожденнаго съ нерожденнымъ, хотя не въ естествѣ самаго дѣла, по крайней мѣрѣ по складу реченій, есть нѣкоторая противоположность, какъ и они утверждаютъ; а между свѣтомъ и свѣтомъ, ни по выговору, ни по значенію слова, не возможно придумать никакой противоположности.

Но видно, что самъ онъ вводится въ заблужденіе обманчивыми лжеумствованіями. Ибо думаетъ, что вещи послѣдующія за противоположными состоятъ въ томъ же противоборствѣ между собою, какое имѣютъ имъ преходящія, и когда въ одной изъ противоположныхъ вещей есть противоположное, то непремѣнно и за другою послѣдуетъ противоположное. Напримѣръ: если за зрѣніемъ слѣдуетъ свѣтъ, то за слѣпотою—тма; и если за жизнію—чувствительность, то за смертію—безчувственность. Но всякому, и при маломъ вниманіи, можно видѣть, какъ слабо и нетвердо

сіе замѣчаніе. Ибо по тому, что за пробужденіемъ слѣдуетъ жизнь, за сномъ не слѣдуетъ непремѣнно смерть.

А рожденное даже и не противно нерожденному. Ибо если они противны; то (да обратится сіе на главу хулителей!) и разрушительны одно для другаго. Они сами не противоборственны по естеству и что послѣдуетъ за ними, не будетъ необходимо состоять въ томъ раздорѣ, въ какомъ, какъ доказывалъ Евномій, состоятъ сіи предходящія.

Поэтому, или изгладь свои слова, или не запирайся въ нечестіи. Ибо твоя это хула; ты сказалъ: сколько разнится нерожденное съ рожденнымъ, столько и свѣту необходимо разниться съ свѣтомъ. Слѣдовательно, какъ Рожденный никогда не будетъ причастенъ нерожденности, такъ никогда не уступишь ты Ему и свѣта. Сущность Единороднаго, по твоему мнѣнію, равно будетъ далека и отъ того, чтобъ ей быть нерожденною, и отъ того, чтобы ее представлять и именовать свѣтомъ. Но Іоаннъ велегласіемъ Духа вопіетъ Тебѣ, говоря: „бѣ свѣтъ истинный" (Іоан. 1, 9). А у тебя нѣтъ ни ушей, чтобы слышать, ни сердца, чтобы разумѣть. Напротивъ того, своими лжеумствованіями сущность Единородного низводишь въ естество противоборствующее и несовмѣстимое съ свѣтомъ. Ибо, конечно, не назовешь того крѣпкимъ, что у Единороднаго не отнялъ ты наименованія Свѣтомъ. Благочестіе—не въ шумѣ воздуха, но въ силѣ означаемаго.

Но Евномій не остановился на семъ; напротивъ того, онъ и жизнь и силу въ той же мѣрѣ отдаляетъ до противуположности, говоря: сколько разнится рожденное съ нерожденнымъ, столько необходимо разниться свѣту съ свѣтомъ, и жизни съ жизнію, и силѣ съ силою. Слѣдовательно, по твоему, Единородный—ни жизнь, ни сила. Но ты идешь противъ самого Господа, Который говоритъ „Азъ есмь животъ" (Іоан. 11, 6); идешь противъ Павла, который сказалъ: „Христосъ Божія сила" (1 Кор. 1, 24). Ибо, что доказано было выше, то же должно приложить и къ настоящему. Никто не скажетъ, чтобы жизнь и сила противоположны были жизни и силѣ; напротивъ того, смерть и безсиліе составляютъ съ ними совершеннѣйшую противоположность.

Евномій, злонамѣренно скрывъ сіе подъ обманчивыми словами, издалека и прикровенно подготовляетъ ужасъ нечестія, и ухищренными рѣчами естество Единороднаго отдаливъ до противуположности съ Отцемъ, оставляетъ одну благовидность именъ. Что же мы? Какъ, исповѣдуя и Отца нерожденнымъ и Сына рожденнымъ, избѣжимъ противоположенія въ отношеніи къ самому бытію? Что скажемъ?—То, что отъ благаго Отца благій Сынъ; что отъ нерожденнаго свѣта возсіялъ вѣчный свѣтъ, отъ истой жизни испшелъ животворящій источникъ, отъ самосущей силы явилась Божія сила. А тма, и смерть, и немощь опредѣлены князю міра сего.

міродержателямъ тьмы, духовомъ злобы, и всякой силѣ враждебной Божію естеству; да и они не по самой сущности своей получають въ удѣлъ противленіе добру (ибо въ такомъ случаѣ укоризна падала бы на Создателя), но по собственному произволу, чрезъ лишеніе добра, уклонилась въ грѣхъ.

Однако же богоборный языкъ употребилъ усиліе—въ тотъ же рядъ поставить и естество Единороднаго. Ибо, конечно, не то хочетъ сказать Евномій, что, какъ сущность Отца, по его положенію, есть свѣтъ, превосходящій и славою и сіяніемъ, такъ и сущность Единороднаго признаетъ онъ свѣтомъ же, но нѣсколько слабѣйшимъ и какъ бы омраченнымъ. И такая мысль не будетъ благочестивою, потому что понятіемъ слабѣйшаго уничтожается сходство образа; однакожъ желательно, чтобы можно было обвинять его только въ этомъ; ибо тогда не много потребовалось бы отъ насъ труда исправить его. Теперь же у нерожденнаго съ рожденнымъ не разность въ большемъ или меньшемъ, какъ у меньшаго свѣта съ большимъ, но такое же разстояніе, какое между вещами, которыя одна съ другою совершенно несовмѣстимы. Ибо не возможно тому, съ чѣмъ вмѣстѣ существуетъ другое, чрезъ измѣненіе перейдти когда нибудь въ противоположное, такъ чтобы или изъ нерожденнаго сдѣлаться рожденнымъ, или наоборотъ, изъ рожденнаго перемѣниться въ нерожденное. Посему, кто однажды объявилъ, что сколько разнится рожденное съ нерожденнымъ, столько же необходимо разниться и свѣту съ свѣтомъ, тому не остается и этого случая къ спасенію. Ибо безпримѣсный свѣтъ, съ свѣтомъ, какъ бы умаленнымъ и слабѣйшимъ, по роду будучи тождественъ, отличается отъ него однимъ напряженіемъ. А нерожденное не есть напряженіе рожденнаго, и рожденное не есть какое либо умаленіе нерожденнаго; напротивъ того, они какъ бы прямо противоположны одно другому. Поэтому у признающихъ рожденное и нерожденное сущностію будутъ слѣдовать сіи и еще большія сихъ несообразности. Ибо противное будетъ рождено отъ противнаго, и, вмѣсто естественнаго свойства, въ нихъ необходимо окажется какой-то раздоръ и въ отношеніи къ самой сущности. Но въ этомъ болѣе невѣжества, нежели нечестія, когда утверждаютъ, что сущность сущности, въ чемъ бы то ни было, противна, потому что и внѣшними мудрецами (которыхъ они презираютъ, ставя ни во что, какъ скоро не находятъ ихъ споборниками своимъ хуламъ) издревле признано, что въ сущности не возможно быть противоположенію.

Но если кто, какъ и справедливо, принимаетъ, что рожденное и нерожденное суть нѣкія отличительныя свойства, умопредставляемыя въ сущности и руководствующія къ ясному и неслитному понятію объ Отцѣ и Сынѣ; то онъ избѣжитъ опасности нечестія, и сохранитъ послѣдовательность въ сужденіяхъ. Ибо свойства умопредставляемыя въ сущности.

какъ нѣкіе облики и образы, разлагаютъ общее въ отдѣльные облики; но не разсѣкаютъ единоестественнаго въ сущности. Напримѣръ: Божество общее, но отчество и сыновство суть нѣкія особенности; изъ сопряженія же того и другаго, общаго и особеннаго, образуется въ насъ понятіе истины; почему когда слышимъ: „нерожденный свѣтъ", представляемъ себѣ Отца; а когда слышимъ: „рожденный свѣтъ", получаемъ понятіе о Сынѣ. Поколику Они свѣтъ и свѣтъ, нѣтъ въ Нихъ никакой противоположности; а поколику Они рожденное и нерожденное, умопредставляется въ Нихъ противоположеніе. Ибо таково свойство особенностей, что въ тождествѣ сущности показываютъ разность. И самыя особенности, многократно раздѣляемыя между собою, хотя расходятся до противоположенія, однако же не расторгаютъ единства сущности; напримѣръ: летающее и ходящее, водное и земное, разумное и безсловесное. Поелику во всѣхъ подлежащимъ одна сущность; то сіи особенности не отчуждаютъ ихъ отъ сущности, и не возбуждаютъ ихъ быть какъ бы въ раздорѣ съ самими собою, силою же признаковъ внося какъ бы нѣкоторый свѣтъ въ наши души, ведутъ къ возможному для умовъ разумѣнію.

Но Евномій, противоположность особенностей перенеся на сущность, извлекаетъ изъ сего поводъ къ нечестію, запугивая насъ, какъ дѣтей, лжеумствованіями; будто бы, ежели свѣтъ есть иное что, кромѣ нерожденнаго, то необходимо будетъ намъ доказано, что Богъ сложенъ. А я что говорю?—То, что, если бы свѣтъ не былъ другимъ чѣмъ, кромѣ нерожденнаго, то такъ же не возможно было бы Сына назвать свѣтомъ, какъ нельзя назвать и самымъ нерожденнымъ.

Различіе же означаемаго сими словами можешь узнать изъ сего. Говорится, что Богъ „живетъ во свѣтѣ" (1 Тим. 6, 16) и „одѣвается" свѣтомъ (Псал. 103, 2); но нигдѣ не говоритъ Писаніе, что Богъ живетъ въ Своей нерожденности, или отвнѣ облекается ею (что было бы и смѣшно). Рожденное же и нерожденное суть отличительныя нѣкія свойства. Ибо если бы ни чего не было отличающаго сущность; то никоимъ образомъ не доходила бы она до нашего разумѣнія. Поелику Божество едино; то не возможно получить отдѣльнаго понятія объ Отцѣ, или о Сынѣ, пока мысль не уяснена присовокупленіемъ особенностей.

А на то, что Богъ окажется сложнымъ, если не признать, что свѣтъ тождественъ съ нерожденнымъ, можетъ сказать, что, если бы нерожденное принимали мы за часть сущности, то имѣло бы мѣсто Евноміево положеніе, именно, что состоящее изъ различныхъ частей—сложно. Если же полагаемъ, что сущность Божія есть свѣтъ, или жизнь, или благо, что Богъ, какъ Богъ, весь жизнь, весь свѣтъ, весь благо, но что жизнь имѣетъ сопутственною себѣ и нерожденность: то почему же простому по сущности не быть несложнымъ? Ибо образы, указывающіе на отличитель-

ное его свойство, не нарушатъ понятія простоты. Или, въ противномъ случаѣ, и все сказуемое о Богѣ будетъ намъ доказывать, что Богъ сложенъ. И видно, если хотимъ сохранить понятіе о простомъ недѣлимомъ на части, то или ничего не будемъ говорить о Богѣ, кромѣ того, что Онъ нерожденный, и откажемся именовать Его невидимымъ, нетлѣннымъ, неизмѣняемымъ, Создателемъ, Судіею и всѣми тѣми именами, какія теперь употребляемъ въ славословіи; или, пріемля сіи имена, что должны сдѣлать? Ужели сложить всѣ и вмѣстить въ сущность? Чѣмъ докажемъ, что Богъ не только сложенъ, но и состоитъ изъ несходныхъ частей; потому что каждое изъ сихъ именъ означаетъ нѣчто иное и иное. Или исключимъ ихъ изъ сущности? Посему, какое положеніе ни придумаютъ для каждаго изъ сихъ именъ, то же самое пусть установятъ и для наименованія: „нерожденный".

Наполнивъ же рѣчь свою пустымъ суесловіемъ, и вмѣстѣ превознесшись надъ всѣми, когда либо упражнявшимися въ боговѣдѣніи, какъ будто самъ проложивъ какой-то новый и неизвѣданный дотолѣ путь къ Богу, котораго никто не открывалъ прежде, наконецъ, какъ наученный самою сущностію Божіею, Евномій возводитъ на Сына такую хулу:

Евн. Превысшая царства, и вовсе не допускающая рожденія сущность, научая симъ съ благорасположенностію приближающійся къ ней умъ, по закону естества повелѣваетъ, какъ можно далѣе, устранить сравненіе съ инымъ.

Вас. Не явно ли показываетъ Евномій, что, съ благорасположенностію возводя умъ къ Богу, удостоился онъ откровенія таинъ? И потому, какъ можно далѣе, устраняетъ Единороднаго отъ общенія съ Отцемъ, не удостоивая принять Его и въ сравненіе, а напротивъ того утверждаетъ, что сущность Единороднаго и по закону естества отлична отъ сущности Отца. Что же это значитъ? То, что Богъ всяческихъ, если бы и хотѣлъ, не могъ принять Единороднаго въ единеніе сущности, отъ общенія съ Нимъ удерживаемый закономъ естества; потому что, какъ видно, Онъ не Господь Себя самого, но связанъ предѣлами необходимости. Ибо таково содержимое закономъ естества: оно непроизвольно ведется къ тому, что угодно естеству. Ибо, какъ огонь теплъ по естеству, а не по произволенію, и по необходимости не допускаетъ въ себя холода, по закону естества будучи лишенъ общенія съ нимъ; такъ Евномій хочетъ, чтобы Богъ и Отецъ имѣлъ сущность, по закону естества чуждую для Сына. Впрочемъ законы естества производятъ у отца съ сыномъ не взаимный раздоръ, но необходимое и неразрывное общеніе. Если бы Евномій сказалъ, что Богъ всяческихъ по волѣ Своей установилъ несообщимость съ самимъ Собою; то и въ такомъ случаѣ понятіе о благости Божіей не позволило бы признать достойнымъ вѣроятія того, кто утверждаетъ, что

Отецъ въ томъ, что у Него, не общителенъ съ Тѣмъ, Кто изъ Него. Впрочемъ въ словахъ утверждающаго сіе была бы еще послѣдовательность мыслей. Но утверждать, что по закону естества имѣетъ мѣсто отчужденіе, значитъ не знать природы и чувственныхъ вещей, по которой каждая вещь, обыкновенно, раждаетъ не что либо чуждое и противное себѣ, но болѣе сродное и сообразное съ собою.

Посему и здѣсь опять Евномій не понялъ, что сказанное имъ противорѣчитъ само себѣ. Ибо, выше, негодуя на утверждающихъ, что Единородный подобенъ Отцу по сущности, писалъ такъ:

Евн. Во-первыхъ же, кажется мнѣ, что осмѣлившіеся никому неподвластную, высшую всякой причины, свободную отъ всѣхъ законовъ сущность сравнивать съ сущностію рожденною и порабощенною отеческимъ законамъ, или вовсе не вникали въ естество всяческихъ, или не съ чистою мыслію судили объ этомъ.

Вас. Какъ же теперь оказалось, что никому неподвластная, свободная отъ всѣхъ законовъ сущность не по собственному изволенію имѣетъ несравнимость, но содержится закономъ естества, и невольно устраняетъ рожденное отъ общенія съ собою; такъ что, посему, для самого Единороднаго неприступна? Вотъ сколько разногласія въ Евноміевыхъ словахъ! А сколько въ нихъ нечестія! Сущность Отца именуетъ никому неподвластною и свободною (если только никому неподвластна сущность, подчиненная закону естества), о сущности же Единороднаго, по противоположности, утверждаетъ, что она рабственна, и въ этомъ отношеніи отъемля у нея равночестность естества. Поелику два рода существъ,— тварь и Божество; и тварь поставлена въ рабствѣ и покорности, а Божество начальственно и господственно: то отъемлющій у Единороднаго достоинство господства и низводящій Его въ уничиженіе рабства не ясно ли показываетъ, что, чрезъ сіе, ставитъ онъ Единороднаго на ряду со всею тварію? Ибо, конечно, не честно для Него, если и будетъ имѣть преимущество передъ подобными Себѣ рабами. Но если не исповѣдуютъ Его Царемъ и Владыкою, пріявшимъ на Себя послушаніе не по недостатку естества, но по благости изволенія; то сіе тяжко, и ужасно, и гибельно для отрицающихъ.—Евномій же присовокупляетъ:

Евн. Сущность Божія, послѣдующая законамъ естества, и сама не допускаетъ сравненія съ инымъ, и намъ указуетъ представлять себѣ дѣйствованіе ея приличнымъ и сообразнымъ собственному ея достоинству.

Вас. Это сказано имъ въ доказательство, что Единородный чуждъ Отцу; но оно подтверждаетъ и наше ученіе. Ибо, если сущность Божія указываетъ и дѣйствованіе представлять себѣ приличнымъ и сообразнымъ собственному ея достоинству, а нерожденность, по мнѣнію Евномія, есть достоинство, но она же по ихъ ученію, есть сущность; Единород-

ный же есть дѣйствованіе или образъ дѣйствованія, опять по ихъ же ученію: то посему излишнимъ будетъ дѣломъ спорить съ ними, какъ съ людьми, которымъ нечего сказать противъ насъ. Конечно, много предпочелъ бы я, если бы отреклись они отъ этой хулы; впрочемъ, поелику, изрекли ее, то изъ самыхъ словъ ихъ выведемъ такое умозаключеніе: „нерожденность есть достоинство Божіе, она же есть и сущность, а дѣйствованіе Божіе согласно и сообразно съ Божіимъ достоинствомъ, но это дѣйствованіе, по ихъ предположенію, есть Христосъ; слѣдовательно Онъ долженъ быть свойственъ и сообразенъ сущности Божіей". И изъ сихъ положеній ни одно не наше: ибо, сводя собственныя ихъ реченія, изъ нихъ построеваемъ доказательство. Сущности Божіей, говоритъ Евномій, сообразно достоинство; достоинству соотвѣтственно дѣйствованіе; Единородный есть образъ дѣйствованія. И на-оборотъ: если Единородный есть образъ дѣйствованія, а дѣйствованіе образъ достоинства, а достоинство образъ сущности; то Единородный будетъ образомъ сущности. Такъ часто и самые дѣлатели лжи, вынуждаемые очевидностію, даже противъ воли, свидѣтельствуютъ пользу истины! Ибо и демоны, если не были благовѣстниками, то, не въ силахъ будучи взирать на свѣтъ истины, взывали: „вѣмы Тя, Кто еси, Святый Божій" (Марк. 1, 24).

Посмотримъ же и на слѣдующее.

Евн. Если кто начинаетъ разсмотрѣніе съ созданій и отъ нихъ возводится къ сущностямъ; то, находя, что Сынъ есть произведеніе Нерожденнаго, а Утѣшитель произведеніе Единороднаго, и изъ превосходства Единороднаго удостовѣряясь въ различіи дѣйствованія, получаетъ онъ несомнѣнное доказательство и разности по сущности.

Вас. Во-первыхъ не вижу, можно ли отъ созданій дѣлать наведенія о сущностяхъ. Ибо произведенія служатъ указаніемъ силы, мудрости, искусства, а не самой сущности. Они даже не изображаютъ необходимо и всей силы зиждителя, потому что иногда возможно художнику не всю крѣпость силъ своихъ показывать въ дѣйствованіяхъ, но употреблять нерѣдко и слабыя усилія въ дѣлахъ художества. А если и всю свою силу подвигнетъ онъ въ дѣло; то можно будетъ измѣрять дѣлами крѣпость его силъ, а не заключать изъ нихъ о сущности, что она такое. Если же, по простотѣ и несложности Божія естества, положитъ онъ, что сущность совпадаетъ съ силою; а по преизбыточествующей благодати Божіей, скажетъ, что вся сила Отца подвигалась къ рожденію Сына, и опять, вся сила Единороднаго подвиглась къ ѵпостаси Святаго Духа, такъ что въ Духѣ созерцается сила, а вмѣстѣ и сущность Единороднаго, а въ Единородномъ опять постигается и сила и сущность Отца; то смотрите, что изъ сего слѣдуетъ? Изъ чего Евномій усиливался доказать неподобіе сущности, тѣмъ, какъ оказалось, доказываетъ подобіе. Ибо, если сила не имѣетъ

ничего общаго съ сущностію; то какъ созданіями, которыя суть произведенія силы, доведенъ онъ до уразумѣнія сущности? Если же сущность и сила тождественны; то отпечатлѣвающее въ себѣ силу, конечно, отпечатлѣетъ и сущность. Посему созданія ведутъ не къ подобію сущности, какъ ты говоришь, но къ точности подобія. И этотъ опять доводъ подтверждаетъ болѣе наше, нежели его ученіе. Ибо, или не откуда ему представить доказательства на сказанное, или, если возметъ подобія изъ человѣческаго быта, то найдетъ, что не отъ дѣлъ художника доходимъ до познанія его сущности, но по рожденному познаемъ естество родившаго. По дому нельзя заключать о сущности домостроителя, но по порожденію удобнѣе представить себѣ естество родившаго. Посему, если Единородный—созданіе, то не изображаетъ намъ сущности Отца; если же Единородный даетъ намъ въ Себѣ познать Отца, то Онъ не созданіе, но истинный Сынъ, Образъ (εἰκών) Божій, Образъ, (χαρακτὴρ) Ѵпостаси Божіей. Вотъ слѣдствіе утверждаемаго Евноміемъ.

Но сколько хулы въ его вносной рѣчи! Презрѣвъ возвѣщенную въ Евангеліяхъ угрозу, угрозу самую страшную, которую Господь изрекъ на хулившихъ Духа Святаго (Матѳ. 12, 31). Евномій называетъ Духа Святаго созданіемъ; едва признавая Его существомъ живымъ, потому что наименованіе созданія всего чаще придается неодушевленнымъ. И конечно, не слѣдуетъ намъ умѣрять своего негодованія по тому, что онъ предварительно произнесъ такую же хулу на Господа. Это не облегченіе нечестія, но усугубленіе осужденія; потому что и Господь, по благости, простилъ хулу на Него самого; но объявилъ, что хула на Духа Святаго дерзнувшимъ на оную неизбѣжно-гибельна. Итакъ Евномій первый изъ возставшихъ на истину съ того времени, какъ возвѣщается проповѣдь благочестія, дерзнулъ произвести такое слово о Духѣ. Ибо доселѣ мы не слыхали, чтобы кто нибудь изъ нихъ назвалъ Святаго Духа созданіемъ, и въ оставленныхъ ими сочиненіяхъ не находили сего наименованія.

Потомъ говоритъ:

Евн. Если кто отъ созданій возводится къ уразумѣнію сущности, то найдетъ, что Сынъ — произведеніе Нерожденнаго, а Утѣшитель—произведеніе Единороднаго.

Вас. Это новый оборотъ нечестія—въ одномъ реченіи вмѣстить двѣ хулы, и уничиженіе Святаго Духа принявъ за нѣчто признанное, отсюда устремляться къ доказательству умаленія Единороднаго. И видно, „когда небеса повѣдаютъ славу Божію“ (Псал. 18, 2), Духъ Святый возвѣщаетъ умаленіе славы Единороднаго! И хотя Господь говоритъ объ Утѣшителѣ: „Онъ Мя прославитъ“ (Іоан. 16, 14); однако же злорѣчивый языкъ утверждаетъ, что Онъ служитъ препятствіемъ Сыну къ сравненію съ Отцемъ. Поелику, говоритъ Евномій (умилосердись, Господи, надъ нами, когда

произносимъ сіе!) Сынъ есть творецъ Духа; и это то же значитъ, что не приписывать никакой важности Создавшему: то посему Сынъ не достоинъ сравненія съ Отцемъ, лишаемый достоинства равночестія за маловажность Имъ произведеннаго.

Слышали ли вы когда нибудь ужаснѣйшую хулу? Кто такъ явно подпадалъ неизбѣжному суду за хулу на Духа Святаго? Одному Монтану было свойственно съ такимъ неистовствомъ возставать противъ Духа, и какъ оскорблять Его унизительными именами, такъ до того уничижить Его естество, чтобы даже сказать, будто бы Духъ наноситъ безславіе Создавшему. Лучше же сказать, и Монтанъ избѣгалъ унизительныхъ выраженій о Духѣ, чтобы не посрамить собственной своей гордыни. Но о Монтанѣ будемъ говорить въ свободное время.

Кому же не явно то, что ни одно дѣйствованіе Сына не отдѣльно отъ Отца, и все, что есть у Сына, не чуждо Отцу? Ибо сказано: „Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя" (Іоан. 17, 10). Какъ же Евномій одному Единородному приписываетъ вину Духа, и созданіе Его обращаетъ въ укоризну естеству Сына? Если говоритъ это, вводя два начала противныя одно другому, то сокрушенъ будетъ вмѣстѣ съ Манихеемъ и Маркіономъ. Если же все существующее поставляетъ въ зависимости отъ одного начала, то къ первой причинѣ возводится и то, о чемъ говорится, что оно сотворено Сыномъ. Почему, хотя вѣруемъ, что все приведено въ бытіе Богомъ-Словомъ, однако же не отрицаемъ, что виновникъ всего есть Богъ всяческихъ. Какъ же не очевидная опасность—отдѣлять Духа отъ Бога? И Апостолъ предаетъ намъ о Духѣ, безъ раздѣленія называя Его то Христовымъ, то Божіимъ, когда пишетъ: „аще же кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Еговъ" (Римл. 8, 9); и еще: „вы же не духа міра пріясте, но Духа, иже отъ Бога" (1 Кор. 2, 12); и Господь называетъ Его Духомъ истины; потому что самъ Онъ истина и отъ Отца исходитъ (Іоан. 15, 26). Но Евномій, къ уничиженію славы Господа нашего Іисуса Христа, отъемлетъ Духа у Отца, и приписываетъ Его преимущественно Единородному, симъ уничиженіемъ славы, какъ думаетъ, нанося Ему оскорбленіе, и не ожидая себѣ за нечестивыя ученія никакого отмщенія въ день воздаянія.

Книга 3. О Духѣ Святомъ.

Вас. Едва, наконецъ, насытившись хулами на Единороднаго, перешелъ онъ къ Духу Святому, и о Немъ разсуждая сообразно съ общимъ своимъ преднамѣреніемъ. Пишетъ же такъ:

Евн. Поелику достаточно сего для насъ объ Единородномъ: то кстати будетъ сказать теперь и объ Утѣшителѣ, не послѣдуя принятымъ безъ

изслѣдованія мнѣніямъ многихъ, но соблюдая во всемъ ученіе святыхъ, отъ которыхъ узнаемъ, что Духъ есть третій по достоинству и порядку: почему вѣруемъ, что Онъ третій и по естеству.

Вас. Что онъ не почитаетъ должнымъ оставаться при простой и безъискусственной вѣрѣ многихъ, но какими-то ухищренными и изъисканными умствованіями опять хочетъ привести истину къ своему образу мыслей, достаточно обнаружилъ это въ сказанномъ. Ибо, уничижая мнѣніе многихъ, которымъ прославляютъ Духа Святаго, показываетъ видъ, что соблюдаетъ ученіе святыхъ, и умалчиваетъ о тѣхъ, которые предали ему сіе ученіе, поступая и теперь, какъ, по объясненному нами, поступалъ въ сужденіяхъ объ Единородномъ. Потомъ говоритъ, будто бы отъ святыхъ онъ узналъ, что Духъ Святый есть третій по порядку и достоинству, самъ же вѣруетъ, что Онъ есть третій и по естеству. Но какіе святые и въ какихъ словахъ изложили ученіе, сего сказать не можетъ. Бывалъ ли когда столько смѣлый человѣкъ, вводившій новизны въ божественные догматы? Ибо, если Духъ есть третій по достоинству и порядку, то какая необходимость быть Ему третьимъ и по естеству? Что Духъ по достоинству занимаетъ второе мѣсто по Сынѣ, сіе, можетъ быть, предаетъ слово благочестія; но что Онъ третій и по естеству, тому святое Писаніе не научило насъ, того и изъ прежде сказаннаго нельзя заключить съ строгою послѣдовательностію. Ибо, какъ Сынъ по Отцѣ вторый по порядку, потому что отъ Отца, и вторый по достоинству, потому что Отецъ есть начало и вина, поколику Онъ Отецъ Сына, и потому что черезъ Сына доступъ и приведеніе къ Богу и Отцу; но по естеству не вторый, потому что въ Обоихъ Божество едино: такъ точно, хотя и Духъ Святый по порядку и по достоинству слѣдуетъ за Сыномъ (положимъ, что и совершенно въ этомъ уступаемъ), впрочемъ изъ сего еще не видно, чтобы справедливо было заключать, будто бы Духъ Святый—инаго естества [1]).

[1]) Настоящее мѣсто изъ книги св. Василія Великаго неоднократно было приводимо защитниками Римской Церкви въ доказательство ея ученія объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, но приводимо было въ искаженномъ видѣ. Особенно на Соборѣ Флорентинскомъ оно было предметомъ продолжительныхъ преній между провинціаломъ доминиканскаго ордена Іоанномъ и защитникомъ православія Маркомъ митрополитомъ ефесскимъ. Латиняне читали это мѣсто такъ: „Что Духъ по достоинству занимаетъ второе мѣсто по Сынѣ, такъ какъ отъ Него имѣетъ бытіе, отъ Него пріемлетъ и возвѣщаетъ намъ, и совершенно зависитъ отъ оной причины,—сіе предаетъ слово благочестія". И далѣе: „хотя Духъ Святый по порядку и достоинству слѣдуетъ за Сыномъ, впрочемъ изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы справедливо было заключить, будто бы Духъ Св.—инаго естества". Такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ прибавлено къ словамъ св. Василія слѣдующее: „такъ какъ (Духъ Святый) отъ него (Сына) имѣетъ бытіе, отъ Него пріемлетъ и возвѣщаетъ намъ, и совершенно зависитъ отъ оной причины"; и опущено: „можетъ быть", чрезъ что рѣчь предположительная обращена въ утвердительную. Во второмъ случаѣ также опущены уступительныя слова: „положимъ, что и совершенно въ

Всѣ Ангелы имѣютъ какъ одно наименованіе, такъ, конечно, и ту же общую всѣмъ природу; однако же одни изъ нихъ поставлены начальствовать надъ народами, а другіе—быть сопутниками каждому изъ вѣрныхъ. Но въ какой мѣрѣ цѣлый народъ предпочтительнѣе одного человѣка, въ такой же, безъ сомнѣнія, по необходимости выше достоинство Ангела народоправителя, въ сравненіи съ достоинствомъ Ангела, которому ввѣрено попеченіе объ одномъ человѣкѣ. А что съ каждымъ изъ вѣрныхъ есть Ангелъ, который, какъ дѣтоводитель и пастырь, управляетъ его жизнію, противъ сего никто не будетъ спорить, помня слова Господа сказавшаго: „не презрите единаго малыхъ сихъ, яко Ангели ихъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго“ (Матѳ. 18, 10). И Псалмопѣвецъ говоритъ: „ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся Его“ (Псал. 33, 8). И: Ангелъ, избавлявшій меня „измлада“ (Быт. 48, 16), и тому подобное. А что также есть нѣкоторые Ангелы начальники цѣ-

---

этомъ уступаемъ“. Изъ дѣяній Флорентинскаго Собора, изданныхъ впослѣдствіи Римскою Церковію, видно, что Латиняне въ защиту такихъ чтеній приводили двѣ рукописи твореній св. Василія В., а въ пользу чтеній, принятыхъ въ нашемъ переводѣ, и безъ сомнѣнія подлинныхъ и неискаженныхъ, Маркъ Ефесскій представилъ одинъ, принесенный изъ Константинополя на Соборъ, древній списокъ сихъ твореній, въ которомъ не было означенныхъ дополненій и пропусковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ блаженный учитель свидѣтельствовалъ, что въ Константинополѣ нашлось бы болѣе тысячи рукописей, совершенно согласныхъ съ симъ спискомъ въ спорномъ мѣстѣ. Слова Марка Ефесскаго о подлинности защищаемыхъ имъ чтеній подтверждаются: 1) Различными изданіями твореній св. Василія В. на греческомъ языкѣ и въ латинскомъ переводѣ, которыя вышли изъ рукъ ученыхъ Западной Церкви; именно, слова Василія В. напечатаны согласно съ чтеніями твореній св. Василія В. на греческомъ языкѣ,— венеціанскомъ 1535, базельскомъ 1551, и Ѳеодора Безы 1570; на латинскомъ языкѣ въ изданіи базельскомъ 1552 и другомъ 1565, парижскомъ 1566; на греческомъ языкѣ и латинскомъ въ изданіи парижскомъ 1618. Тѣ же чтенія приняты и въ лучшемъ изданіи твореній св. Василія, бенедиктинскомъ 1730, которое перепечатано въ Парижѣ 1839 г., безъ всякой перемѣны въ семъ мѣстѣ. Притомъ, ученые Бенедиктинцы замѣтили, что изъ семи списковъ, которыми они пользовались при изданіи книги противъ Евномія, только одинъ содержалъ чтеніе, защищаемое Латинянами.—2) Въ пользу защищаемаго Маркомъ Ефесскимъ неповрежденнаго текста можетъ служить и рукопись московской синодальной библіотеки, по каталогу ученаго Маттея, подъ N XXIII, относенная къ XI столѣтію. Въ сей рукописи настоящее мѣсто изъ Василія В. читается совершенно такъ, какъ и въ изданіи бенедиктинскомъ.—3) Подлинность текста греческаго, защищаемаго Маркомъ Ефесскимъ, доказывается и связію рѣчи въ разсматриваемомъ мѣстѣ. Ибо, съ опущеніемъ предположительныхъ и уступительныхъ выраженій, осталась бы въ словахъ св. Василія такая мысль, которую онъ самъ предъ симъ отвергъ. По измѣненному Латинянами чтенію допускается, что Духъ Св. дѣйствительно есть „третій по достоинству“ и „порядку послѣ Сына“, или: „занимаетъ второе мѣсто по Сынѣ“. Но незадолго предъ симъ св. Василій призналъ такое мнѣніе ни чѣмъ недоказаннымъ и отвергъ, какъ дерзкое нововведеніе. Онъ пишетъ: „Евномій говоритъ, будто бы отъ святыхъ онъ узналъ, что Духъ Святый есть третій по порядку и достоинству... Но какіе святые и въ какихъ словахъ изложили ученіе, сего сказать не можетъ. „Бывалъ ли когда столько смѣлый человѣкъ, вводившій новизны въ божествен-

лыхъ народовъ, сему научаетъ насъ Моисей въ пѣсни, говоря: „егда раздѣляше Вышній языки, яко разсѣя сыны Адамовы, постави предѣлы языковъ по числу Ангелъ“ Своихъ (Втор. 32, 8). И премудрый Даніилъ въ видѣніи слышалъ Ангела, который говорилъ: „князь царства перскаго стояше противу мнѣ: и се Михаилъ, единъ отъ старѣйшинъ первыхъ, пріиде помощи мнѣ, и того оставихъ тамо съ княземъ царства перскаго“ (Дан. 10, 13); и не много послѣ онъ же говоритъ: „и князь эллинскій грядяше“. Но говорится и о какомъ-то Архистратигѣ „силы Господни“ явившемуся Іисусу Навину при Іорданѣ (Іис. Нав. 5, 14). И еще упоминаются какіе-то легеоны Ангеловъ, когда Господь говоритъ ученикамъ: „или мните, яко не могу умолити Отца Моего, и представитъ Ми вящще, неже дванадесяте легеона Ангелъ“ (Матѳ. 26, 53). Посему Архистратигъ Ангеловъ, поставленныхъ легеонами, конечно, есть князь.

ные догматы?“ Какъ же можно согласиться, чтобы св. Василій противорѣчилъ самому себѣ, укоряя Евномія за несогласіе съ древнимъ ученіемъ св. Отцевъ и самъ утверждая то же, что писалъ Евномій? Если же пріймемъ, какъ и должно по согласному свидѣтельству большей части рукописей, что св. Василій допускаетъ приведенную мысль предположительно, тогда слова его будутъ между собою совершенно согласны.—Мы не говоримъ уже, что мысль, будто Духъ Св. имѣетъ Свое бытіе отъ Сына, и зависитъ отъ Него какъ отъ Своей причины, внесенная дерзкою рукою въ слова святаго Василія, чужда ученія сего вселенскаго отца, равно какъ и другихъ отцевъ и учителей Восточной Церкви.—Болѣе пространное разсужденіе о семъ предметѣ смотри у Зерникава въ его Tractatus Theologici Orthodoxi. Regiomonti. 1774. P. I. p. 219—241.—Здѣсь приведемъ мы слова патріарха константинопольскаго Геннадія, который, еще будучи міряниномъ, присутствовалъ на Соборѣ Флорентинскомъ, и въ своемъ сочиненіи противъ Латинянъ (кн. II, гл. 10—15) пространно разсматриваетъ спорное мѣсто изъ книгъ св. Василія. Онъ пишетъ: „Много уликъ противъ Латинянъ въ томъ, что они повредили сіе мѣсто, какъ то: множество древнихъ списковъ, въ которыхъ чтеніе сіе сохранилось неповрежденнымъ, безъ означенныхъ дополненій; послѣдованіе рѣчи, и многое другое. Но всего болѣе они обличаются слѣдующими соображеніями. По ихъ чтенію выходитъ, что Василій Великій написалъ: „ученіе благочестія предаетъ, что Духъ Святый имѣетъ бытіе отъ Сына, что отъ Него пріемлетъ и возвѣщаетъ намъ, и что зависитъ отъ оной причины“. Гдѣ же три сіи положенія предаетъ ученіе благочестія? Нигдѣ, исключая одного, именно, что Духъ Святый отъ Сына пріемлетъ и возвѣщаетъ. Скажутъ ли, что два прочія положенія вытекаютъ изъ сего одного? Но великій учитель не въ такомъ видѣ произнесъ слова свои: онъ не сказалъ: сіе предаетъ слово благочестія, а прочее слѣдуетъ изъ сказаннаго; или не сказалъ, что прочія реченія однозначительны съ сими словами: отъ Него пріемлетъ, и возвѣщаетъ,—а слова сіи преданы. Этихъ словъ: отъ Него пріемлетъ, онъ даже не поставилъ напередъ, чтобы можно было по нимъ опредѣлять смыслъ прочихъ. Кто же дерзнетъ сказать, чтобы столь великій учитель написалъ, что предано то, что не предано, особенно, когда онъ показываетъ великую осторожность въ другихъ подобныхъ случаяхъ? Такъ, въ первой книгѣ противъ Евномія, онъ написалъ: „а я бы сказалъ, что по справедливости достойно умолчанія и самое наименованіе: „нерожденный“, которое, хотя весьма близко къ нашимъ понятіямъ, однако же нигдѣ въ Писаніи не употребляется, и служитъ первымъ основаніемъ ихъ хулы“. Если же Василій остерегался употребить одно слово по той причинѣ, что оно не находится въ Писаніи; то

Къ чему же ведетъ наше слово? Къ тому, что второе и третіе по порядку и достоинству не во всякомъ случаѣ непремѣнно имѣетъ иную природу. Какъ у Ангеловъ, хотя одинъ князь, а другой—подчиненный, однако же всѣ, по природѣ, Ангелы, и хотя въ достоинствѣ разность, но по природѣ общеніе (и „звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ", 1 Кор. 15, 41, природа же всѣхъ звѣздъ одинакова; и многи обители у Отца, Іоан. 14, 2, то есть, различія достоинствъ, но природа прославляемыхъ одинакова): такъ очевидно, хотя и Святый Духъ, по достоинству и порядку, какъ говорятъ они, занимаютъ послѣдующее мѣсто (мы приняли, говорятъ, что Духъ считается третьимъ по Отцѣ и Сынѣ, потому что Самъ Господь, предавая намъ спасительное крещеніе, предалъ и сей порядокъ, когда сказалъ: шедше, крестите во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Матѳ. 28, 19); однако же ни откуда не извѣстно намъ, чтобы Духъ Святый низводимъ былъ въ какое-то третіе по Сынѣ и Отцѣ естество.

Поелику все можно подвести подъ одно изъ двухъ именуемыхъ: Божество и тварь, владычество и рабство, сила освящающая и священмая, сила отъ естества имѣющая въ себѣ добродѣтель, и сила по произ-

---

какъ бы онъ осмѣлился внести цѣлую, столь значительную, мысль, и въ стольких выраженіяхъ, не имѣя возможности показать, гдѣ она находится въ Писаніи, или, что хуже, какъ бы онъ осмѣлился клеветать на Писаніе, что въ немъ предано то, чего оно совершенно не предаетъ?

Во-вторыхъ, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ подобной мысли Василій не утверждаетъ.

Въ-третьихъ, напротивъ того онъ вездѣ учитъ, что Духъ отъ Отца, что Онъ въ Отцѣ имѣетъ причину бытія, въ Отцѣ имѣетъ причину ѵпостаси *).

Въ-четвертыхъ, Іоаннъ Дамаскинъ, великій свѣтильникъ Церкви, хорошо знакомый съ писаніями святаго Василія, и слѣдовавшій ему болѣе, нежели кто другой, говоритъ: Духъ Святый есть отъ Бога Отца, такъ какъ отъ Него исходитъ; Онъ называется и Духомъ Сына, такъ какъ чрезъ Него явился и преподается твари (Точное Изложен. Правосл. Вѣры, кн. I. гл. VIII).—Давъ обѣщаніе излагать то, чему учили святые прежде него (гл. III), и зная, что самъ Василій учитъ, что Духъ Св. происходитъ отъ Сына, какъ бы Іоаннъ сказалъ противное, именно, что Духъ Святый имѣетъ бытіе не отъ Сына?

Въ-пятыхъ, Никита Солунскій, въ сочиненіи своемъ противъ Латинянъ, написанномъ въ видѣ разговора, приводитъ сіи слова: „по достоинству и по чину", но безъ дополненія, а такъ, какъ они находятся въ неповрежденныхъ спискахъ. Писатель тотъ былъ древній. Отсюда можно заключить, что или онъ отвергалъ это дополненіе, или дополненіе сдѣлано уже послѣ него" **).—Сіи замѣчанія Геннадія, патріарха константинопольскаго, заимствуемъ изъ греческой рукописи синодальной библіотеки, по каталогу Матѳея подъ № 395, стр. 68—70.

---

*) См. напр. письмо св. Василія къ брату его св. Григорію Нисскому „О различіи существъ и ѵпостасей", гдѣ сказано: „Духъ Св. съ Сыномъ соединенъ,—но по бытію зависитъ отъ Отца, какъ отъ причины, такъ какъ отъ Него и исходитъ".

**) Никита, солунскій архіепископъ, жилъ въ концѣ XII и началѣ XIII стол. Онъ писалъ шесть разговоровъ противъ Гуго Этеріана.

воленію въ ней преуспѣвающая; то къ какой части отнесемъ Духа? Къ числу ли освящаемыхъ? Но Онъ самъ есть святыня. Къ числу ли пріобрѣтшихъ добродѣтель своими доблестями? Но Онъ по естеству благъ. Къ числу ли существъ служебныхъ? Но есть иные „служебніи duси, въ служеніе посылаеми“ (Евр. 1, 14). Посему несправедливо намъ назвать Его служебнымъ, какъ владычественнаго по естеству, и причислять къ твари, какъ числимаго въ божественной и блаженной Троицѣ. Ибо Начала и Власти, и всякая подобная тварь, имѣющая въ себѣ святыню вслѣдствіе внимательности и тщательности, не могутъ, по всей справедливости, быть названы святыми отъ природы; потому что, возжелавъ добра, по мѣрѣ любви къ Богу пріемлютъ они и мѣру святости. И какъ желѣзо, положенное въ средину огня, не перестаетъ быть желѣзомъ, но будучи раскалено до сильнѣйшаго сходства съ огнемъ и принявъ въ себя всѣ свойства огня, и цвѣтомъ и дѣйствіями подходитъ къ огню: такъ и сіи святыя Силы, вслѣдствіе общенія со Святымъ по естеству, имѣютъ въ себѣ святыню, которая проникла уже все ихъ существо, и соединилась съ ихъ природою. Различіе же у нихъ съ Духомъ Святымъ то, что въ Духѣ святость есть естество, а въ нихъ—освященіе по причастію. Но существа, въ которыхъ благое есть нѣчто возстановляемое и отъинуда подаваемое, суть измѣняемой природы. Ибо не возможно было бы пасть Денницѣ, восходящей заутра, и сокрушиться на землѣ (Исх. 14, 12), не имѣя по природѣ удобопріемлемости къ худшему. Посему благочестиво ли будетъ—поставлять Духа Святаго на ряду съ тварію, когда Онъ въ такой мѣрѣ отстоитъ отъ твари? Ибо твари свойственно имѣть святыню, въ награду за преспѣяніе и благоугожденіе Богу, но въ то же время пользоваться свободною своею природою, которая можетъ преклоняться на ту и другую сторону для избранія добра и зла: Духъ же Святый есть источникъ святыни. И какъ Отецъ святъ по естеству и Сынъ святъ по естеству: такъ святъ по естеству и Духъ истины; посему и удостоенъ преимущественнаго и Ему собственнаго наименованія: Святый. Итакъ, если святыня есть для Него естество, какъ для Отца и Сына; то почему же Онъ—третьяго и чуждаго естества? Ибо, думаю, и у Исаіи написано о троекратномъ восклицаніи Серафимами: „Святъ“ (Иса. 6, 3), по тому, что естественная святыня умосозерцается въ трехъ Ѵпостасяхъ.

Впрочемъ не это одно, не имя только святыни, но и самое наименованіе Духа у Него суть общія съ Отцемъ и Сыномъ. Ибо „Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися“ (Іоан. 4, 24). И пророкъ говоритъ: „духъ“ предъ лицемъ [1]) нашимъ, „помазанный Господь, о Немже рѣхомъ“: въ „сѣни“ крылъ „Его по-

---

[1]) Πρὸ προσώπου ἡμῶν. У Седмидесяти безъ предлога: προσώπου ἡμῶν, „лица нашего“.

живемъ“ (Плач. Іерем. 4, 20): И Апостолъ наименованіе Духа относитъ къ Господу, говоря: „Господь же Духъ есть“ (2 Кор. 3, 17). Изъ сего всякому видно, что общеніе именъ показываетъ не отчужденіе, но единеніе естества съ Отцемъ и Сыномъ.

Богъ и именуется благимъ, и дѣйствительно благъ; но благъ и Духъ Святый, и имѣетъ благость не пріобрѣтенную, но отъ естества Ему соприсущую; иначе, всего неразумнѣе было бы утверждать, что Святое по естеству имѣетъ благость не по естеству, но случайную и отвнѣ пришедшую.

А тѣмъ, что сказалъ Господь: „Азъ умолю Отца, и инаго Утѣшителя дастъ вамъ“ (Іоан. 14, 16), Онъ показываетъ, что и Самъ Онъ—нашъ Утѣшитель; почему и названіе Утѣшителя не малымъ служитъ доказательствомъ славы Святаго Духа.

И таковы имена, показывающія величіе естества: каковы же дѣйствованія Святаго Духа? Сказано: „Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся Сила ихъ“ (Пс. 32, 6). Посему какъ Богъ-Слово есть Зиждитель небесъ, такъ и Духъ Святый сообщаетъ небеснымъ Силамъ твердость и непоколебимость добродѣтели. И Іовъ еще говоритъ: „Духъ Божій сотворивый мя“ (Іов. 33, 4), разумѣя, какъ думаю, не созданіе, но усовершеніе въ человѣческой добродѣтели. А Исаія, говоря отъ лица Господа, очевидно, въ разсужденіи Его человѣчества сказалъ: „Господь посла Мя, и Духъ Его“ (Исаіи 48, 10). И еще псаломъ, показывая, что сила Духа простирается повсюду, говоритъ: „камо пойду отъ Духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу“ (Псал. 138, 7)?

Но какъ велики и многочисленны благодѣянія Духа, достигающія до насъ! Какъ самъ Господь принявшимъ Его „даде область чадомъ Божіимъ быти“ (Іоан. 1, 12): такъ и Духъ Святый есть Духъ сыноположенія“ (Рим. 3, 15). И какъ Господь нашъ есть истинный учитель, по сказанному: „вы же не зовите себѣ учителя на земли; единъ бо есть вашъ наставникъ, Христосъ“ (Матѳ. 23, 8. 10): такъ и Духъ Святый учитъ всѣхъ увѣровавшихъ во имя Господне, какъ засвидѣтельствовано самимъ Господомъ, сказавшимъ: „Утѣшитель же Духъ Святый, Его же послетъ Отецъ, Той вы научитъ всему“ (Іоан. 14, 26). И какъ говорится, что Отецъ раздѣляетъ „дѣйства“ достойнымъ принятія „дѣйствъ“, и что Сынъ раздѣляетъ „служенія“, по достоинствамъ служенія: такъ засвидѣтельствовано, что и Духъ Святый раздѣляетъ „дарованія“, достойнымъ принятія дарованій. „Раздѣленія бо дарованій суть, а тойжде Духъ: и раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь: и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ“ (1 Кор. 12, 4,—6). Видишь ли, какъ и здѣсь дѣйствованіе Святаго Духа

поставлено на ряду съ дѣйствованіемъ Отца и Сына? Потомъ и изъ присовокупленнаго еще болѣе открывается божественность естества Духа Святаго. Ибо что говоритъ Апостолъ? „Вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хощетъ“ (—11). Не объ иномъ чемъ свидѣтельствуетъ онъ, какъ о полномочной и владычественной власти Духа. Посему въ Новомъ Завѣтѣ пророки взывали: „тако глаголетъ Духъ Святый“ (Дѣян. 21, 11).

Отъ-чего же принадлежитъ Духу испытывать глубины Божіи? Сказано: какъ никтоже „вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка живущій въ немъ: такожде и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій“ (1 Кор. 2, 11). Ибо какъ никто чуждый и инородный не можетъ видѣть внутреннихъ помышленій души: такъ, очевидно, если кто причастенъ таинъ Божіихъ, не чуждъ Богу и не инороденъ съ Нимъ, то можетъ испытывать глубины судовъ Божіихъ.

Потомъ и жизнь подается намъ отъ Бога чрезъ Христа во Святомъ Духѣ. Ибо, хотя животворитъ Богъ, какъ говоритъ Павелъ: „завѣщаю ти предъ Богомъ, оживляющимъ всяческая“ (1 Тим. 6, 13); но жизнь даруетъ Христосъ: „овцы Моя“, говоритъ Онъ, „гласа Моего слушаютъ, и Азъ животъ вѣчный дамъ имъ“ (Іоан. 10, 27. 28); оживотворяемся же мы чрезъ Духа, какъ говоритъ Павелъ: „воздвигій Христа изъ мертвыхъ, оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша, живущимъ Духомъ Его въ васъ“ (Рим. 8, 11).

Но этотъ смѣлый на все и не боящійся опасности, какая угрожаетъ дерзающимъ изречь какое либо хульное слово на Духа Святаго, объявляетъ, что Духъ непричастенъ Божества, пиша о Духѣ такъ:

Евн. Третій по порядку и по естеству, происшедшій по повелѣнію Отца дѣйствіемъ Сына, почтенный третьимъ мѣстомъ, какъ первое и высшее всѣхъ тварей, единственное въ своемъ родѣ твореніе Единороднаго, не имѣющій Божества и зиждительной силы.

Вас. Утверждающій это, повидимому, не вѣруетъ, что въ насъ живетъ Божество, тогда какъ говоритъ Іоаннъ о Богѣ: „о семъ разумѣемъ, яко въ насъ есть, отъ Духа, Егоже далъ есть намъ“ (Іоан. 3, 24); и Апостолъ: „не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ“ (1 Кор. 3, 16)? и еще: „о Немже всяко созданіе составляемо растетъ въ церковь святую о Господѣ, о Немже и вы созидаетеся въ жилище Божіе Духомъ“ (Ефес. 2, 21. 22). Итакъ, если говорится, что Богъ живетъ въ насъ черезъ Духа, то не явное ли нечестіе—утверждать, что Самъ Духъ не причастенъ Божества? И если усовершившихся въ добродѣтели называемъ богами, и усовершеніе достигается чрезъ Духа; то какъ же Творящій другихъ богами Самъ лишается Божества? Но не благочестиво, какъ о людяхъ, такъ и о Духѣ говорить, что чествуется

въ Немъ Божество, котораго онъ причастенъ, но не имѣетъ по естеству. Ибо кто по благодати дѣлается Богомъ, у того природа измѣнчива, потому что лучшее иногда и утрачивается по невнимательности. Явно же противорѣчитъ сіе преданію спасительнаго крещенія. Сказано: „шедше, крестите во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ (Матѳ. 28, 19). Ибо крещеніе есть печать вѣры, а вѣра—исповѣданіе Божества; потому что прежде должно увѣровать, а потомъ запечатлѣться крещеніемъ. Наше же крещеніе, по преданію Господню, есть во имя Отца и Сына и Святаго Духа, при чемъ ни какая тварь и ни рабъ не сопоставляются съ Отцемъ и Сыномъ; потому что Божество въ Троицѣ исполнено. А что внѣ Ихъ, все то намъ сослужебно, хотя бы одно другому и много предпочиталось, по преизбытку достоинствъ.

И ты не представляй мнѣ опять этихъ мудрыхъ словъ:

Евн. Если не тварь, то или рожденіе, или нерожденный. Но Богъ безначальный и нерожденный одинъ. А такъ же и не рожденіе. Посему остается назвать Его тварію и произведеніемъ.

Вас. А я, если бы полагалъ, что все постигается нашимъ вѣдѣніемъ, то, можетъ быть, постыдился бы признаться въ невѣдѣніи. Теперь же не только сокрыты отъ насъ тысячи предметовъ и изъ уготованныхъ намъ въ будущемъ вѣкѣ, и изъ существующихъ нынѣ на небѣ, но даже не имѣемъ мы яснаго и безпрекословнаго понятія о томъ, что есть въ нашемъ тѣлѣ. Напримѣръ въ зрѣніи: образы ли видимыхъ вещей принимаемъ въ себя, и поэтому составляемъ представленія о нихъ? И какъ въ маломъ размѣрѣ нашего зрачка помѣщается изображеніе величайшихъ горъ, неизмѣримой земли, безпредѣльнаго моря и даже самаго неба? Или, испуская нѣчто отъ себя, когда сіе нѣчто приближается къ видимымъ предметамъ, тогда получаемъ ощущеніе оныхъ? И что же такое, и какъ велико это нѣчто чрезъ расширеніе дѣлающееся достаточнымъ для земли и моря, проходящее сквозь пространство между землею и небомъ, касающееся самаго неба, и движущееся съ такою скоростію, что въ одно и то же время познаются и близъ-лежащее тѣло и звѣзды на небѣ? И нужно ли говорить о прочемъ? Даже о самыхъ движеніяхъ ума кто можетъ съ точностію сказать: творитъ, или раждаетъ ихъ душа?

Что же удивительнаго—и о Святомъ Духѣ, не стыдясь, признаться намъ въ невѣдѣніи, и однако же безпрекословно воздать Ему засвидѣтельствованное въ Писаніи славословіе? Ибо преданное въ Писаніяхъ достаточно намъ показываетъ, что Онъ выше твари; потому что невозможно быть одного и того же естества освящающему и освящаемому, учащему и научаемому, дающему откровеніе и имѣющему нужду въ откровеніи. Но никто не будетъ такъ совершенно безразсуденъ, чтобы осмѣлился

инаго, кромѣ Бога всяческихъ, наименовать нерожденнымъ; не назоветъ и Сыномъ; потому что Единородный одинъ. Посему, какъ же должно называть Его?—Духомъ Святымъ, Духомъ Божіимъ, Духомъ истины, посылаемымъ отъ Бога, подаваемымъ чрезъ Сына, не рабомъ, но святымъ, благимъ, владычественнымъ, Духомъ животворящимъ, Духомъ сыно-положенія, вѣдущимъ все, что есть Божіе. Такимъ образомъ и въ Троицѣ соблюдается понятіе единства, при исповѣданіи единаго Отца, единаго Сына и единаго Духа Святаго.

Но приводятъ доказательства въ подтвержденіе того, что Духъ Святый есть тварь,—одно изъ пророка, который говоритъ: „се Азъ утверждаяй громъ, и созидаяй духъ [1]" (Амос. 4, 13); другое изъ Евангелія: „вся Тѣмъ быша" (Іоан. 1, 3).

А мы увѣрены, что пророческое слово относится не къ Духу Святому, но къ обыкновенному сему дыханію, къ вѣянію воздуха. Видно же сіе изъ слѣдующаго: Пророкъ не сказалъ: создавый духъ, но: „созидаяй духъ". Ибо какъ громъ не однажды навсегда сотворенъ въ какомъ либо тѣлесномъ самостоятельномъ видѣ, но всякій разъ по волѣ Божіей, на устрашеніе людямъ, производится, и опять разрушается; такъ и сей духъ то происходитъ, когда воздухъ течетъ на подобіе рѣки, то прекращается, когда приходитъ въ покой находившееся прежде въ движеніи, по волѣ Того, Кто всѣмъ распоряжаетъ для сохраненія и сочетанія всѣхъ вещей, такъ что во всей твари громами и вѣтрами и прочимъ созданіемъ возвѣщается Зиждитель. Посему послѣ словъ: „утверждаяй громъ и созидаяй духъ", пророкъ говоритъ: „и возвѣщаяй въ человѣцѣхъ Христа Своего". Ибо какъ „небеса повѣдаютъ славу Божію" (Псал. 18, 2) способнымъ отъ нихъ заключать отъ искусствѣ Создателевомъ; такъ и громовые звуки и движенія вѣтровъ проповѣдуютъ своего Создателя. А можетъ быть, это и пророчество, относящееся къ вочеловѣченію Господа, когда гласъ, бывшій съ небеси, для слышавшихъ показался громомъ, далъ же его Богъ и Отецъ, чтобы показать чрезъ него людямъ Христа (Іоан. 12, 28. 29). Но и вѣтры, приходящіе въ движеніе и возмущающіе море, а потомъ прекращающіеся по повелѣнію Господа (Матѳ. 8, 24), ясно также возвѣстили людямъ Христа.

Слова же: „вся Тѣмъ быша", ни мало намъ не доказываютъ, что Духъ Святый сотворенъ, какъ будто бы въ словѣ „вся" включается и Духъ. Ибо если Духъ Святый одинъ и единственъ: то какимъ образомъ единичное по естеству можетъ заключаться въ понятіи „вся"? И никто да не думаетъ, что отрицается ѵпостасность Духа съ отрицаніемъ положенія, что Духъ есть тварь. Ибо благочестивому уму свойственно—опа-

[1]) Τὸ πνεῦμα, въ славян. переводѣ: „вѣтръ".

саться произносить о Духѣ Святомъ, что умолчано въ святыхъ Писаніяхъ, вѣрить же, что опытное познаніе о Немъ и точное постиженіе предоставлено намъ въ грядущемъ вѣкѣ, когда, переставъ видѣть истину въ зерцалѣ и гаданіи, удостоимся созерцать ее лицемъ къ лицу.

Книга 4. Трудныя положенія изъ богодухновенныхъ писаній на возраженія о Сынѣ, заимствуемыя въ новомъ и ветхомъ завѣтѣ

Если Сынъ—Богъ по естеству, но и Отецъ—Богъ по естеству; то Сынъ не иначе, чѣмъ Отецъ, но одинаково съ Отцемъ, есть Богъ. Если же Сынъ не по естеству—Богъ; то, какъ и ложно именуемые боги, называется Онъ Богомъ, но не Богъ. Если Сынъ—единый Господь по естеству; то, очевидно, не по иному естеству. Посему, если Отецъ именуется единымъ Богомъ, но и Сынъ есть Богъ; то не въ иномъ, но въ единомъ естествѣ.

Если одинъ Господь по естеству, когда многіе называются господами по присвоенію, и одинъ Сынъ по естеству, когда многіе именуются сынами по присвоенію; то именуемое по присвоенію называется такъ въ подражаніе тому, что таково по естеству. Ибо ни что не могло бы названо быть по присвоенію, если бы не предшествовало сущее по естеству. Поэтому, если мы—сыны Божіи по присвоенію; то необходимо предсуществовать Сыну по естеству. Притомъ, истинныя имена суть признаки сущности именуемыхъ; но Отецъ и Сынъ истинно Господь и Богъ: слѣдовательно у Нихъ та же сущность, какъ и имена тѣ же.

Если единородное берется не въ отношеніи къ рожденію, но по тому, что не имѣетъ себѣ равнаго; то и Отецъ единороденъ, потому что несравнимъ. Да и всякая тварь, не подобная другой, единородна. Посему единородныхъ много, а не одинъ Сынъ Божій единороденъ. Если же Сынъ не просто единороденъ, но Сынъ единородный, и единородный отъ Отца; то Сынъ и единороденъ, и не единородная тварь.

Если Сынъ—Создатель по причастію и по согласію Отца, и не по естеству; то изъ созданнаго Имъ ни что не было бы по естеству. Ибо если Создатель не по естеству; то какъ созданному быть по естеству?

Если Богъ дѣйствуетъ, какъ не дѣйствуетъ никто другой; то и раждая будетъ раждать, не какъ другой; ибо Богъ ни съ чѣмъ и ни въ чемъ несравнимъ.

Творимое—не изъ сущности творящаго; а раждаемое изъ самой сущности раждающаго. Слѣдовательно не одно и то же — творить и раждать.

Если Сынъ—отъ Бога, но не какъ отъ Отца, а какъ отъ другаго;

Богъ же виновникъ и нашего бытія; потому что все отъ Него: то Богъ не иначе Сыну, иначе же намъ, но Ему и намъ одинаково Отецъ. Но не нелѣпо ли это?

Если ничто не подобно и не равно Богу, кромѣ Сына: то ни одно подобіе не можетъ быть примѣнено во всѣхъ отношеніяхъ; потому что Богъ выше всего.

Что въ образѣ Божіемъ, то въ сущности Божіей. Ибо нельзя сказать, что иное есть образъ Божій, а иное—сущность Божія; иначе Богъ будетъ сложенъ. Посему равный по образу равенъ и по сущности

Если рожденный меньше родившаго: это не вина рожденнаго, но немощь родившаго. Ибо, если по зависти не сдѣлалъ равнымъ, или по недостатку силъ не родилъ подобнымъ.

Если Отецъ былъ прежде Сына; то, конечно, былъ Отцемъ когонибудь другаго: потому что безъ Сына не могъ бы и называться Отцемъ.

Если, кто позналъ Сына по сущности, тотъ позналъ и Отца (ибо сказано: „аще Мя бысте знали, и Отца Моего знали бысте убо", Іоан. 14, 7); то Сынъ единосущенъ Отцу: потому что ни что безтѣлесное не можетъ быть познаваемо изъ неподобной сущности.

Если вѣровать, что Христосъ есть Сынъ Божій, значитъ имѣть жизнь вѣчную (Іоан. 20, 31); то не вѣровать, необходимо, значитъ—смерть.

У кого дѣйствованія тѣ же, у тѣхъ и сущность одна. Но дѣйствованіе Отца и Сына едино; напримѣръ: „сотворимъ человѣка" (Быт. 1. 26); и еще: „яже бо Отецъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ" (Іоан. 5, 19). Поэтому и сущность Отца и Сына одна.

Если познаніе Отца и Сына—„животъ вѣчный" (Іоан. 17, 3): то Отецъ и Сынъ необходимо одной сущности; ибо иносущное не однимъ вѣдѣніемъ постигается, и не можетъ одинаково животворить.

Если Сынъ—истинный образъ Отца, а всякій образъ есть изображеніе или сущности, или лиценачертанія, или одежды, или тѣлосложенія, или цвѣта; Богъ же не въ чемъ либо этомъ, но въ одной сущности изобразимъ: то Сынъ, будучи образомъ сущности, единосущенъ Отцу.

Если Отецъ ни въ чемъ несравнимъ съ Сыномъ; а также ни въ чемъ несравнимъ съ тварію: то не иначе съ Сыномъ, иначе же съ тварію, но съ Сыномъ и тварію одинаково несравнимъ. Поэтому Сынъ не только не подобенъ Отцу, но даже подобенъ твари. Но не нелѣпо ли это?

Если, называя Сына тварію, не говорятъ они, что Сынъ—одна изъ тварей; то почему же, когда называемъ Сына рожденіемъ, разумѣютъ, что Сынъ—одно изъ рожденій?

Если Богъ не раждаетъ, чтобы не допустить изъ Себя изліянія, то

и не творить, чтобы не трудиться. А если творитъ безстрастно; то кольми паче раждаетъ безстрастно.

Если сіяніе всякаго свѣта раждается отъ свѣта, но не съ теченіемъ времени, а внѣ времени, и соприсносущно свѣту; ибо нѣтъ свѣта безъ сіянія: то и Сынъ, будучи сіяніемъ, будетъ не съ теченіемъ времени, но совѣчно; потому что Богъ есть свѣтъ, какъ говоритъ Давидъ: „во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ" (Псал. 35, 10); и Даніилъ: „и свѣтъ съ Нимъ есть" (Даніил. 2, 22).

Если, по ихъ мнѣнію, рожденіе, какъ и нерожденіе, есть сущность; а Сынъ Божій есть рожденіе Божіе: то Сынъ есть и сущность Божія.

Если Богъ родилъ Сына по своему хотѣнію, а не по естеству: то, или однажды восхотѣвъ, потомъ уже родилъ не хотя, или восхотѣвъ въ другой разъ, снова родилъ. Если же хотѣніе Его не одинаково, но различно; то Онъ уже не простъ и не единаго произвелъ, но производитъ, какъ скоро Ему угодно.

Если Богъ не рождается; то или потому, что вовсе не можетъ, или потому, что не хочетъ. Но если не можетъ; то, кромѣ того, что не имѣетъ силы, Онъ ниже родотворнаго и совершеннаго естества. Если же и могъ, но не восхотѣлъ; то хотѣніемъ, ограничилъ, что имѣлъ по естеству; а посему, если еще не родилъ, то, восхотѣвъ, родитъ когда нибудь.

Если не было Сына „когда нибудь"; то это самое: „когда нибудь", будетъ послѣ Родившаго, а прежде рожденнаго. Но въ такомъ случаѣ окажется, что Сынъ не прежде всего, кромѣ Отца, но и послѣ сего „когда нибудь".

Когда утверждаемъ, что, поелику Отецъ всегда, то и Сыну необходимо быть всегда; они говорятъ: „поэтому, такъ какъ Сынъ всегда Создатель, и созданіе будетъ всегда; а въ такомъ случаѣ и созданіе будетъ совѣчно Отцу и Сыну". Но нарицающій создателя не нарицаетъ вмѣстѣ и созданія; потому что не вмѣстѣ съ домоздателемъ начинаетъ быть и зданіе и не вмѣстѣ съ кораблестроителемъ—ладія. Ибо, хотя созданіе въ создателѣ, однако же созидаемое послѣ создателя. Но нельзя назвать отцомъ, когда нѣтъ сына, и нарицающій отца, не просто нарицаетъ его отцемъ, но отцомъ какого либо сына.

Богъ называется въ Писаніи слѣдующими именами: Богъ, Господь, Вседержитель, Саваоѳъ, Сый, Адонаи, Елои; но нигдѣ не именуется Нерожденнымъ. Если же кто и это уступитъ; то Нерожденнымъ и выше приведенными именами прилично называть Его Іудеямъ и всѣмъ прочимъ; а Отцемъ Христа прилично именовать однимъ христіанамъ. Но если то самое, что одно отличаетъ насъ отъ прочихъ, ложно и не справедливо; есть одно имя по присвоенію, а не дѣло по естеству: то лжива

вѣра наша и суетно упованіе. Ибо гдѣ начало не твердо, тамъ и конецъ не крѣпокъ.

Опять спрашиваютъ: какъ рожденъ Сынъ? какъ сущій, или какъ не сущій? Этотъ вопросъ ихъ не ясенъ и хитръ. Ибо, стыдясь спрашиватъ о рожденіи „когда нибудь“ и во времени, говорятъ, рожденъ ли какъ сущій? Но самъ ты спроси у нихъ: какъ Богъ родилъ Сына, какъ сущій ли Отецъ, или какъ не сущій Отецъ? Если какъ сущій Отецъ; то Сущій родилъ Сущаго. А если какъ не сущій; то сдѣлался Отцемъ, а не по естеству Отецъ. Но всѣмъ ихъ спорамъ полагаютъ конецъ божественныя Писанія; потому что Моисей восклицаетъ о Сынѣ: „Сый посла мя“ (Исх. 3, 14). И Евангелистъ говоритъ: „въ началѣ бѣ Слово“ (Іоан. 1, 1), не однажды, но четырекратно повторяя слово: „бѣ“; еще въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „Сый[1]) отъ Бога“ (Іоан. 8, 47); и: „Сый въ лонѣ Отчи“ (Іоан. 1, 18); и въ другихъ мѣстахъ: „Сый на небеси“ (Іоан. 3, 13); и въ Апокалипсисѣ „Сый, и Иже бѣ, и Грядый“ (Апок. 1, 18). И Павелъ говоритъ: „Иже сый сіяніе славы“ (Евр. 1, 3); „Иже въ образѣ Божіи сый“ (Филип. 2, 6): и еще: „сый надъ всѣми Богъ благословенъ“ (Рим. 9, 5).

Если Сынъ — истинный Богъ, свѣтъ, неизмѣняемъ, благъ, святъ, Господь; но и Отецъ, будучи тѣмъ же, не въ равной, но въ большей мѣрѣ есть все это: то сіе не по превосходству сущности, а по преизбытку качества. Ибо не говорится, что сущность сущности больше, но качество качества бываетъ больше; не говорится, что одинъ больше человѣкъ, нежели другой, но больше бываетъ одинъ добръ, нежели другой добръ; и одинъ больше праведенъ, нежели другой праведенъ.

Естество рожденныхъ и родившаго одно и то же, хотя бы рожденный и иначе получилъ бытіе. Ибо Авель, рожденный отъ четы, не инаковъ съ Адамомъ; тогда какъ Адамъ не рожденъ, но сотворенъ.

Если причина больше произведеннаго ею, и различна съ нимъ по сущности, а всякой отецъ есть причина, сынъ же произведеніе причины; то отцы больше сыновей по сущности, и различной, а не одинаковой съ ними сущности. Но сіе не правда.

Спрашиваютъ: „Отецъ, родивъ Сына, пересталъ ли раждать Его“? И, если сказать, что пересталъ, продолжаютъ: „поэтому и началъ раждать. Ибо все имѣющее конецъ имѣетъ и начало. Слѣдовательно Сынъ не всегда былъ“. На сіе скажемъ: Если прекращающемуся необходимо имѣть начало, и прекратиться необходимо имѣющему начало; то Ангелы и всѣ безплотныя существа, имѣя начало бытія, необходимо будутъ имѣть и конецъ бытія. Но сіе нелѣпо. Посему и начавшему бытіе возможно не прекращаться, и прекратившемуся — не начинаться. Въ

[1]) Ὁ ὢν, съ славян. перев: „иже есть“.

противномъ случаѣ, самъ Сынъ, если Онъ имѣетъ начало бытія, по ихъ мнѣнію, по необходимости имѣетъ и конецъ; ибо они требуютъ, чтобы все имѣющее начало имѣло и конецъ. Не хула ли это? И предвѣдѣніе Божіе, не имѣющее начала, имѣетъ конецъ, по исполненіи предувѣдѣннаго. Посему, имѣющему конецъ нѣтъ необходимости имѣть и начала.

Въ существахъ безтѣлесныхъ называется что нибудь единымъ, или по дѣйствованію, или по хотѣнію, или по сущности. Посему Спаситель, сказавъ: „Азъ и Отецъ едино есма“ (Іоан. 10, 30), сказалъ сіе въ которомъ либо одномъ изъ исчисленныхъ выше отношеній. Если же скажутъ, что Они едино по дѣйствованію; то необходимо будетъ сказать, что едино и по сущности. Ибо у иносущныхъ не можетъ быть одинаковаго дѣйствованія. Если же едино по хотѣнію, то не только Сыну необходимо хотѣть всего того, чего хочетъ Отецъ, но и Отцу необходимо хотѣть всего того, чего хочетъ Сынъ. Поэтому и Сынъ будетъ повелѣвать Отцу въ томъ, чего хочетъ, если и Самъ подчиняется велѣніямъ Отца. Если же Сынъ подчиняется только; то служитъ по принужденію, а не по хотѣнію. Если же Они едино не по дѣйствованію и не по хотѣнію; то остается, по собственнымъ словамъ противниковъ, быть едиными по сущности, то есть, Отцу и Сыну быть единосущными.

О томъ, что слово: нерожденный, означаетъ какое-то осуществленіе, а не сущность.

Если это: „нерожденный“, есть сущность, и рожденный такъ же сущность, и поэтому Отецъ и Сынъ не единосущны; то необходимо всякому рожденію быть единой сущности. А потому всѣ порожденія будутъ единосущны Сыну Божію. Не хула ли это

Если нерожденный, въ противоположность рожденному Сыну, есть сущность, то и несозданный, въ противоположность твари, есть сущность. И такъ положи, что нерожденный—сущность, и несозданный—сущность; тогда Богъ будетъ имѣть двѣ сущности, а не одну. Но еще и вся тварь будетъ одна сущность. А сіе ложно; ибо тварь одна, а сущности различны. Но такимъ же образомъ и Божія неизмѣняемость, и безначальность, и многое другое будутъ сущности.

Если кто, назвавъ Отца нерожденнымъ, а Сына рожденнымъ, означилъ тѣмъ сущности; то, пожелавъ изобразить словомъ образъ ихъ осуществленія, въ состояніи ли будетъ выразить это иными кромѣ сихъ словъ? Посему это: нерожденный, образъ осуществленія, а не имя сущности.

Если имѣющіе различное осуществленіе бытія имѣютъ и различную сущность; то люди не односущны. Ибо иное осуществленіе Адама, сотвореннаго изъ земли; иное Евы, созданной изъ ребра; иное Авеля, по-

тому что онъ отъ четы; иное Рожденнаго отъ Маріи, отъ единой Дѣвы. Но подобно сему должно сказать и о птицахъ, и о четвероногихъ.

Если Отецъ нерожденъ, потому что не раждался, а Сынъ рожденъ, потому что родился; то нерожденный послѣ родившагося; потому что прежде не было того, въ отношеніи къ кому могъ бы назваться нерожденнымъ. Ибо различія — между существующими, а не между несуществующими.

Если былъ когда либо Богъ, не бывъ Отцемъ; то, содѣлавшись уже Отцемъ, принялъ сіе наименованіе „Отца". Поэтому, хотя Богъ не имѣетъ начала бытія, однако же Отецъ имѣетъ начало бытія. Слѣдовательно, одинъ и тотъ же, будучи простъ, и имѣетъ начало бытія, и не имѣетъ онаго.

Если невозможное противоположно возможному, и немудрое—мудрому; если все различаемое противоположно одно другому: то и нерожденное противоположно рожденному. Посему Отецъ противоположенъ Сыну по сущности, если только нерожденность—не образъ осуществленія, но сущность.

Если Сынъ—тварь, а не рожденіе; и всѣ существа—также твари: то напрасно Отецъ называется нерожденнымъ, когда вовсе нѣтъ рожденія, въ отношеніи къ которому именуется нерожденнымъ. Посему справедливѣе было бы назвать Его несозданнымъ, нежели нерожденнымъ.

Если нерожденный есть имя: то уже—не сущность; ибо имена означаютъ только сущности, а не сами суть сущность. Если же слово: нерожденный, есть самая сущность: то пусть скажутъ ея имя; ибо познаемъ не по сущностямъ, а по именамъ и по дѣйствіямъ, особливо же такъ познаемъ существа безтѣлесныя.

Если слово: нерожденный, есть имя сущности Божіей; то Богъ, или, зная собственную сущность, не зналъ имени сущности, или, зная имя, обманулъ слышавшихъ. Ибо Господь говоритъ: „Вседержитель имя" Мое (Іерем. 50, 34). И вопрошенный Моисеемъ, „что имя Ему?" говоритъ: „Азъ есмь Сый"; и еще: „Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ и Богъ Іаковль; сіе Мое есть имя вѣчное" (Исх. 3, 13, 15). И Давидъ говоритъ: „имя Тебѣ Господь" (Псал. 82, 18). А имени: нерожденный, и самъ Онъ Себѣ, и никто изъ святыхъ не нарекалъ Ему. Если же Онъ и не обманывалъ, и не незналъ (ибо нечестиво—сказать то или другое); то нерожденный—не имя Его.

Сіе: нерожденный, есть или сущность, или принадлежность; потому что кромѣ того ничего инаго быть не можетъ. Но это—не сущность; потому что не сущность и противополагаемое нерожденному. Ибо Сынъ есть рожденный, не поколику Онъ—сущность, но поколику родился. А если принадлежность; то она или естественна, или можетъ быть, и не быть.

Но если естественна; то Богу необходимо быть и сущностію и принадлежностію. Ибо естественныя принадлежности необходимо принадлежать тѣмъ, кому онѣ стали принадлежать. Если же принадлежность случайная; то будетъ иногда и нерожденнымъ, и рожденнымъ.

Если Бога называютъ нерожденнымъ по тому, что не родился; то именуютъ не то, что такое есть Его сущность, но то, что она не есть. Всякая же сущность познается не изъ того, что она не есть, но изъ того, что она есть. Ибо и слова: безсмертный, нетлѣнный, неизмѣняемый означаютъ не сущность Божію, но то, что Онъ не умираетъ, не истлѣваетъ, не измѣняется подобно тварямъ. И такъ пусть научатъ, что такое Богъ есть, а не что Онъ не есть.

Если сіе: нерожденный не имя сущности, но сама сущность, а также и Сынъ есть сущность; то и Сынъ нерожденъ и всякая сущность нерожденна. Если нерожденность—сущность Божія; рожденность—сущность Сына: то тварь или произведеніе—не сущность Его; потому что Сынъ—одна сущность, а не многія сущности.

Наименовавшій человѣка, или камень, или дерево, означаетъ какую-то сущность; но наименовавшій рожденіе не просто означаетъ сущность; ибо иначе всякое рожденіе—одна сущность. Если же слово: рожденіе, не означаетъ какой либо сущности; то, очевидно, и слово: нерожденный, также не означаетъ оной.

Если Богъ нерожденъ, потому что не родился; то и нетлѣнъ также потому, что не истлѣваетъ. Посему какъ нетлѣнность означаетъ Его нескончаемость; такъ и нерожденность означаетъ безначальность. Если же Богъ хотя нерожденъ, однакоже не нетлѣненъ; то будетъ хотя безначаленъ, однако же не нескончаемъ; что нелѣпо. Поэтому сіе: нерожденный, не сущность, а означеніе нерожденія.

Если Отецъ нерожденъ по естеству; то и Сынъ рожденъ по естеству. А если по естеству рожденіе; то уже не тварь. Посему, когда есть рожденіе по естеству, необходимо быть и родившему; ибо рожденіе не возможно безъ родившаго. Пусть же наименуютъ намъ родившаго, если Отецъ не родилъ.

Если Богъ нерожденъ по сущности, Сынъ рожденъ по сущности, и Утѣшитель есть тварь по сущности; то Отецъ, и Сынъ, и Духъ Святый суть только имена безъ сущностей. Посему пусть крестятъ въ нерожденнаго, рожденнаго и тварь: потому что вещи тверже именъ; и существующее полезнѣе къ дѣйствованію, нежели только произносимое словомъ.

Говорятъ: „если Отецъ нерожденъ, а Сынъ рожденъ; то Они не одной сущности; ибо нерожденный и рожденный не могутъ быть одной сущности". Но мы называемъ сіе не сущностями, а именами, означающими осуществленіе каждаго изъ нихъ. Но ничто не препятствуетъ одной сущности

имѣть различныя имена; какъ и наоборотъ, тварь различныхъ сущностей имѣетъ одно имя.

Говорятъ: „если Сынъ единосущенъ Отцу, а Отецъ нерожденъ, Сынъ же рожденъ; то одна и та же сущность и нерожденна и рожденна“. Но мы говоримъ, что Сынъ не часть Отца, вслѣдствіе какъ бы раздѣленія сущности на нерожденную и рожденную; но что всецѣло рожденъ отъ всецѣлаго Нерожденнаго, что два Совершенныхъ, а не двѣ части чего-то одного.

Если Спаситель пришелъ во имя Отца, какъ Самъ говоритъ: „Азъ пріидохъ во имя Отца Моего“ (Іоан. 5, 43); то необходимо, чтобы все, что сказуется объ Отцѣ, было сказуемымъ и о Сынѣ. Посему пусть назовется и нерожденнымъ, если и это есть имя Отца. А если имя: нерожденный, есть честь Отца; подобнымъ же образомъ должно чтить и Сына, по собственному Его изреченію, въ которомъ сказано: „да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца“ (Іоан. 5, 23): то необходимо и Сына именовать нерожденнымъ, чтобы сохранилась единая честь Отца и Сына. Если Сынъ явилъ человѣкамъ имя Отца, какъ Самъ говоритъ: „явихъ имя Твое человѣкомъ“ (Іоан. 17, 6), а „нерожденный“ есть, собственное имя Его сущности; то пусть покажутъ: гдѣ Спаситель нарекъ Его нерожденнымъ?

Если Богъ больше всѣхъ; то по сущности ли больше, или потому что виновникъ всего, а Самъ ни отъ кого нерожденъ? Ибо, если Онъ больше какъ сущность; то и всякая сущность больше всѣхъ. А если какъ нерожденный; то сущность и нерожденный не одно и то же.

Если нерожденность есть нѣчто; то и безсмертіе, некончаемость, безболѣзненность, нестарѣемость будетъ также нѣчто. Посему Богъ тѣмъ, что нерожденъ, будетъ превосходить всѣхъ, а по другимъ свойствамъ будетъ тождественъ съ Ангелами, духами и душами; ибо и они безсмертны и нескончаемы. Но если Богъ преимуществуетъ не тѣмъ, что Онъ не есть, а тѣмъ, что Онъ есть (ибо и человѣкъ лучше безсловеснаго не тѣмъ, что не бездушенъ, не безчувственъ, каковы и безсловесныя; но тѣмъ, что разуменъ), то посему и Богъ будетъ больше не тѣмъ, что нерожденъ, но тѣмъ, что всему виновникъ.

Если нерожденный противополагается рожденному, нерожденный же простая сущность; то Онъ будетъ противополагаться рожденному и тѣмъ, что неизмѣняемъ, безсмертенъ, не имѣетъ образа, а равно и всякимъ другимъ свойствомъ. Ибо, если въ иномъ противополагается, въ прочемъ же не противополагается; то сложенъ, а не простъ.

Если познавшій, что Богъ нерожденъ, въ точности позналъ, что такое есть Богъ, а всего важнѣе познать Бога въ Его естествѣ,—это есть жизнь вѣчная; то научившій насъ, что Богъ нерожденъ, окажется

выше тѣхъ благъ, какія „уготова Богъ любящимъ Его“. Ибо сихъ благъ невозможно познать, будучи человѣкомъ; ихъ „око не видѣ, ухо не слыша, на сердце человѣку не взыдоша“ (1 Кор. 2, 9); но имя: нерожденный, слышали и грѣшники. Посему Богъ, или Самъ, или чрезъ другихъ научивъ грѣшниковъ важнѣйшему, меньшее и ни мало не способствующее къ вѣчной жизни соблюлъ для праведныхъ. Но не нелѣпо ли это?

Понятіе: нерожденный, не есть ни опредѣленіе, ни свойство Божіе. Ибо сіи послѣднія могутъ быть поставлены и въ обратномъ порядкѣ съ тѣмъ, чему служатъ опредѣленіемъ, и свойствомъ. Человѣкъ есть животное разумное, смертное, способное мыслить и познавать. И если какое животное разумно, смертно, способно мыслить и познавать; то оно—человѣкъ. Свойство же человѣка смѣяться; и если что способно смѣяться, то оно—человѣкъ. Въ разсужденіи же понятія: нерожденный, хотя и согласится кто, что оно сказуется объ одномъ Богѣ; однако же не скажетъ: если что есть Богъ, то вмѣстѣ и нерожденно. Такъ Сынъ, будучи Богомъ, не есть нерожденный. Посему понятіе: нерожденный, не есть ни опредѣленіе, ни свойство: ибо не можетъ быть поставлено въ обратномъ порядкѣ.

О томъ, что Сынъ не тварь.

Если Сынъ—тварь Божія, а всякая тварь работаетъ Творцу; то Христосъ—рабъ, а не сынъ Божій. Поэтому Онъ не принялъ на Себя „зракъ раба“ (Филип. 2, 7), въ дѣйствительности будучи Господомъ; но былъ рабомъ.

Твореніе съ Творцемъ непричастно одной и той же силы; посему у Сына съ Отцемъ ничего нѣтъ общаго, и созданіе твари—Имъ не общее дѣло, если только Сынъ—твореніе, а не рожденіе.

Если Сынъ—рожденіе, но не какъ одно изъ обыкновенныхъ рожденій; всякое же обыкновенное рожденіе есть тварь: то Сынъ—не тварь; потому что Онъ не такое же рожденіе, какъ и послѣднія.

Если Богъ не могъ создать что нибудь низшее единаго Сына; потому что сіе было бы не въ Его природѣ: то и Сынъ создаетъ не разнообразное, но что нибудь одно.

Если низшее создается низшимъ, а высшее высшимъ: то тварь—произведеніе многихъ; потому что не вся равна.

Если Богъ по естеству зиждителенъ, то будетъ зиждителемъ не одного, а многихъ; ибо инаго не созидаетъ или по немощи, или по зависти и ненависти [1].

Если чрезъ Сына созидала сила Отца; то Зиждитель—Отецъ, а не Сынъ, такъ какъ орудіе—не художникъ. Поэтому создать произведенное Сыномъ не ниже того, что прилично для Отца.

---

[1]) То есть: если не созидаетъ инаго кромѣ одного, то или по немощи, или по зависти, и проч.

Если Богъ постыдился Самъ совершить созданіе настоящей твари: то не принимаетъ отъ нея и славословія; ибо что постыдился произвесть, того и произведеніемъ Своимъ признать не захочетъ.

Если творить и раждать—для Бога одно и то же, потому что Онъ простъ; то одно и то же для Него—спасать и губить, животворить и мертвить. А въ такомъ случаѣ одно и то же—спасеніе и погибель, жизнь и смерть.

Если Христосъ есть Божія сила и премудрость (1 Кор. 1, 24); а сила и премудрость несозданны и совѣчны Богу (потому что Богъ никогда не былъ не премудръ и не силенъ): то Христосъ несозданъ и совѣченъ Богу. Если же Христосъ называется силою и премудростію Божіею, поелику есть дѣйствіе; то и мы можемъ называться силою и премудростію Господнею, какъ Онъ—сила и премудрость Божія. Но сіе нелѣпо.

Если Сынъ есть Богъ не вѣчный; то необходимо новопроизведенный; если не истинный, то ложный; если не по естеству, то по присвоенію. Но только нечестивые кланяются богамъ новымъ и ложнымъ, богамъ не по естеству. Ибо сказано: „не будетъ тебѣ богъ новъ" (Псал. 80, 10); и Павелъ говоритъ: „но тогда убо не вѣдуще Бога, служисте не по естеству сущимъ богомъ" (Гал. 4, 8). Или нечестивы поклоняющіеся такому Христу; или Христосъ есть Богъ по естеству и истинный, и они благочестивы.

Если Сынъ есть дѣйствіе, а не рожденіе: то Онъ не есть ни дѣйствовавшій, ни произведеніе дѣйствія, ибо дѣйствіе различно отъ того и другаго; Онъ также и не самостоятеленъ, ибо никакое дѣйствіе не имѣетъ самостоятельности. А если Сынъ—произведеніе дѣйствія; то Онъ третій отъ Отца, а не непосредственный отъ Него; ибо первый—дѣйствовавшій, потомъ дѣйствіе, а потомъ уже произведеніе дѣйствія.

Если Сынъ единороденъ потому, что родился единый отъ единаго; то свойственнѣе было бы назвать Его единотварнымъ, какъ скоро, согласно со мнѣніемъ Евномія, Онъ истинно тварь, рожденіемъ же называется лжеименно.

Если одинъ Сынъ есть созданіе Отца, а все прочее—созданіе Сына: то Сказавшій: „Моя вся Твоя суть", могъ сіе сказать; но, на основаніи Евноміева мнѣнія, не слѣдовало бы Ему присовокуплять: „и Твоя Моя" (Іоан. 17, 10); ибо самъ Сынъ не могъ быть Своимъ. Изъ сего открывается, что говорилъ сіе о Своемъ сходствѣ съ Отцемъ, и о Своей сущности во всемъ безразличной и сходной съ сущностію Отца, а не о тваряхъ.

Если Богъ одинаково творитъ и раждаетъ: то и Христосъ одинаково есть нашъ Творецъ и Отецъ, потому что Онъ Богъ; и намъ нужно сыно-

положеніе чрезъ Духа Святаго, какъ не чрезъ кого нибудь другаго стали мы Его тварями; притомъ же, многія изъ тварей, каковы безсловесныя и бездушныя, по природѣ своей не могутъ принять Духа сыноположенія.

Если мы, будучи тварями, дѣлаемся сынами чрезъ сыноположеніе Духа Святаго; то, если Сынъ есть тварь, пусть скажутъ: чрезъ кого Онъ сыноположенъ Отцу?

Если все, что имѣетъ Отецъ, принадлежитъ и Сыну; а Отецъ ничего не имѣетъ кромѣ сотвореннаго чрезъ Сына, и развѣ еще, какъ они говорятъ, самого Сына: то Сынъ долженъ имѣть Самого Себя; что невозможно.

Если образъ во всемъ подобенъ, и въ этомъ смыслѣ Сынъ есть образъ; а тварь ни въ чемъ не подобна Творцу, напротивъ же того во всемъ неподобна: то Сынъ, будучи образомъ Отца, не можетъ быть Его тварію.

Если безтѣлесное, раждая, необходимо раждаетъ какъ тѣло: то, и видя, будетъ видѣть, какъ тѣло, и слыша, будетъ слышать, какъ тѣло; и всякое дѣйствіе будетъ отправлять, какъ тѣло. А если послѣднее бываетъ иначе; то, очевидно, и раждая, будетъ раждать иначе.

Чего самъ кто не имѣетъ, того и другимъ даровать не можетъ. Поэтому, если Сынъ—тварь и рабъ, то не можетъ другихъ дѣлать свободными.

Что по естеству составляетъ средину между чѣмъ либо; то соприкасается обѣимъ крайностямъ. Посему, если Христосъ есть посредникъ между Богомъ и нами по естеству, а не по домостроительству; то Богъ и тварь соединены естествомъ.

Если Сынъ подобенъ Отцу, но не по сущности; то остается сказать, что Онъ подобенъ или по очертанію, или по дѣйствованію. Но по очертанію не можетъ быть подобнымъ, ибо ничто безтѣлесное не имѣетъ очертанія. Если же по дѣйствованію; то и Онъ не могъ произвести ничего инаго, кромѣ подобнаго тому, что самъ Онъ есть, если только Онъ тварь, а не рожденіе Отца. А въ противномъ случаѣ, если Сынъ—рожденіе и подобенъ по дѣйствованію, то необходимо, подобенъ и по сущности.

Если дѣла Божіи—въ вѣрѣ, а не въ доказательствѣ, по словамъ Давида: „и вся дѣла его въ вѣрѣ“ (Псал. 32, 4); то не гораздо ли болѣе предвѣчное рожденіе Сына отъ Отца—въ вѣрѣ, а не въ доказательствѣ.

Если Богъ сотворилъ Сына изъ не сущихъ,—и Сынъ сотворилъ все изъ небытія: то одна сила, одно дѣйствованіе у тѣхъ, которые могутъ созидать изъ небытія, что хотятъ; а не должно обращать вниманія на различіе созданій; потому что и у твари, которая во многомъ и много различна, не много создателей, но одинъ Создатель—Сынъ, чрезъ Котораго все получило бытіе.

Если Христосъ есть первое Божіе произведеніе изъ не сущихъ, и

аріане, таакъ вѣруя, покланяются Ему, а Іовъ діавола называетъ первымъ произведеніемъ Божіимъ, говоря: „сіесть первое начало созданія Господня“ (Іов. 40, 14): то они, сами того не зная, покланяются діаволу, а не Сыну Божію. Если же скажутъ, что діаволъ названъ первымъ произведеніемъ Сына, то Духъ—не произведеніе Господне, какъ они Его называютъ, или иначе окажется, что Онъ сотворенъ послѣ діавола.

Если вѣра наша въ Сына есть дѣло Божіе; ибо сказано: „се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ Того, Егоже посла Онъ“ (Іоан. 6, 29): то самъ Онъ не можетъ быть дѣломъ Божіимъ; ибо не одно и то же—вѣра въ Него и Онъ Самъ.

На слова: „егда же покоритъ Ему всяческая, тогда и самъ Сынъ покорится“ (1 Кор. 15, 28).

Если Сынъ по Божеству покаряется Отцу, то покорился бы Ему отъ начала, какъ отъ начала былъ Богомъ. Если же въ началѣ не покорился, но покорится впослѣдствіи; то по человѣчеству,—за насъ, а не по Божеству,—за Себя.

На слова: „тѣмже дарова Ему имя, еже паче всякаго имене“ (Филип. 2, 9).

Если Сыну, Который есть Богъ, по вочеловѣченіи, за послушаніе, даровалъ Отецъ имя, „еже паче всякаго имене“, и „всякъ языкъ“ исповѣдалъ Его Господомъ: то до вочеловѣченія не имѣлъ Онъ имени, „еже паче всякаго имене“, и не былъ исповѣдуемъ всѣми, что Онъ Господь. А посему, по вочеловѣченіи, сталъ Онъ больше, нежели какимъ былъ до вочеловѣченія; что нелѣпо. Но сему мѣсту подобно и слѣдующее: „дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли“ (Матѳ. 28, 18). Поэтому изреченія сіи разумѣть должно о человѣчествѣ, а не о Божествѣ.

На слова: „Отецъ мой болій Мене есть“ (Іоан. 14, 28).

Большее называется большимъ, или по величинѣ, или по времени, или по достоинству, или по силѣ, или какъ причина. Но нельзя сказать, что Отецъ больше Сына величиною; потому что безтѣлесенъ. Но не больше и по времени; ибо Сынъ—Создатель временъ. Но не больше и по достоинству; ибо не сталъ тѣмъ, чѣмъ прежде не былъ. Не больше и по силѣ; ибо „вся, яже Отецъ творитъ, и Сынъ такожде творитъ“ (Іоан. 5, 10). Не больше и какъ причина; потому что одинаково больше Его и насъ, если только такая же причина Его, какъ и насъ. Посему, сказанное показываетъ болѣе честь, воздаваемую Сыномъ Отцу, нежели униженіе Сказавшаго.

Притомъ большее не непремѣнно иносущно; ибо говорится, что человѣкъ больше человѣка, конь больше коня. Поэтому, хотя и говорится, что Отецъ больше, но не слѣдуетъ изъ сего, что Онъ иной сущности. Вообще же сравненія употребляются между односущными, а не иносущными. Хотя говорится, что человѣкъ больше безсловеснаго, или безсловесное больше бездушнаго, но не собственно; собственно же, человѣкъ больше человѣка, и безсловесное больше безсловеснаго. Посему Отецъ единосущенъ Сыну, хотя и говорится, что больше Сына.

На слова: часа и дня того „никтоже вѣсть“ (Матѳ. 24, 36).

Если Сынъ—Создатель всяческихъ, но не знаетъ времени суда: то Онъ не знаетъ того, что создалъ; ибо сказалъ, что не знаетъ не суда, но—времени. И ужели же сіе не странно?

На тѣ же слова.

Если Сынъ не имѣетъ вѣдѣнія о всемъ томъ, о чемъ имѣетъ вѣдѣніе Отецъ; то солгалъ Сказавшій: „вся елика имать Отецъ, Моя суть“ (Іоан. 16, 15); и еще: „якоже Отецъ знаетъ Мя, и Азъ знаю Отца“ (Іоан. 10, 15). Если же иное дѣло—знать Отца, и иное—знать принадлежащее Отцу; но знать Отца—больше, нежели знать принадлежащее Отцу (потому что всякій больше принадлежащаго ему): то Сынъ, зная большее (ибо сказано: „никто же знаетъ Отца токмо Сынъ“, Матѳ. 11, 24), не зналъ бы меньшаго,—что не возможно. Итакъ умолчалъ Онъ о времени суда по тому только, что не полезно было людямъ слышать о семъ; ибо всегдашнее ожиданіе дѣлаетъ болѣе ревностными въ благочестіи, а знаніе, что до суда еще долго, сдѣлало бы болѣе нерадивыми въ благочестіи, по надеждѣ, что можно спастись, покаявшись впослѣдствіи. Да и возможно ли, чтобы Вѣдавшій все, что будетъ до онаго часа (ибо все сіе сказалъ), не зналъ этого часа? Иначе напрасно и Апостолъ сказалъ: „въ Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна“ (Кол. 2, 3).

На тѣ же слова.

Если Духъ Святый, испытующій глубины Божія (1 Кор. 2, 10), не можетъ не знать того, что Божіе, а Сынъ не знаетъ сего: то, на основаніи ихъ ученія, Духъ Святый болѣе Сына; хотя они не желаютъ признавать Его и равнымъ Сыну.

На слова: „Отче, аще возможно, да мимоидетъ чаша сія“ (Матѳ. 26, 39).

Если Сынъ истинно говорилъ: „Отче, аще возможно, да мимоидетъ чаша сія“, то не только обнаружилъ Свою боязнь и немощь, но и думалъ, что есть нѣчто невозможное и для Отца. Ибо слова: „аще возможно“, показывали сомнѣвающагося, а не увѣреннаго, что Отецъ можетъ спасти Его. Почему же бы Дарующій жизнь и мертвымъ не могъ тѣмъ паче сохранить жизнь живымъ? Для чего Воскресившій Лазаря и многихъ мертвыхъ не даетъ жизни Самъ Себѣ, но проситъ жизни у Отца, со страхомъ говоря: „Отче, аще возможно, да мимоидетъ чаша сія?“ И если не по Своей волѣ умеръ; то не смирилъ Себя, и не былъ „послушливъ Отцу даже до смерти“ (Филип. 2, 8); то не Самъ Себя предалъ, какъ говоритъ Апостолъ: „давшаго Себе избавленіе по грѣсѣхъ нашихъ“ (Гал. 1, 4. 1 Тим. 2, 6). Если же умеръ по Своей волѣ; то для чего было нужно говорить: „Отче, аще возможно, да мимоидетъ чаша сія?“ Посему слова сіи разумѣть должно не о Немъ, но о тѣхъ, которые имѣли согрѣшить противъ Него, чтобы они не согрѣшили. За нихъ и распятый говорилъ Онъ: „Отче отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ“ (Лук. 23, 34). Поэтому сказаннаго по домостроительству не должно принимать за сказанное просто.

На слова: „и Азъ живу Отца ради“ (Іоан. 6, 57).

Если Сынъ живетъ Отца ради; то живетъ ради другаго, а не ради Себя. Но кто живетъ ради другаго, тотъ не можетъ быть источною жизнію. Ибо Святый по благодати не источно святъ. Посему ложно сказалъ Сынъ: „Азъ есмь живютъ“ (Іоан. 11, 25); и еще: „тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ“ (Іоан. 5, 21). Поэтому, сказанное разумѣть должно о человѣчествѣ, а не о Божествѣ.

На слова: ни Сынъ творитъ что о „Себѣ“ (Іоан. 5, 19).

Если самовластное лучше подвластнаго, а человѣкъ самовластенъ, Сынъ же Божій подвластенъ; то человѣкъ лучше Сына; что нелѣпо. И если подвластный не можетъ творить самовластными, ибо чего самъ не имѣетъ, не можетъ того и другимъ дать по своему изволенію; то Спаситель, сотворившій насъ самовластными, не можетъ быть кому либо подвластнымъ.

На тѣ же слова.

Если Спаситель ничего не могъ творить Самъ Собою, но творилъ по повелѣнію Отца: то Онъ ни благъ, ни худъ; потому не виновенъ ни въ чемъ происшедшемъ. И не явная ли нелѣпость, когда люди свободно творятъ добро и зло, Сыну, будучи Богомъ, ничего не творить свободно?

На слова: „Азъ есмь лоза“ (Іоан. 15, 1).

Говорятъ: „если Спаситель—„лоза", мы же „рождіе", и Отецъ „дѣлатель", а „рождіе" соестественно съ лозою, лоза же не соестественна съ дѣлателемъ: то Сынъ соестественъ съ нами и мы—часть Его. Но Онъ не соестественъ съ Отцемъ, напротивъ того, по всему съ Нимъ инаковъ". Мы скажемъ имъ, что Спаситель назвалъ насъ рожденіемъ не Божества Своего, но плоти Своей, по словамъ Апостола, который сказалъ: мы „тѣло Христово, и уды отъ части" (1 Кор. 12, 27); и еще: „не вѣсте ли, яко тѣлеса ваша удове Христовы суть" (6, 15)? И въ другомъ мѣстѣ: „яковъ перстный, такови и перстніи; и яковъ небесный, тацы же и небесніи: и якоже облекохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небеснаго" (15, 48. 49). Если „мужу глава Христосъ, глава же Христу Богъ" (11; 3), а человѣкъ не единосущенъ Христу Богу (потому что не Богъ), но Христосъ единосущенъ Богу (потому что Богъ); то значитъ, что Христосъ не въ томъ же смыслѣ глава мужу, въ какомъ Богъ глава Христу. Ибо природа твари и Творческое Божество не сходятся въ одномъ и томъ же. Поэтому Богъ глава Христу, какъ Отецъ; а Христосъ—наша глава, какъ Творецъ. Ежели есть на то воля Отца, чтобы мы вѣровали въ Сына Его: „се есть воля Пославшаго Мя, да всякъ видяй Сына и вѣруяй въ Него иматъ животъ вѣчный" (Іоан. 6, 40); то Сынъ—не Сынъ воли: иначе оказывается, что мы вѣруемъ въ Него, или вмѣстѣ съ Нимъ, или прежде Его.

На слова: „никтоже благъ" (Мар. 10, 18).

Если Спаситель не благъ; то, по необходимости, золъ, потому что простъ и не даетъ въ Себѣ мѣста чему либо среднему. Но сообразно ли съ чѣмъ нибудь—Творцу благихъ быть злымъ? И если жизнь есть благо, а слова Сына суть жизнь, какъ Самъ Онъ сказалъ: „глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ, духъ суть и животъ суть" (Іоан. 6, 63); то почему же, услышавъ отъ фарисея: „Учителю благій", говоритъ Онъ: „никтоже благъ, токмо единъ Богъ?"—Онъ сказалъ: „никтоже благъ", когда не только услышалъ: „благій", но: „учителю благій". Поэтому отвѣчалъ по сказанному въ Евангеліи, какъ искушавшему Его, или какъ не знавшему, что Онъ—благій Богъ, а не просто благій учитель.

На слова: „Отче, прослави Мя" (Іоан. 17, 5).

Если Сынъ просилъ у Отца прославленія по Божеству, а не по человѣчеству; то просилъ, чего не имѣлъ, и ложно говорятъ—Евангелистъ: „видѣхомъ славу Его" (Іоан. 1, 14). Апостолъ: „не быша Господа славы распяли" (1 Кор. 2, 8), и Давидъ: „и внидетъ Царь славы" (Псал. 23, 7). Поэтому проситъ не пріумноженія славы, но явленія домостроительства.

На тѣ же слова.

Если Сынъ дѣйствительно просилъ у Отца славы „юже имѣ прежде міръ не бысть“; то просилъ какъ утратившій ее. Ибо не пожелалъ бы получить то, что уже имѣлъ. А если такъ, то утратилъ не только славу, но и Божество; потому что слава съ Божествомъ неразлучны. Слѣдовательно, былъ Онъ простой человѣкъ, какъ думалъ и Фотинъ. Изъ сего оказывается, что сказалъ такимъ образомъ по домостроительству человѣчества, а не по оскудѣнію Божества.

На слова: „перворожденъ всея твари“ (Кол. 1, 15).

Если Сынъ прежде твари, но не рожденіе, а тварь; то былъ бы названъ первозданнымъ, а не перворожденнымъ. Если Онъ—первозданный, потому что называется перворожденнымъ твари; то, какъ названный „перворожденнымъ изъ мертвыхъ“ (Кол. 1, 18. Апок. 1, 5), былъ бы умершимъ прежде всѣхъ мертвецовъ. А если называется „перворожденнымъ изъ мертвыхъ“ по тому, что Онъ виновникъ воскресенія изъ мертвыхъ; то и перворожденнымъ твари названъ по тому, что Онъ виновникъ приведенія твари изъ небытія въ бытіе. Если наименованіе перворожденнымъ твари доказываетъ, что Онъ первый сотворенъ; то Апостолу, сказавъ: „всяческая Тѣмъ и о Немъ создашася“ (Кол. 1, 16), надлежало сказать: и Самъ сотворенъ прежде всего. Но сказавъ: „и Той есть прежде всѣхъ“ (ст. 17), Апостолъ показалъ, что Онъ всегда пребываетъ, а тварь произошла; ибо слово „есть“, то же выражаетъ, что и: „въ началѣ бѣ Слово“.

Говорятъ: „если Сынъ перворожденъ, то не единороденъ; но долженъ быть и другой, въ отношеніи къ которому назывался бы перворожденнымъ“. Однако же, о велемудрый, и единый Рожденный отъ Маріи Дѣвы называется ея первенцемъ: ибо сказано: „дондеже роди Сына своего первенца“ (Мате. 1, 25). Поэтому нѣтъ необходимости называться перворожденнымъ брата. Но можно бы еще сказать, что Онъ названъ перворожденнымъ, какъ сущій прежде всякаго рожденія, а также и въ отношеніи къ рожденнымъ отъ Бога чрезъ сыноположеніе Духа Святаго, какъ говоритъ Павелъ: „ихже предувѣде, тѣхъ и предустави сообразныхъ быти образу Сына Своего, яко быти Ему перворودну во многихъ братіяхъ“ (Римл. 8, 29).

На слова: „Господь созда Мя“ (Притч. 8, 22).

Если во плоти Пришедшій говоритъ: „Азъ есмь путь“, и Онъ сказалъ: „никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною“ (Іоан. 14, 6); то Имъ же Самимъ сказано: „Господь созда Мя начало путей Своихъ“. Но и о

рожденіи употребляются слова: созданіе и тварь, напримѣръ: „создахъ [1]) человѣка Богомъ" (Быт 4, 1); и еще: „сотвори [2]) сыны и дщери" (Быт. 5, 4); и Давидъ говоритъ: „сердце чисто созижди во мнѣ, Боже" (Псал. 50, 12), прося не другое дать сердце, но очистить то именно, какое имѣлъ. Именуется также: „нова тварь" (2 Кор. 5, 17), не потому что происходитъ другая тварь, но потому что просвѣщаемые уготовляются къ лучшимъ дѣламъ. Если Отецъ создалъ Сына на дѣла; то Онъ создалъ Его не ради Его Самого, но ради дѣлъ. Но что бываетъ ради другаго, а не ради себя самого; то или составляетъ часть того, для чего бываетъ, или меньше его. Поэтому Спаситель будетъ или часть твари, или меньше твари. Итакъ необходимо разумѣть сіе мѣсто о человѣчествѣ Его. А иной могъ бы сказать, что и Соломонъ сказалъ сіе о той премудрости, о которой и Апостолъ упомянулъ, говоря: „понеже бо въ премудрости Божіей не разумѣ міръ премудростію Бога" (1 Кор. 1, 21). Сверхъ сего, сказавшій сіе не пророкъ, но приточникъ. А притчи—изображенія чего-то другаго, а не того самого, что въ нихъ говорится. Если это—Богъ Сынъ, Который говоритъ: „Господь созда Мя"; то Ему лучше бы сказать: „Отецъ созда Мя", ибо нигдѣ не называлъ Его своимъ Господомъ, но вездѣ Отцемъ. Посему, къ Богу Сыну надобно относить слово: родилъ (Притч. 8, 25); а слово: „созда", къ Принявшему на Себя зракъ раба. Впрочемъ во всѣхъ сихъ выраженіяхъ разумѣемъ не двоихъ, не Бога особо и человѣка особо (ибо Одинъ былъ), а только по понятію отдѣляемъ естество каждаго. Ибо Петръ не двоихъ разумѣлъ, сказавъ: „Христу убо пострадавшему за ны плотію" (1 Петр. 4, 1).

Говорятъ: „если Сынъ есть рожденіе, а не тварь; то какъ же Писаніе говоритъ: „твердо убо да разумѣетъ весь домъ Израилевъ, яко и Господа Его и Христа Богъ сотворилъ есть" (Дѣян. 2, 36)? Посему и здѣсь надобно отвѣчать, что говорится о Рожденномъ отъ Маріи по плоти, какъ и Ангелъ, благовѣствующій пастырямъ, говоритъ: „яко родися вамъ днесь Спасъ, иже есть Христосъ Господь" (Лук. 2, 11); ибо слова: „днесь", нельзя разумѣть о Томъ, Который прежде вѣковъ. Но яснѣе сіе показываютъ слѣдующія слова: „сего Іисуса, Егоже вы распясте" (Дѣян. 2, 26). Если Сынъ, когда родился, тогда сталъ премудростію, то ложно сказанное: „Христосъ Божія сила и Божія премудрость" (1 Кор. 1, 24); ибо премудрость Его не получила начала, но была всегда. Посему значитъ сіе то же, что и сказанное объ Отцѣ Давидомъ: „буди ми въ Бога защитителя" (Псал. 30, 3); и еще: „и былъ еси мнѣ во спасеніе" (Псал 117, 11). И Павелъ говоритъ: „да будетъ же Богъ истиненъ, всякъ же человѣкъ ложъ" (Рим. 3, 2). Такъ и Господь „бысть намъ премудрость

---

1) Ἐκτίσαμην. У Седмидесяти ἐκτησάμην, въ славян. перевод. „стяжахъ".
2) Ἐπόρησε. У Седмидесяти ἐγέννησε, въ славян. перев. „роди".

отъ Бога, и освященіе, и избавленіе" (1 Кор. 1, 30). Посему если Отецъ, содѣлавшійся защитникомъ и истиннымъ, не тварь; то и Сынъ, содѣлавшійся премудростію и освященіемъ, не тварь. Если истинно, что Отецъ есть единый Богъ, то, очевидно, истинно и то, что Спаситель есть единый Господь Іисусъ Христосъ. Слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, и Спаситель не Богъ, и Отецъ не Господь. И напрасно сказано: „рече Господь Господеви моему" (Псал. 109, 1); ложно и слѣдующее: „сего ради помаза Тя, Боже, Богъ Твой" (Псал. 44, 8); и сіе: „одожди Господь отъ Господа" (Быт. 19, 24); и: „сотвори Богъ по образу Божію" (Быть 1, 27); и: „кто Богъ, развѣ Господа?" и: „кто Богъ, развѣ Бога нашего" (Псал. 17, 31)? И Іоаннъ говоритъ: „Богъ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу" (Іоан. 1, 1); и Ѳома о Сынѣ: „Господь мой и Богъ мой" (Іоан. 20, 28). Посему, сіи различенія разумѣть должно относительно къ тварямъ, и ложно, а не собственно, именуемымъ богамъ, но не объ Отцѣ и Сынѣ.

На слова: „да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога" (Іоан. 17, 3).

Истиннымъ называется въ отличеніе отъ ложныхъ; несравнимымъ же, какъ превосходящій всѣхъ и всемъ. Іеремія, сказавъ о Сынѣ: „Сей Богъ Нашъ, не вмѣнится инъ къ Нему" (Вар. 3, 36), ужели назвалъ Его большимъ и Отца? А что и Сынъ есть истинный Богъ, о семъ говоритъ самъ Іоаннъ въ посланіи: „да познаемъ единаго истиннаго Бога, и да будемъ въ истиннѣмъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ. Сей есть истинный Богъ и животъ вѣчный" (1 Іоан. 5, 20). Посему, какъ на основаніи словъ: „не вмѣнится инъ къ Нему", не должно думать, что Сынъ больше Отца, такъ нельзя разумѣть и того, что одинъ Отецъ—истинный Богъ. Но и то и другое сказано относительно къ именуемымъ богами ложно, а не дѣйствительно. Такъ и во Второзаконіи говоритъ: „Господь единъ вождаше ихъ, и не бѣ съ ними Богъ чуждъ" (Втор. 32, 12). Если Богъ единъ невидимъ и премудръ; изъ сего не слѣдуетъ, что Онъ и во всемъ всѣхъ больше; но надъ всѣми Богъ по необходимости всѣхъ превосходитъ. Ужели же Апостолъ, сказавъ, что Спаситель надъ всѣми Богъ (Рим. 9, 5), наименовалъ Его и Большимъ Отца? Но это нелѣпо. Поэтому подобнымъ сему образомъ разумѣть должно и настоящее мѣсто. Великій Богъ не можетъ быть меньше другаго Бога. Посему ужели Апостолъ, сказавъ о Сынѣ: ждемъ „блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа" (Тит. 2, 13), почиталъ Его большимъ Отца? Ибо ожидаемъ явленія и пришествія Сына, а не Отца. Посему говорится это безъ различія Отца и Сына, и не въ строгой точности. Быть въ-равнѣ съ Богомъ (ἴσα θεῷ εἶναι) не иное что значитъ, какъ быть равнымъ Богу (εἶναι ἴσον θεῷ). Поэтому какъ же Сынъ, не почитавшій

хищеніемъ быть въ-равнѣ съ Богомъ (Фил. 2, 6), не подобенъ и не равенъ Богу? Но Іудеи благочестивѣе Евномія. Ибо, когда Спаситель назвалъ только Себя Сыномъ Божіимъ; поелику Сыну, если онъ дѣйствительно Сынъ, должно быть равнымъ Отцу: они хотѣли, какъ сказано, побить Его камнями, „яко не токмо разоряше субботу, но и Отца Своего глаголаше Бога, равенся творя Богу" (Іоан. 5, 18). Итакъ Сынъ равенъ Отцу и по свидѣтельству Апостола, и по слову самого Спасителя, хотя и не хочетъ того Евномій.

На слова: „нѣсть Мое дати, но имже уготовася" (Матѳ. 20, 23).

Если Сынъ не Господь суда, чтобы однихъ облагодѣтельствовать, а другихъ наказать; то какъ же Онъ говоритъ „Отецъ не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови" (Іоан. 5, 22)? И въ другомъ мѣстѣ: „власть имать Сынъ человѣческій отпущати на земли грѣхи" (Марк. 2, 10)? И еще: „дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли" (Матѳ. 28, 18)? А Петру сказалъ: „дамъ ти ключи царства небеснаго" (Матѳ. 16, 19); и ученикамъ: „аминь глаголю вамъ, вы шедшіи по Мнѣ, въ пакибытіе, сядете на двоюнадесяти престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома" (Матѳ. 19, 28). Поэтому вопросъ рѣшается на основаніи самого Писанія, потому что и Спаситель сказалъ: „и тогда воздастъ комуждо по дѣяніемъ его" (Матѳ. 16, 27), и въ другомъ мѣстѣ: „изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда" (Іоан. 5, 29); а также и Апостолъ: „всѣмъ бо намъ явитися подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметъ кійждо, съ тѣломъ яже содѣла, или блага или зла" (2 Кор. 5, 10). Посему отъ пріемлющихъ зависитъ содѣлать себя достойными сѣденія одесную, или ошуюю Господа, а не отъ Того, Кто можетъ дать сіе; хотя бы и не справедливо было прошеніе.

На слова: „кто Богъ, развѣ Господа? или кто Богъ, развѣ Бога нашего" (Псал. 17, 32).

Что сіе и подобное сему сказано въ Писаніи не въ отношеніи къ Сыну, а въ отношеніи къ такъ называемымъ, но не подлиннымъ, богамъ, сіе достаточно доказано тѣми мѣстами, изъ которыхъ заимствовали мы доказательства, что Сынъ и въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтѣ многократно называется и Богомъ и Господомъ. Но въ большую ясность приводитъ сіе Давидъ; сказавъ: „кто подобенъ Тебѣ", онъ присовокупилъ: „въ бозѣхъ, Господи" (Псал. 85, 8)? И Моисей говоритъ: „Господь единъ вождаше ихъ, и небѣ съ ними богъ чуждь" (Втор. 32, 12), хотя Спаситель и былъ съ ними, какъ говоритъ Апостолъ: „піяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камене: камень же бѣ Христосъ" (1 Кор. 10, 4). А Іеремія говоритъ: „бози, иже небеси и земли не сотвориша, да погибнутъ подъ

неоесемъ" (Iер. 10, 11). Ибо Сынъ не въ числѣ ихъ; Онъ Самъ создатель всего. Посему относительно къ идоламъ и чтилищамъ языческимъ, а не къ Сыну разумѣть должно сказанное выше и слѣдующее: „Азъ Богъ первый, и Азъ по сихъ, и кромѣ Мене нѣсть Бога" (Исаiи 44, 6); и: „прежде Мене не бысть богъ инъ, и по Мнѣ не будетъ" (Иса. 43, 10); и: „слыши, Израилю, Господь Богъ твой, Господь единъ есть" (Второз. 6, 4); и всѣ подобныя мѣста.

Книга 5. О Духѣ Святомъ.

Поелику общiя свойства твари не могутъ быть приписаны Духу Святому, и свойственное Духу не можетъ быть приписано твари; то изъ сего выводится заключенiе, что Духъ не тварь. Поелику, что есть общаго у Отца и Сына, то и у Духа съ Ними есть общее, и поелику тѣ же отличительныя свойства, какiя въ Писанiи присвоены Богу Отцу и Сыну, присвояются и Духу Святому; то изъ сего выводится заключенiе, что Духъ съ Отцемъ единое Божество. Поелику, что принадлежитъ единому Отцу, какъ Богу, и не какъ Отцу, и что принадлежитъ Сыну, какъ Богу, и не какъ Сыну, то принадлежитъ единому Духу, а не вмѣстѣ и твари, такъ что имена и дѣйствiя, не сообщимыя твари, общи единой Троицѣ; то изъ сего выводится заключенiе, что Троица единосущна.

О томъ, что Духъ Святый не тварь.

Все, что сотворено, допускаетъ въ себѣ переворотъ и перемѣну, по слову пророка, который говоритъ Богу: „творяй вся и протворяяй я" (Амос. 5, 8). Но Духъ не допускаетъ въ Себѣ ни переворота, ни претворенiя. Посему Духъ не тварь.

Поелику тварь дѣлится на два рода—на тѣла и существа безтѣлесныя; то такъ-же дѣлятся и перевороты, бывающiе съ тварiю. И тѣла допускаютъ переворотъ въ сущности; такъ, сей „тлѣнный" мiръ, по Писанiю, измѣнится „въ нетлѣнiе"; и „смертныя" тѣла наши „обезсмертятся" (1 Кор. 15, 53), или, еще не истлѣвшiя, истлѣютъ. А существа безтѣлесныя и разумныя допускаютъ переворотъ или въ дѣйствованiи, или въ волѣ, по сказанному: „аггеловъ согрѣшившихъ не пощадѣ" (2 Петр. 2, 4). Посему, если сотворенное допускаетъ въ себѣ переворотъ, иное въ сущности, а иное въ волѣ; Духъ же Святый не допускаетъ въ Себѣ переворота или измѣненiя ни по сущности, ни по дѣйствованiю: то слѣдуетъ, что Духъ не тварь.

Всякая освящаемая тварь свята. Но Духъ Святый есть не что либо освящаемое, но освящающее. Посему Онъ не тварь.

Ничто сотворенное не свято въ своей сущности. Ибо въ сущности

святое не имѣетъ нужды во внѣшней святынѣ. Поэтому, все сотворенное имѣетъ нужду во внѣшней святынѣ, когда дѣлается достойнымъ привлечь къ себѣ святыню. Но Духъ не имѣетъ нужды въ святынѣ; потому что святъ въ сущности. Посему Онъ не тварь.

Всякая тварь служебна Создателю, по слову пророка, который такъ говоритъ Богу: „всяческая работна Тебѣ“ (Псал. 118, 91). А служебное не можетъ дать другому свободы и сыноположенія, которыхъ само не имѣетъ въ своей сущности. Но Духъ даетъ свободу и сыноположеніе; ибо „Духъ вопіетъ въ сердцахъ“ нашихъ: „Авва, Отче! Тѣмже уже нѣси рабъ, но сынъ“ (Гал. 4, 6). Посему Онъ не тварь.

Ни одна тварь не сообщима такъ разумной душѣ, чтобы могла вселиться въ нее существенно. Духъ Святый вселяется въ нее, по слову сказаннаго: мы „храмъ Божій, и Духъ Божій живетъ въ насъ“ (1 Кор. 3, 16). Посему Духъ не тварь.

Всякая разумная тварь можетъ принять въ себя и добродѣтель и порокъ. Но духъ ничего въ себя не пріемлетъ. Посему Онъ не тварь.

И сколь многимъ доказывается одно и то же дѣйствованіе святыня и блаженныя Троицы!

О томъ, что Духъ есть Создатель.

„Небеса повѣдають славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь“ (Псал. 18, 1). И въ другомъ мѣстѣ: „и дѣла руку Твоею суть небеса“ (Псал. 101, 26). А какія у безтѣлеснаго Бога могутъ быть безтѣлесныя руки, создавшія твердь и небеса, толкуетъ самъ пророкъ, говоря: „Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ“ (Псал. 32, 6). Но какъ у Бога Слово не устами произносимое, но живое, самостоятельное, вседѣйственное; такъ у Бога и Духъ не разливающееся дыханіе, не расѣявающійся воздухъ, но сила освящающая, самосущная, самобытная, самостоятельная. „Руцѣ Твои сотвористѣ мя и создастѣ мя“ (Іов. 10, 8). И сіе изреченіе имѣетъ одинъ смыслъ съ предъидущимъ мѣстомъ. Ибо Іовъ говоритъ: „Духъ Божій сотворивый мя“ (Іов. 33, 4). И въ объясненіе о другой рукѣ говоритъ Соломонъ: „Боже отцевъ, и Господи милости Твоея, сотворивый вся словомъ Твоимъ, и премудростію Твоею устроивый человѣка“ (Прем. Сол. 6. 1. 2). Христосъ же есть „Божія сила и Божія премудрость“ (1 Кор. 1, 24); это, на иносказательномъ языкѣ, есть Зиждительная рука.

Но Писаніе дѣйствованію Духа приписываетъ устроеніе цѣлаго естества нашего, и называетъ Духа обновителемъ созданія въ нетлѣніе. „Отъимеши духъ ихъ, и исчезнутъ, и въ персть свою возвратятся. Послеши Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли“ (Псал. 103, 29. 30). Конечно же, Богъ не посылаетъ самъ Себя; но посланіемъ называетъ

нисхожденіе къ дѣлу Своему, а не переходъ съ мѣста на мѣсто. „Яко Духъ Господень исполни вселенную, и содержай вся разумъ имать гласа“ (Прем. Сол. 1, 7).

И Ангелъ говоритъ Маріи: „Духъ Святый найдетъ на тя; тѣмже и раждаемое“ отъ Духа „свято“ (Лук. 1, 25. Матѳ. 2, 20). Что отъ другаго, то отъ него или чрезъ созиданіе, напримѣръ: „единъ Богъ Отецъ, изъ Негоже вся“ (1 Кор. 8, 6), или чрезъ рожденіе, по сказанному: „Азъ отъ Отца изъидохъ“ (Іоан. 16, 27. 28); и еще: „изъ чрева прежде денницы родихъ Тя“ (Псал. 109, 3). Сіе не значитъ, что Богъ имѣетъ чрево; но поелику истинныя, а не ложныя порожденія, обыкновенно, раждаются изъ чрева родителей, то Богъ наименовалъ Себя въ рожденіи имѣющимъ чрево, къ посрамленію нечестивыхъ, чтобы они, хотя помысливъ о собственной своей природѣ, познали, что Сынъ есть истинный плодъ Отца, какъ исходящій изъ Его чрева. Итакъ, что отъ другаго, то отъ него или чрезъ созиданіе, или чрезъ рожденіе, или по естеству, какъ отъ насъ дѣйствованіе наше, или отъ солнца солнечное сіяніе. Поэтому, если премірное тѣло Христово отъ Духа Святаго, но рожденіемъ Его быть не можетъ, потому что „рожденное отъ плоти плоть есть, и рожденное отъ Духа духъ есть“ (Іоан. 3, 6); и если оно опять отъ Духа не какъ дѣйствованіе Его, потому что въ простомъ и безтѣлесномъ естествѣ дѣйствованіе, въ отношеніи къ сущности, подлежитъ тому же закону: то остается заключить, что тѣло Христово отъ Духа, какъ тварь Его.

Но и тотъ перстъ Божій (Исх. 8, 19), который въ Египтѣ претворялъ перстъ въ животныхъ, указывая симъ на первоначальное произведеніе животныхъ, былъ Утѣшитель, Духъ истины. Ибо, по свидѣтельству трехъ Евангелистовъ, Господь сказалъ Іудеямъ: „аще ли же Азъ о Дусѣ Божіи изгоню бѣсы, убо постиже на васъ царствіе Божіе“ (Матѳ. 12, 28), а Лука говоритъ, что Онъ сказалъ: „аще ли же о perстѣ Божіи изгоню бѣсы, убо постиже на васъ царствіе Божіе“ (Лук. 11, 20). Посему какъ знаменія бывшія въ Египтѣ чрезъ Моисея, и произведенныя перстомъ Божіимъ, такъ дивныя знаменія самого Бога совершены дѣйствіемъ Духа. Но какъ въ чудесахъ Моисеевыхъ, такъ и въ чудесахъ Господнихъ, Духъ называется перстомъ Божіимъ, не потому, что Онъ такая же малая сила у Бога, какъ у тѣла перстъ. Но поелику одно изъ дарованій, раздавемыхъ Духомъ, есть дарованіе чудесъ и исцѣленій; то одно дарованіе, а не всѣ дарованія Духа, называетъ Писаніе перстомъ. „Овому бо Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума о томъ же Дусѣ, иному же дарованія исцѣленій о томъ же Дусѣ, иному же пророчество, другому же разсужденія духовомъ, иному же роди языковъ, другому же сказанія языковъ. Вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хощетъ“ (1 Кор. 12, 8—11).

Иной сказалъ бы, что всѣ сіи и другія, какія только есть, дарованія Духа составляютъ какъ бы тѣло Его, одно же которое нибудь изъ дарованій есть перстъ.

Но не пренебреги воспользоваться въ изреченіи и слѣдующимъ. Тотъ же Апостолъ, сказавшій: „вся же сія дѣйствуетъ Духъ, якоже хощетъ“, и о Богѣ сказалъ: „и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ“ (1 Кор. 12, 6). Но если „вся дѣйствуетъ“ Богъ, „якоже хощетъ“, также „вся сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хощетъ“; то какъ возможна инаковость сущности, гдѣ познается тождество дѣйствованія? Ибо при различныхъ сущностяхъ, по словамъ самого нечестивѣйшаго Евномія, должны быть различны и дѣйствованія. Свидѣтельствуя о томъ же полномочіи и власти, Спаситель сказалъ: „Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ“ (Іоан. 3, 8).

Объ отпущеніи грѣховъ.

Богу свойственно отпущать грѣхи, какъ самъ Онъ говоритъ о семъ: „Азъ есмь заглаждаяй грѣхи твоя“ (Иса. 43, 25); и еще: „аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю“ (Иса. 1, 18). А когда Богъ, Божій Отрокъ, Іисусъ отпустилъ грѣхи разслабленному, сказавъ: „чадо отпущаются тебѣ грѣси твои“; тогда Іудеямъ, которые не признавали Его Богомъ, показалось, что Онъ говоритъ хулу, и они сказали: „Сей хулитъ“ (Матѳ. 9, 3); никому не возможно отпущать грѣховъ, кромѣ единаго Бога (Марк. 2, 5. 7). Господь же дунувъ на святыхъ Апостоловъ, сказалъ: „пріимите Духъ святъ. Имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ“ (Іоан. 20, 22. 23). Посему, если никто не можетъ отпущать грѣховъ, такъ какъ сіе никому не принадлежитъ, кромѣ единаго Бога, а Духъ Святый отпущаетъ грѣхи чрезъ Апостоловъ; то Духъ Святый есть Богъ, и имѣетъ одно и то же дѣйствованіе съ Отцемъ и Сыномъ.

„Научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ (Матѳ. 28, 19), то есть, язычниковъ увѣровавшихъ и наученныхъ повелѣваетъ крестить во имя Троицы. А Петръ Іудеямъ, которые согласились на смерть Христову и раскаявались въ этомъ, сказалъ: каждый изъ васъ, братія, да покается въ грѣхѣ своемъ и въ пути лукавомъ, и „крестится во имя“ Господа „Іисуса“, и спасется (Дѣян. 2, 38): потому что Сынъ можетъ „банею пакибытія“ (Тит. 3, 5), произвести то же, что производятъ Отецъ и Духъ. Господь же повелѣлъ Апостоламъ „ждати обѣтованія Отча, еже слышасте: яко Іоаннъ убо крестилъ есть въ покаяніе, вы же имате креститися Духомъ Святымъ“ (Дѣян. 1, 4. 5). Посему, если Духъ Святый можетъ производить въ Апостолахъ то же, что имя Отца и Сына производитъ въ увѣровавшихъ изъ язычниковъ,

и имя Господа Іисуса—въ раскаявшихся Іудеяхъ (ибо никто не скажетъ, чтобы Апостолы менѣе увѣровавшихъ изъ язычниковъ пріяли благодати крещенія, потому что они пріяли благодать въ Духѣ Святомъ); то почему же Духъ, имѣя то же дѣйствованіе съ Отцемъ и Сыномъ, не имѣетъ съ Ними той же сущности?

О томъ, что одна и та же власть Отца и Сына и Святаго Духа.

„Иди въ Дамаскъ, и тамо речется ти“ (Дѣян. 22, 10), „яко сосудъ избранъ Ми еси“ (Дѣян. 9, 15), сказалъ съ небеси Господь Павлу, когда поставлялъ его проповѣдникомъ Евангелія вселенной. Ананія же, входящему въ Дамаскъ Павлу, сказалъ: „Савле, брате, прозри, Богъ Отецъ предъизбра тя“; и чтобы не почли сего сказаннымъ о Христѣ, присовокупилъ: сотворить „хотѣніе Его“, и познать Праведника Его—Іисуса (Дѣян. 22, 14). Да и самъ Павелъ, предавая писанію о своемъ званіи и предъизбраніи, сказалъ: „Павелъ, рабъ Іисусъ Христовъ, званъ Апостолъ“; а потомъ наименовалъ и другое нѣчто, кромѣ званія: „избранъ (греч.: Ἀφωρισμένος — отдѣленный) въ благовѣстіе Божіе“ (Рим. 1, 19). А что отдѣлилъ его Духъ, узнаемъ сіе изъ книги Дѣяній Апостольскихъ; ибо сказано: „постящимся“ и молящимся Апостоламъ, „рече Духъ Святый: отдѣлите Ми Павла и Варнаву на дѣло, на неже призвахъ ихъ“ (Дѣян. 13, 2). Если же кого Богъ отцевъ предъизбралъ, и Сынъ призвалъ, того избираетъ Господь, и того же отдѣляетъ Духъ по полномочію Своего естества; то почему же есть инаковость сущности въ Троицѣ, въ Которой обрѣтается тождество дѣйствованія?

„Моя словеса рекошася отъ Бога“ (Притч. 31, 1), говоритъ Соломонъ. А Павелъ производитъ свои отъ Христа; ибо сказалъ: „понеже искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа“ (2 Кор. 13, 3). Но тѣмъ не менѣе, и Духъ глаголетъ въ Апостолахъ: ибо сказано, что Апостолы глаголали, „якоже Духъ даяше имъ провѣщавати“ (Дѣян. 2, 4). И еще Спаситель сказалъ имъ: „не вы глаголющіи, но Духъ Отца глаголяй въ васъ“ (Матѳ. 10, 20). Но и въ пророкахъ глаголетъ Духъ, ибо Моисей сказалъ: „кто дастъ всѣмъ“ людямъ симъ „пророчествовать, егда дастъ Господь Духа Своего на нихъ“ (Числ. 11, 29)? Да и новый Новаго Завѣта пророкъ, Агавъ, взывалъ, говоря: „тако глаголетъ Духъ Святый“ (Дѣян. 21, 11), тогда какъ пророки Ветхаго Завѣта, обыкновенно, возніяли: „тако глаголетъ Господь Богъ“. И Павелъ, совокупляя воедино сіе изреченное отъ Отца и Сына и Святаго Духа, сказалъ: „всяко писаніе богодухновенно“ (2 Тим. 3, 16). А если въ апостолахъ и пророкахъ глаголетъ Духъ „всяко же писаніе богодухновенно“: то спросите нечестивыхъ: почему же Духъ Святый не Богъ, когда писаніе Его богодухновенно?

О томъ, что ни видѣніе, ни пророчество не бываетъ отъ Отца, или Сына, или Святаго Духа отдѣльно.

Пророкъ Исаія сказалъ: „видѣхъ Господа Саваоѳа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и Серафими стояху окрестъ Его, шесть крилъ единому“ (Пс. 6, 1). И вскорѣ послѣ сего говоритъ: „и рече“ Господь ко мнѣ: „иди, и рцы людемъ симъ: слухомъ услышите, и не уразумѣете, и видяще узрите, и не увидите: одебелѣ бо сердце людей сихъ“ и т. д. (9, 10). Сколько можно заключать по самому порядку и по связи пророческаго писанія, видѣнный пророкомъ и вѣщавшій ему есть Сый надъ всѣми Отецъ. Но сынъ громовъ, который провѣщалъ дивное и изрекалъ страшнѣе грома, которому свойственно говорить: не не бѣ, но „бѣ Слово“ (Іоан. 1, 1),—онъ сказалъ, что видѣнный пророкомъ и вѣщавшій ему былъ Сынъ. Ибо въ собственномъ своемъ писаніи говоритъ: „сего ради не можаху“ Іудеи „вѣровати“ въ Іисуса, „яко рече Исаія“ о нихъ: „ослѣплены очи ихъ, и окаменѣно сердце ихъ: да не видятъ очима, ни разумѣютъ сердцемъ, и обратятся, и исцѣлю ихъ. Сія рече Исаія, егда видѣ славу Его“ (Іоан. 12, 39—41). А Павелъ протолковалъ, что это видѣніе и пророчество Духа, говоря: „добрѣ рече Духъ Святый Исаіемъ пророкомъ ко отцемъ нашимъ: слухомъ услышите, и не имате разумѣти: и, видяще узрите, и не имате видѣти. Одебелѣ бо сердце людей сихъ“ (Дѣян. 28, 25). Пророкъ вводитъ лице Отца, въ котораго вѣровали Іудеи, Евангелистъ—лице Сына, Павелъ лице Духа, всѣ же согласно именуютъ Видѣннаго единымъ Господомъ Саваоѳомъ. Дѣлится у нихъ слово объ Ѵпостаси, но нераздѣльнымъ пребываетъ въ нихъ мудрствованіе объ единомъ Богѣ.

О томъ, что сотвореные по образу Божію бываютъ причастниками Создателя, и именно чрезъ Духа.

А если бы выразумѣли это, и хорошо вняли сему тѣ, которые на зло себѣ умудряются сами противъ себя; то не стали бы они отчуждать Духа отъ Божества, чтобы не отлучить самихъ себя отъ Божества, не поставить міра вдали отъ Бога, и Бога не отдалить отъ собственной Его твари. Ибо все сотворенное Богомъ и по своей тварной природѣ далеко отстоящее отъ славы Создателя находилось бы въ жалкомъ состояніи, если бы не было причастно Божества. Но не достойно Бога такое понятіе о Богѣ, будто бы Онъ попускаетъ твари быть обнаженною и какъ бы лишенною Его Самого. Напротивъ того, и тварь не такъ жалка, и Богъ не такъ безсиленъ, чтобы не сообщилъ тварямъ святаго пріобщенія. Посему-то въ началѣ восхотѣлъ сотворить человѣка по образу Своему. Конечно же, созидаемый образъ, будучи перенесенъ отъ первообраза, получилъ въ веществѣ подобіе, и удержалъ отличительный признакъ, напечатлѣнный

мыслію и рукою Художника. Такъ живописецъ, такъ каменотесецъ, такъ созидающій золотое или мѣдное изваяніе беретъ вещество, смотритъ на первообразъ, снимаетъ очертаніе видимаго, и отпечатлѣваетъ его въ веществѣ. А если людямъ не возможно приводить вещества въ подобіе образовъ, пока вещества сіи не пріимутъ въ себя ихъ умопредставленій; то какъ же можетъ тварь дойдти до уподобленія Богу, не пріемля въ себя Божія образа (χαρακτῆρος)? Божій же образъ не таковъ, какъ человѣческій; но онъ живъ, и, будучи истымъ образомъ, образотворенъ, такъ что все причастное Его дѣлается Божіимъ образомъ. Образъ Божій—Христосъ, „Иже есть", какъ сказано, „Образъ Бога невидимаго" (Кол. 1, 15); образъ же Сына—Духъ, и причастники Духа дѣлаются сынами сообразными, по написанному: „ихже предувѣдѣ, и предустави сообразныхъ быти образу Сына Своего, яко быти Ему перворoдну во многихъ братіяхъ" (Римл. 8, 29).

О томъ, что Духъ Святый не есть ни Божіе стяжаніе, ни тварь.

Посему, какъ Духъ будетъ, по слову Апостола, „спослушествовать духови" твоему, что „ты сынъ Божій" (Римл. 8, 16), если Самъ Онъ чуждъ славы Сына? какъ возопіетъ въ тебѣ: „Авва, Отче" (Гал. 4, 6), если Онъ не отъ Сына дѣйствительно сообщается? Онъ—не стяжаніе Сына, преподаваемое Сыномъ, подобно дыханію человѣческому или дуновенію вѣтра, какъ обыкновенно говорятъ отлучающіе Духа отъ Божества, но вѣчный Духъ Бога и Сына, въ Божіей славѣ пребывающій и познаваемый. Ибо твое дыханіе—не Христосъ, и дуновеніе вѣтра—не Господь. И не духъ нечистый (ибо и сіе осмѣливались выговорить иные), но Духъ Святый именуется Христомъ и Господомъ; потому что, какъ недавно упоминали мы, говоритъ Апостолъ „аще же кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Еговъ; аще же Христосъ въ васъ обитаетъ" (Римл. 8, 9. 10),—давая симъ разумѣть, что обитаніе Духа есть обитаніе Христа; и еще говоритъ: „Господь же Духъ есть: а идѣже Духъ Господень, ту свобода" (2 Кор. 3, 17). Почему Духъ Господень есть Господь. И поэтому Онъ не стяжаніе и не тварь, но образъ Господа, какъ сказано выше.

О томъ, что Духъ есть истинный и естественный образъ Бога и Господа.

Духъ—истинный образъ, а не по образу Божію какъ мы. Посему творящій по образу самъ не творится, и помазаніе не помазуется. А Духъ есть помазаніе въ насъ, какъ говоритъ Іоаннъ (1 Іоан. 2, 20). И что сказалъ я: въ насъ? даже и въ самомъ Господѣ по плоти. Сказано: „Іисуса, Иже отъ Назарета, яко помаза Его Духомъ Святымъ и силою" (Дѣян. 10, 38). Поэтому Онъ—Христосъ ради Духа, и ради помазанія

въ Духѣ. Конечно же не черезъ того, кто чуждъ Божества, и помазаніе Господа, и имя Христосъ, и именуемые по Христѣ христіане. Ибо справедливо сталъ бы иной оплакивать сіе, если самое имя нашего спасенія ведетъ начало отъ твари и отъ твари производится, и если чрезъ раба имѣемъ сыноположеніе. Тварь не освящаетъ твари, но все освящается Единымъ Святымъ, Который говоритъ о Себѣ: „Азъ свящу Себе“ (Іоан. 17, 19). Освящаетъ же Онъ чрезъ Духа, какъ показано выше. Посему Духъ—не тварь, но образъ Святости Божіей и источникъ святыни для всѣхъ. Мы призваны „во святыни Духа“, какъ учитъ Апостолъ (2 Сол. 2, 13). Онъ насъ обновляетъ, и снова творитъ образами Божіими; банею пакибытія и обновленія Духа Святаго усыновляемся мы Богу. Тварь причащающагося Духа опять нова, тогда какъ лишенная Духа—она обветшала. Опять сталъ образомъ Божіимъ человѣкъ, который утратилъ въ себѣ божественное подобіе, „приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ“ (Псал. 48, 13), уподобися безсловеснымъ до смерти; ибо сказано: „якоже смерть того, тако и смерть сего“ (Еккл. 3, 19). Но нынѣ, какъ сказано, „Воздвигій Христа отъ мертвыхъ оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша, живущимъ Духомъ Его въ васъ“ (Римл. 8, 11).

О томъ, что Духъ—Божіе естество, окончательно совершающее Божіи дѣла.

Кто же отъ Создателя Бога и Сына будетъ отлучать Того, кто обновляетъ тварь, претворяетъ тлѣніе въ нетлѣніе, содѣлываетъ насъ новою тварью, пребывающею вѣчно? Какъ тотъ, кто самъ внѣ Божества, спасаетъ Божію тварь, содѣлывая ее новою и нетлѣнною? Въ комъ другомъ имѣлъ нужду Богъ, чтобы возстановить тварь Свою, пришедшую въ разстройство? Да умолкнетъ нечестивое ученіе, которое обветшавшую и растлѣнную тварь называетъ дѣломъ Божіимъ, а тварь уже не ветшающую и нерастлѣваемую приписываетъ обновленію посредствомъ твари! Да не прославляется тварь паче Творца. Но она прославляется паче Творца, если чрезъ тварь дѣлаются безсмертными и нетлѣнными разрушенныя уже смертію и тлѣніемъ твари, какія Богъ произвелъ чрезъ Сына. Но Божескій Духъ всегда и окончательно совершаетъ все происходящее отъ Бога чрезъ Сына, какъ въ новой твари, о которой говорится, „аще кто во Христѣ, нова тварь“ (2 Кор. 5, 17), такъ и въ той, которая древле была въ началѣ; почему сказано: „Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ“ (Псал. 32, 6). Живо Слово, Которымъ сотворены небеса; Оно—тотъ самый Богъ-Слово, о Которомъ взываетъ Іоаннъ: „вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть“ (Іоан. 1, 3). Что Духъ есть жизнь, показываетъ, по написанному (Іоан. 6, 63), животворящая сила Духа; жизнь есть Духъ, Совершитель

небесныхъ Силъ, Тотъ самый, Который спрославляется со Отцемъ и Сыномъ. Ибо не произнесеніемъ реченій созидаетъ Богъ, хотя словеса Божіи человѣкообразно именуются реченіями произносимыми; и не изліяніемъ выдыхаемаго воздуха украшаются небеса. Ибо Духъ, совокупно съ живымъ Словомъ дѣйствующій въ созданіи, есть живая сила и естество божественное, неизреченное, изъ неизреченныхъ устъ явившееся, неизреченное, чрезъ дуновеніе сообщенное человѣку, и въ тѣлесномъ образѣ, какому научилъ Господь, опять Имъ чрезъ дуновеніе возстановленное (Іоан. 20, 22). Ибо надлежало согласоваться между собою первоначальному обновленію и нынѣшнему возобновленію и содѣйствію. Посему запечатлѣлъ, дунувъ, какъ не Иный съ Вдунувшимъ жизнь въ началѣ (Быт. 2, 7), но Тотъ же самый, чрезъ Котораго Богъ даетъ дуновеніе, тогда вмѣстѣ съ душею, а теперь въ душу. Такъ созидаетъ Богъ не движеніемъ тѣлесныхъ рукъ, но дѣйствіемъ живаго Слова и сообщеніемъ животворящаго Духа. А если и въ началѣ все сотворено Духомъ, и опять обновляется Духомъ: то ясно открывается одно и то же дѣйствованіе Бога чрезъ Сына Духомъ, и Троица не допускаетъ въ Себѣ отлученія, но, по истинному ученію Павла, „раздѣленія дарованій суть, а тойжде Духъ: и раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь: и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ“ (1 Кор. 12, 4—6). И перечисливъ всѣ божественныя дѣйствія, Апостолъ говоритъ: „вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хощетъ“ (—11).

Поелику Духъ спрославляется съ Богомъ, то симъ доказывается, что Онъ не произведеніе, но—Божія естества.

Конечно, тварь не имѣетъ власти надъ созданіями Божіими и вліянія на нихъ; напротивъ того иной образъ дѣйствій Спасителя, и иной—созданій. „Ангели видятъ лице Отца небеснаго“, какъ говоритъ Спаситель (Мато. 18, 10), и въ этомъ—великая ихъ слава и блаженство. Но они—произведенія Божіи, по сказанному: „творяй Ангелы Своя духи, и слуги Своя огнь палящъ“ (Евр. 1, 7). Богъ творитъ ихъ самихъ, а не чрезъ нихъ, но освящаетъ ихъ и дѣйствуетъ въ нихъ, какъ и въ святыхъ человѣкахъ; а они, какъ и люди, возвѣщаютъ дѣла Божіи. Посему-то Ангеловъ, какъ и человѣковъ, не прославляемъ наравнѣ съ Богомъ; ибо благодѣянія, чрезъ нихъ оказываемыя, приписываемъ не имъ собственно, но Богу, дѣйствующему въ нихъ. Духъ же прославляется съ Отцемъ и Сыномъ, потому чрезъ Него восполняется Божіе дѣйствованіе. „Благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и общеніе Святаго Духа со всѣми вами“, говоритъ Павелъ (2 Кор. 13, 13). И главное въ нашемъ спасеніи, и совершенное преданіе о Божествѣ, къ

освященію крещаемыхъ—крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Поелику же святая Троица прославляется за одни и тѣ же Божескія дѣла, то доказательствомъ единаго Божества служитъ, что ни Отецъ не творитъ безъ Сына, ни Сынъ безъ Духа.

О томъ, что какое отношеніе имѣетъ Сынъ къ Отцу, такое же имѣетъ Духъ къ Сыну.

Посему-то Сынъ есть Слово Бога, а Духъ—глаголъ Сына. Ибо сказано: „нося всяческая глаголомъ силы Своея" (Евр. 1, 3). И поелику Духъ—глаголъ Сына, то посему и глаголъ Божій. Сказано: „мечъ Духа[1]) иже есть глаголъ Божій" (Еф. 6, 7). Слово же Божіе есть живой и дѣйственный глаголъ. Но ты не унижайся до человѣческихъ уподобленій, а вездѣ имѣй высшее понятіе о Богѣ, представляемое тебѣ въ образецъ слова, принимая только за доказательство единаго дѣйствованія; потому что и твой умъ трудится надъ всѣмъ при помощи слова.

Почему и Духъ не Сынъ Сыну?

Не по тому, что Онъ отъ Бога не чрезъ Сына; но чтобы Троицу не почли безконечнымъ множествомъ, остановясь на той мысли, что Она имѣетъ сыновъ отъ сыновъ, какъ бываетъ у людей. Но ты говоришь: если Сынъ—образъ Бога, а Духъ образъ Сына; и если Сынъ—Слово Бога, а Духъ—глаголъ Сына: то почему же Духъ не называется сыномъ Сына? И это принялъ ты за самое крѣпкое основаніе для своего нечестія. Ибо приказываешь разумѣть Его или Сыномъ, или тварію. И поелику не наименованъ Сыномъ; то посему хульно называешь тварію Того, Кто виновникъ твари, освящаетъ и обожаетъ тварь, прославляется именемъ Господа и Бога, окончательно совершаетъ Божіи дѣйствія. Итакъ, поелику Онъ кажется тебѣ недостойнымъ имени Сына, какъ чуждый Сыну и Отцу; то разсуди, какъ же Онъ сдѣлаетъ сынами Имъ освящаемыхъ? Если ты сынъ Божій чрезъ Духа; то почему же Духъ не можетъ имѣть сыновства? Если ты—богъ чрезъ Духа; то почему же Духъ чуждъ Божества? Конечно, опять спросишь: почему же не принялъ Онъ имени Сына? Не хочешь вникнуть въ сказанное, и требуешь причины на несказанное, подобно Саддукею, который не принимаетъ воскресенія, но любопытствуетъ объ образѣ воскресенія, и отвергаетъ реченное ради нереченнаго. И если умолчимъ, не хотя быть пытливыми въ томъ, что Божіе, ты подумаешь, что уничижена тобою слава Духа Божія, потому что не дается Ему наименованіе сына, какъ будто нельзя и у тебя на то же требовать отвѣта. Ибо, если исповѣдуешь, что чрезъ Духа тысячи

---

[1]) Τοῦ πνεύματος, въ славян. „духовный".

дѣлаются сынами по присвоенію; то почему же Духъ не называется сыномъ даже по присвоенію, во всякомъ случаѣ будучи совершеннѣе тѣхъ, которые чрезъ Него сыноположаются по благодати? И поэтому не тѣмъ ли паче не долженъ Онъ быть унижаемъ ради наименованія? Но мы и на это, по мѣрѣ силъ, дадимъ отвѣтъ, сами для себя; потому что для тебя достаточно намъ молчать, такъ какъ на тотъ же вопросъ обязанъ отвѣчать и ты самъ. Посему говоримъ, что сказать о сынѣ отъ Сына значило бы—людей услышавшихъ объ этомъ навести на мысль о множествѣ въ Троичности Божества. Ибо легко было бы сдѣлать заключеніе, что какъ отъ Сына родился сынъ, такъ отъ сего послѣдняго можетъ родиться другой, а отъ другаго еще другой, и такъ далѣе, до множества. Посему, что Духъ отъ Бога, о томъ ясно проповѣдалъ Апостолъ, говоря: „пріяхомъ Духа, иже отъ Бога" (1 Кор. 2, 12). А что Духъ явился чрезъ Сына, сіе Апостолъ содѣлалъ яснымъ, наименовавъ Его Духомъ Сына, какъ и Духомъ Божіимъ, и нарекши умомъ Христовымъ, какъ и Духомъ Божіимъ, на подобіе духа въ человѣкѣ. Но онъ остерегся наречь Его сыномъ Сына. Какъ единъ Богъ Отецъ, присно пребывающій Отцемъ, вѣчно Сый тѣмъ, чѣмъ есть, и единъ Сынъ, рожденный вѣчнымъ рожденіемъ, безначально со Отцемъ сущій сынъ истиннаго Бога, присно Сый тѣмъ, чѣмъ есть, Богъ-Слово и Господь: такъ единъ и Духъ Святый, истинно Святый Духъ, по написанному, со Отцемъ и Сыномъ спрославляемый, Который у пророка Давида именуется и „Духомъ устъ" (Псал. 32, 6), о Которомъ знаемъ, что Онъ перстъ Божій,—знаемъ отъ Господа, сказавшаго въ Евангеліи: „аще ли же о перстѣ Божіи изгоню бѣсы" (Лук. 11, 20). Вотъ что сказано, и сказано прекрасно, сколько нужно для тѣхъ, которые безъ пытливости вѣруютъ въ Бога и Слово и Духа, единое Божество, единственно достопокланяемое. И никоимъ образомъ да не вводится множество, но да познаетъ каждый въ Троицѣ единымъ сущимъ: единъ Отецъ, единъ Сынъ, единъ Духъ Святый.

О томъ, что Духъ, какъ очевидно, и безъ наименованія Сыномъ есть отъ Бога, и о томъ, какъ подобія, взятыя отъ человѣка, должно приспособлять къ Божеству, не отвергая ихъ.

Не малое нѣчто пріобрѣтаемъ къ познанію, что Духъ отъ Бога, когда слышимъ, что Онъ есть Духъ устъ Его; напротивъ того, и сіе имя достаточно открываетъ бытіе Его отъ Бога. Ибо и Сынъ и рожденіе—не собственное что нибудь Божеству, но присвоенное чрезъ уподобленіе человѣку; а подобно сему и именованіе „Духъ". Посему божественное Писаніе употребило сіе именованіе о Божіемъ Духѣ, означивъ тѣмъ, что Онъ иначе отъ Бога; потому что, какъ выше было сказано, не надлежало и сего объяснять тѣмъ же подобіемъ. А ты, подобно невѣрнымъ, проти-

вишься Божію ученію, поспѣшая къ хулѣ. И поелику происхожденіе Духа отъ Бога не названо рожденіемъ; то посему отрицаешь исхожденіе Духа изъ устъ Божіихъ. И поелику не именуется Сыномъ; то посему не вѣришь, что Онъ Духъ устъ Божіихъ, но почитаешь дѣломъ рукъ Божіихъ, не обращая вниманія на подобія, взятыя отъ человѣка, низвращаешь божественные догматы примѣнительно къ симъ подобіямъ изложенные, когда со страхомъ должно тебѣ выслушивать Божіи глаголы, и съ благочестіемъ принимать все сказанное, а не изобрѣтать буесловій на благочестіе. Богъ раждаетъ не какъ человѣкъ, но раждаетъ истинно; Онъ изъ Себя являетъ рожденіе—Слово, слово не человѣческое, но являетъ сіе Слово истинно изъ Себя Самого. Онъ изводитъ Духа устами, не по-человѣчески, потому что и уста Божіи не тѣлесны; но Духъ изъ Него, а не отъинуда. Творитъ Богъ не тѣлесными руками; но творитъ, не изъ Себя производя созданія, а Своею дѣятельностію приводя ихъ въ бытіе, подобно тому, какъ человѣкъ, обдѣлывающій что нибудь руками, не изъ себя производитъ свое дѣло. Не прелагай предѣловъ Божія слова, называя Духа произведеніемъ Сына; не спрашивай о Сынѣ, почему не названъ Духомъ, и о Духѣ, почему не названъ Сыномъ; ни Сына, ни Духа не называй злорѣчиво тварію. Сынъ Божій—плодъ святый отъ Святаго, вѣчный отъ Вѣчнаго, Податель Духа Святаго въ осуществленіи и образованіи твари. Кто отъемлетъ Сына, тотъ отъемлетъ начало созиданія всяческихъ; ибо начало самостоятельности всего—Божіе Слово, Которымъ „вся быша“. Кто отъемлетъ Духа, тотъ отсѣкаетъ окончательное совершеніе творимаго; ибо посланіемъ и сообщеніемъ Духа приводится въ бытіе получающее начало бытія. Исходящее отъ Бога не во времени исходитъ, хотя Богъ во времени производитъ твари. Всегда есть Слово; оно было и прежде того, какъ изображено у Моисея глаголющимъ какъ бы человѣчески (Быт. 1, 3), чтобы человѣкообразно было объяснено, какъ тварь получила чрезъ него бытіе. Всегда есть и Духъ; Онъ былъ и прежде того, какъ Моисей представляетъ Его вдунутымъ и сообщеннымъ (Быт. 2, 7), тѣлеснымъ образомъ изображая, какъ чрезъ Него совершилось оживотвореніе.

О томъ, что если кто не признаетъ, что Духъ отъ Бога, то онъ не признаетъ, что и Слово отъ Бога.

Но ты отсѣкаешь символы свойства съ Богомъ, и истолкованія Божескаго единенія, то есть Слово, Духъ; допускаешь же то одно, что означаетъ естество внѣ Бога и далеко отъ Него отстоящее, именно, дѣйствованіе руки и произведеніе дѣлъ. Ибо, если не вѣруешь, что Духъ исшелъ изъ устъ Божіихъ, то не можешь вѣровать, что и Слово отъ Бога; потому что и Давидъ, прославляя вмѣстѣ Слово и Духа, сказалъ, что „Словомъ

Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ его вся сила ихъ" (Псал. 32, 6). И Моисей, изобразивъ дѣла, получившія бытіе Словомъ, показалъ ихъ оживотвореніе Духомъ въ сотвореніи человѣка по образу (Быт. 2, 7). Посему какъ же можетъ быть разлучено неотлучное, Слово Божіе и Духъ отъ Бога чрезъ Сына? Если не вѣруешь въ Духа, то не вѣруешь вмѣстѣ и въ Слово. Послушай Павла, который говоритъ, что преображеніе наше по Богу совершается въ Духѣ: „мы же вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе, въ той же образъ преобразуемся отъ славы въ славу, якоже отъ Господа [1]) Духа" (2 Кор. 3, 18). Итакъ сотвореніе по образу чрезъ Слово и въ Духѣ.

Но ты говоришь: Богъ творитъ Духа, и творитъ чрезъ Сына. И тебѣ кажется, что въ словахъ: „вся Тѣмъ быша" (Іоан. 1, 3), совключенъ и Духъ. Поэтому Троица сдѣлалась у тебя двоицею? Ибо, если Духъ на ряду со всѣми, то какъ же онъ со Отцемъ и Сыномъ? Если же Духъ не со Отцемъ и Сыномъ; то какъ Троица будетъ Троицею? И почему крещеніе, освящающее весь міръ, будетъ въ Троицу?

Но ты говоришь, что Духъ числится на ряду съ водою, какъ единая изъ тварей, подобно какъ и вода есть тварь, ибо Господь говоритъ: „аще кто не родится водою и Духомъ" (Іоан. 3, 5). И сего еще мало. Ты ставишь Божія Духа и на ряду съ геенной; потому что Іоаннъ говоритъ: „Той вы крестить Духомъ Святымъ и огнемъ" (Матѳ. 3, 11). Осталась ли послѣ этого какая большая мѣра нечестія, если Духу Святому даешь достоинство воды, потому что вода освящается снисшествіемъ Духа! Ибо тебѣ разсудилось уравнять освящаемое съ Освящающимъ, и ты не трепещешь Того, Кто, по тому же дѣйствію и по той же славѣ, счисляется съ Богомъ-Сыномъ, самовольно разсѣкая единое дѣйствіе и единую славу. Но поелику употребляетъ воду для очищенія, то по сему самому заключаешь, что Духъ достоинъ равной чести съ водою. И хотя врачебное искусство, которое употребляетъ вещества, называешь не равночестнымъ веществамъ, но господствующимъ надъ веществами, однако же Божія Духа, Который употребляетъ воду для очищенія грѣховныхъ скверпъ, низводишь до безславія и низости воды,—воды, которая предоставлена и на обыкновенное употребленіе нечестивымъ,—воды, которою очищается всякая тѣлесная нечистота. А если бы ты обратилъ мысль на то, что Духъ поставленъ вмѣстѣ съ огнемъ; то чего бы не осмѣлился ты придумать? Дивлюсь твоему безразсудству, если ты подлинно не боишься огня. Христосъ Духомъ крещаетъ достойныхъ святыни, а недостойныхъ отсылаетъ въ огонь, и чуждыхъ добраго предаетъ злому. Поэтому тебѣ и доброе и злое кажутся сродственными между собою, вмѣстѣ сотворенными

[1]) Сей переводъ основанъ на толкованіи сего мѣста св. Василіемъ, въ книгѣ о Святомъ Духѣ, къ Св. Амфилохію, гл. 21.

и находящимися во взаимномъ общеніи. И хотя указываемъ на одни и тѣ же дѣйствованія Отца и Сына и Духа Святаго; не видишь единенія; и когда отдѣльно проповѣдуется о Духѣ, что Онъ въ славѣ Божіей, не уразумѣваешь въ немъ Божеской славы. Между тѣмъ Апостолы говорятъ: „тако глаголетъ Духъ Святый“ (Дѣян. 21, 11), какъ и пророки говорили: „сія глаголетъ Господь“ (Исаіі 37, 5), и искушеніе Духа называютъ искушеніемъ Господа, когда Петръ говоритъ искушавшимъ: что, „яко согласистася искусити Духа Господня“ (Дѣян. 5, 9), и еще: „не человѣкомъ солгалъ еси, но Богу“ (Дѣян. 5, 4).

Если же Апостолы говорятъ: „изволися же Святому Духу и намъ“ (Дѣян. 15, 28), говорятъ, не на ряду себя ставя со властію Духа, но подчиняя себя Духу, какъ Имъ тогда наставленные; то они выражаютъ симъ, что какъ бы одно вѣдѣніе, одна мысль и одна власть у нихъ съ Духомъ. А ты усиливаешься низвести Духа въ число тварей. Это значитъ то же, какъ если бы, слыша, что „вѣроваша людіе Богу, и Моисею угоднику Его“. (Исх. 14, 3), сталъ ты утверждать, что Богъ сравненъ съ Моисеемъ. Но очевидна разность между Владыкою и рабомъ, на которую и писатель указывая, сказалъ: „Моисею угоднику Его“. Ибо вѣруютъ Богу, какъ Владыкѣ и какъ пославшему Моисея; Моисею же вѣруютъ, какъ посланному служителю. Такъ и Духу „изволися“ владычественно данное Церкви узаконеніе, Апостоламъ же „изволися“ служебно провозглашенное ими постановленіе. Но Духъ не рабъ; ибо сказано: „Господь Духъ есть: а идѣже Духъ Господень, ту свобода“ (2 Кор. 3, 17). И Израиль, вразумляемый со страхомъ, порабощается постановленіямъ Духа, а церковь христіанская, освящаемая любовію, сынополагается. Посему говоритъ Павелъ: „не пріясте бо духа работы паки въ боязнь: но пріясте Духа сыноположенія, о Немже вопіемъ: Авва, Отче“ (Римл. 8, 15). Конечно, не рабственное принявшій дѣлается изъ раба сыномъ, и не чрезъ пріобщеніе къ рабственному пріемлетъ онъ дерзновеніе именовать Бога Отцемъ, и не рабственное „вся“ Божія „дѣйствуетъ, якоже хощетъ“ (1 Кор. 12, 11).

Если бы Духъ былъ рабъ и тварь: то пѣснопѣвецъ не сказалъ бы, что присутствіе Духа всюду простирается, и не наименовалъ бы Его лицемъ и рукою Божіею, говоря: „камо пойду отъ Духа Твоего? и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси: аще снйду во адъ, тамо еси: аще возму крылѣ мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука Твоя наставитъ мя, и удержитъ мя десница Твоя“ (Псал. 138, 7—10). Ибо Духъ наполняетъ все, по написанному: „яко Духъ Господень исполни вселенную“, говоритъ Соломонъ (Прем. 1, 7). Посему, и по тому еще, что Духъ познается въ седми дѣйствованіяхъ, которыя перечислилъ Исаія (Иса. 11, 2), Захарія наименовалъ Духа

Господня седмью очами, говоря такъ: „сія очеса Господня призирающа на всю землю“ (Зах. 4, 20). И сказанное: „небо и землю Азъ наполняю, рече Господь“ (Іерем. 23, 24), означаетъ ея наполненіе Божіимъ Духомъ, какъ и чрезъ Захарію говоритъ Богъ: „Азъ съ вами есмь, и Духъ Мой настоитъ посредѣ васъ“ (Агг. 2, 4. 6). Но и прежде еще сказано много инаго подобнаго въ доказательство, что Духъ наполняетъ тварь. Посему, кто не сознаетъ Божеской славы Духа, слыша слова: „камо пойду отъ Духа Твоего?“ (Псал. 138, 7), и еще: „небо и землю Азъ наполняю, рече Господь“ (Іерем. 23, 24)?

Я вижу здѣсь во едино сочетавающееся и, такъ называемое, вселенское, во всемъ присутствіе Бога и Духа; а ты, будучи не въ состояніи сказать, что во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ не разумѣется Духъ не созданный, утверждаешь, что здѣсь самъ Богъ называется духомъ. Но Богъ не самолично живетъ въ твари; и никто не можетъ смѣшивать Бога и Духа Божія, ясно слыша, что Апостолъ о живущемъ въ насъ пишетъ слѣдующее: „намъ бо открылъ есть Богъ Духомъ Своимъ: Духъ бо вся испытуетъ, и глубины Божія. Кто бо вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ? Такожде и Божіе никтоже вѣсть, точію Духъ Божій. Мы же не духа міра сего пріяхомъ, но Духа, иже отъ Бога, да вѣмы, яже отъ Бога дарованная намъ“ (Кор. 2, 10—12). Итакъ, если никто не можетъ сказать, что въ сихъ словахъ Духомъ Божіимъ называется Богъ (хотя видимъ, что Духъ такъ соединенъ съ Божіею славою, какъ духъ человѣка съ человѣкомъ); то не усиливайся утверждать, что Духъ Божій есть то же, что Богъ. Онъ говоритъ: „Духъ Мой, иже есть въ тебѣ“ (Исаі. 59, 21), и означаетъ не Бога, но Духа отъ Бога. „Духъ Господень на Мнѣ, Егоже ради помаза Мя“ (Исаі. 61, 1): Духа помазанія пророкъ назвалъ Духомъ Господнимъ. Духъ Божій одинъ, и никто не говори, что есть болѣе одного, хотя Господь и Бога называетъ духомъ (Іоан. 4, 24). Подъ наименованіемъ же духа разумѣетъ Отца; потому что Онъ безтѣлесенъ. Ибо какъ Духъ есть Богъ, по сказанному: „храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ“ (1 Кор. 3, 16); такъ и Богъ есть духъ,—и Троица по естеству неразсѣкаема и нераздѣльна, такъ что и имена не раздѣляются. Посему, тогда какъ Богъ одинъ, Сынъ по Отчему естеству и по Отчему имени есть также Богъ; и тогда какъ Сынъ единъ Господь, Отецъ также есть Господь, нарицаемый именемъ образа, какъ Его Первообразъ и Родитель; а подобно и Духъ есть Господь, имѣя сіе наименованіе отъ Господа, Который сообщаетъ Духа и Господь по имени образа есть Духъ, какъ и Богъ по тому же имени именуется Духомъ. Поэтому, конечно, не должно дѣлать ни трехъ Боговъ, ни трехъ Господей, ни трехъ Духовъ; напротивъ того, въ общеніи именъ надобно познавать единеніе Троицы.

Однако же ты, отлучая и отдѣляя Духа отъ Отца и Сына, доходишь до такого безразсудства, что утверждаешь, будто бы и жизнь вѣчная возвѣщена во Отцѣ и Сынѣ безъ Духа; потому что Господь говоритъ: „се же есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебѣ единаго истиннаго Бога, и Егоже послалъ еси, Іисусъ Христа" (Іоан. 17, 3). Поэтому, если тебѣ кажется, что Духъ исключается сими словами, безъ Духа крести крещеніемъ жизни. А если въ Духѣ наслѣдуешь жизнь; то для чего же мечтаешь о жизни вѣчной безъ Духа? Сказано: „аще кто Духа Христова не иматъ, сей нѣсть Еговъ" (Римл. 8, 9). Посему какъ же будешь жить во вѣкъ, если не будешь Христовъ? Но не будешь Христовъ, не имѣя Духа Христова. Говоришь: почему же не присовокупилъ: „да знаютъ Тебѣ единаго истиннаго Бога" и, и „Егоже послалъ еси, Іисусъ Христа", и Духа Святаго? Не съ намѣреніемъ, о велемудрые, отдѣлить Духа отъ Двоицы, а напротивъ того, желая соединить и показать, что Духъ не отдѣлимъ въ Отцѣ и Сынѣ. Ибо и Павелъ, когда говоритъ: „елицы во Христа креститестеся, во Христа облекостеся" (Гал. 3, 27), ни мало не учитъ, что святыня подается безъ Отца, но въ Сынѣ указываетъ и Отца; и когда говоритъ: „намъ бо открылъ есть Бога Духомъ Своимъ" (1 Кор. 2, 10), не исключаетъ Сына, Который говоритъ: „ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и емуже аще" Сынъ откроетъ (Матѳ. 11, 27). Если же, и не именуя Отца, наименованіемъ Сына указываетъ на Родителя, и не именуя Сына, Отцевымъ именемъ указываетъ на Рожденнаго; то, подобнымъ образомъ, и здѣсь Духъ не именуется, но подразумѣвается въ имени Того, Кто подаетъ и сообщаетъ Его. Ужели, когда Апостолы говорятъ: „тако глаголетъ Духъ Святый" (Дѣян. 21, 11), мы заключимъ изъ сего, что одинъ Духъ даетъ намъ законы и предрекаетъ будущее, а не отъ Отца чрезъ Сына пріемлютъ начало и законоположеніе и пророчество? И когда Святый Младенецъ называется родившимся „отъ Духа Свята" (Матѳ. 1, 20): не заключимъ, что Духъ безъ Слова дѣйствовалъ при образованіи Младенца въ утробѣ, тогда какъ Іоаннъ говоритъ, что „Слово плоть бысть" (Іоан. 1, 14), и Слову приписывается воплощеніе. Напротивъ того изъ всего явствуетъ, что и Духъ въ Словѣ. и Слово въ Духѣ, потому что единеніе по Божеству не нарушается. Ибо въ принятіи трехъ именъ считается и указуется Троица, а выраженіе чрезъ одно имя даетъ разумѣть единеніе Троицы; какъ напримѣръ въ словахъ: „изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ всяческая" [1]) (Римл. 11, 36), въ единое имя сведены отличительныя свойства Отца и Сына и Святаго Духа. Ибо одинъ Богъ, отъ Котораго все; и одинъ Господь Іисусъ Христосъ, Которымъ все; одинъ также Духъ Святый, въ Которомъ все, какъ сказано: „вы нѣсте

---

[1]) Въ подлинникѣ: ἐξαὐτοῦ, καὶ δὶ αὐτου καὶ ἐν αὐτῷ.

во плоти, но въ дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ васъ" (Римл. 8, 9). Почему сказанное: „въ Богѣ живемъ и движемся и есмы" (Дѣян. 17, 28), ясно выражаетъ отличительное свойство Духа въ Богѣ. Тварь содержится, живетъ и существуетъ, конечно, не тварію, которая сама имѣетъ нужду въ поддержкѣ силою Сотворившаго; конечно, не дѣйствіемъ твари прославляется Богъ, когда о Немъ Самомъ говорится, что „въ Немъ [1]) живемъ и движемся и есмы"; но дѣйствительно Божескій Духъ все, что отъ Бога и что чрезъ Сына, поддерживаетъ въ бытіи. Посему пріобщающимся Его даруетъ продолженіе бытія. И въ Немъ снова живемъ мы, которые, прежде, чрезъ удаленіе отъ Него, стали растлѣны.

Но хотя можно сказать многое открывающее, что Богъ въ твари и тварь въ Богѣ, и вмѣстѣ указывающее на Духа; однако же удовольствуемся сказаннымъ, что можетъ служить какъ бы образцемъ и для большаго, и докажемъ заблуждающимся, что нечестіе ихъ противъ Духа есть нечестіе противъ Бога; только бы они постарались узнать, что слава Духа есть слава Божія.

О томъ, что не изъ подобоименности познается тождество, но изъ Божія естества—единство.

Но говорятъ: „упоминается и о духѣ человѣческомъ, напримѣръ: „отъимеши духъ ихъ, и исчезнутъ" (Псал. 103, 29); и о Духѣ Божіемъ—напримѣръ: „не имать Духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ" (Быт. 6, 3); и о духѣ вѣтряномъ—напримѣръ: „дхнетъ духъ Его, и потекутъ воды" (Псал. 147, 7); а иный найдетъ и многія другія мѣста". Благочестиво же угадывающій Божію мысль правильнѣе истолкуетъ сіе, отвѣчая не возраженіе противниковъ: если кто вздумаетъ изъ подобоименности заключать о тождествѣ, то какъ поступить ему, когда упоминаются и именуются многія „сущія", имя же сіе принадлежитъ единому Господу и истинному Богу, Который говоритъ о Себѣ: „Азъ есмь Сый" (Исх. 3, 14), и когда говорится о многихъ отцахъ, богахъ, родителяхъ, мудрыхъ, сильныхъ, создателяхъ; наименованія же сіи по естеству одному Богу всегда принадлежатъ? И нерожденнымъ также называется, что еще не родилось, но имѣетъ родиться или произойдти, напримѣръ: воскресеніе мертвыхъ, еще не сбывшееся, нерожденно, но оно будетъ; или желѣзное кольцо, которое сдѣлаютъ со временемъ, нерожденно, заключаясь въ естествѣ желѣза, или, когда огонь изъ воды, или изъ камня, или изъ другаго какого либо вещества подобнымъ сему образомъ дѣлается такимъ же огнемъ. Еще и то, что нигдѣ и никакъ не существовало, представляемъ нерожденнымъ, не осуществившимся. Кто говоритъ: это не осуществлено,

---

[1]) Ἐν αὐτῷ, какъ читается у Апостола.

тотъ уничтожаетъ самостоятельность и бытіе сущности. Неосуществленное и несостоявшееся означаетъ такую природу, которая не получила бытія и вовсе не существуетъ. Но кто говоритъ: это осуществлено и состоялось, тотъ означаетъ сущность, пришедшую въ бытіе. А кто говоритъ, что Богъ нерожденъ, или употребляетъ слово „нерожденный“ съ членомъ ( ), предпоставивъ имя „Богъ“, или то же имя присовокупивъ послѣ слова „нерожденный“, тотъ не отрицаетъ ни сущности Божіей, ни бытія Божія, а говоритъ, что сущность сія нерожденна; не выражаетъ же и того, что сущность Божія несозданна. Напротивъ того, не отрицая бытія Божія, не показываетъ еще чрезъ это, что такое сущность Божія. Не говорю о качествѣ или о количествѣ, что въ своемъ суесловіи обѣщаются они показать; наименованіемъ слова: нерожденный, показывается ли и то, какой образъ бытія имѣетъ сущность Божія? А какой образъ бытія имѣетъ что либо, и то самое, что въ бытіи, каково, и что такое есть,—сіе тѣмъ паче неизвѣстно, какъ неизслѣдимое для всякой тварной природы. Ибо, если „судьбы Его бездна многа“, какъ говоритъ пророкъ (Псал. 35, 7), „и путіе Его неизслѣдовани“, а потому и вовсе „неиспытани“ (Римл. 11, 33), по апостольскому слову: то кольми паче неизслѣдимъ Тотъ, Чьи суды и пути таковы! И не удивительно, если таковъ Самъ Богъ, когда таково и Божіе. Ибо, если, по Писанію, „яже уготова Богъ любящимъ Его, око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша“ (1 Кор. 2, 9); то не тѣмъ ли паче всякій, благочестно и безъ пытливости вѣрующій въ Бога, скажетъ, что еще неизреченнѣе естество самого все сіе уготовавшаго Бога?

Многое также именуется и словомъ: но одно есть вѣчное Слово Божіе, о Которомъ проповѣдано въ Евангеліи, что Онъ—Богъ, и что „вся Тѣмъ быша“ (Іоан. 1, 1. 3). Многіе называются въ Писаніи сынами Божіими, по сказанному: „сыны родихъ и возвысихъ“ (Иса. 1, 2); и еще: „Сынъ Мой первенецъ Израиль“ (Исх. 4, 22); впрочемъ, чрезъ присвоеніе и чрезъ какой либо отличительный знакъ сыноположенные истиннымъ Богомъ суть сыны присвоенные, а не истинные. Ибо всякая вещь берется съ природы и дѣйствительности. Если же Тотъ, Кто по естеству существенно рожденъ отъ Бога, не Сынъ, какъ говорятъ сіе не признающіе единосущія; то гдѣ найдутъ для себя мѣсто сыны по присвоенію?

Но люди невѣжественные, по своему несчастію, прилагаютъ къ Богу сказанное человѣкообразно, и что Писанія изрекли „многочастнѣ и многообразнѣ“, то, принимая одностороннимъ образомъ, подвергаются паденію; потому что не терпятъ добраго путеводительства. Ибо „правы путіе Господни, и праведніи пойдутъ въ нихъ: а нечестивіи“ преткнутся въ правыхъ (Осіи 14, 10). И къ удивленію, то же самое, изъ чего извлекаютъ

пользу здравые въ вѣрѣ, вредитъ „недугующимъ о стязаніихъ и словопреніихъ" праздныхъ, какъ сказалъ Апостолъ (1 Тим. 6, 4)! А что злонамѣренно и съ пытливостію, особенно же съ невѣріемъ, предлагать вопросы о Богѣ—есть душевная болѣзнь, сіе всякому извѣстно. Ибо, если не вѣрятъ самому всесвятому Богу въ томъ, что Самъ говоритъ о Себѣ; то послушаютъ ли Его пророковъ и апостоловъ, которые въ божественныхъ Писаніяхъ говорятъ о Немъ и объ имѣющихъ уповать на Него? Ибо „вѣровати подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть" (Евр. 11, 6); а не съ невѣріемъ любопытствовать о томъ, что такое Онъ есть, тѣмъ паче, что не есть. Ибо что Онъ есть, тѣмъ былъ, и есть, и будетъ всегда, и всѣмъ даруетъ бытіе, какъ сущій по естеству Богъ.

Чему же не вѣришь, человѣкъ? Не вѣришь тому, что Богъ имѣетъ собственнаго Сына, и желаешь знать, какъ Богъ родилъ Сына? Но если спрашиваешь о Богѣ: какъ? то ты, конечно, вмѣстѣ пожелаешь спросить: гдѣ, то есть, въ какомъ мѣстѣ? и когда, то есть, въ какое время? А если неумѣстно предлагать о Богѣ такіе вопросы; то еще неумѣстнѣе будетъ не вѣрить. Можетъ быть, ты не стыдишься пребывать въ невѣріи: ибо предлагаешь вопросы съ тѣмъ, чтобы найдти не вѣру, но безвѣріе. Это справедливо, по написанному: „въ злохудожну душу не внидетъ премудрость" (Прем. Сол. 1, 4). „Вѣрова же Авраамъ Богови, и вмѣнися ему въ правду: и другъ Божій наречеся" (Іак. 2. 23). Блаженный Авраамъ именуется другомъ Божіимъ, и дѣйствительно другъ—другъ по вѣрѣ, другъ по послушанію Богу; а ты—врагъ по невѣрію и преслушанію предъ Богомъ. „Вѣрова же Авраамъ Богови"; вѣровалъ, какъ Авраамъ, а не невѣровалъ, какъ вы. Посему онъ—другъ, а вы—враги. „Врази Господни солгаша Ему", по написанному (Псал. 80, 26); потому что Сына Божія по естеству называютъ сыноположеннымъ по присвоенію и благодати; Творца именуютъ тварію, Зиждителя созданіемъ, всегда Сущаго во Отцѣ не существовавшимъ нѣкогда, Сына отъ Сущаго Бога происшедшимъ изъ не сущихъ.

Не только же лгутъ на Бога и на Сына, богоборствуя и христоборствуя, но не престаютъ духоборствовать, не соглашаясь Духа Божія назвать Господомъ, жестоковыйно и необрѣзаннымъ сердцемъ (Дѣян. 7, 51) противясь божественнымъ Писаніямъ. Для чего же противишься доброй сей вѣрѣ и спасительному исповѣданію: Богъ, Слово, Духъ, Отецъ, Сынъ и Духъ? Не инороденъ Сынъ, не чуждъ и Духъ Богу и Сыну; Они не раздѣлены мѣстами, не объемлемы вѣками, не измѣримы разстояніями. Не былъ никогда ни Отецъ безъ Сына, ни Сынъ безъ Духа; но всегда та же Троица непревратная и неизмѣняема. Сынъ—не Отецъ, но Отецъ—родитель Сына, какъ умъ отецъ слова, какъ сила—сильнаго, какъ мудрый родившій мудрость, какъ ѵпостась родившая собственный свой образъ.

Сынъ же всегда есть Сынъ, какъ присносущный образъ Божій; какъ естественное изображеніе Бога—Сынъ.

Но и Духъ именуется образомъ Сына и перстомъ Божіимъ, и Духомъ Божіимъ и глаголомъ, и духомъ устъ, Духомъ благимъ, правымъ и владычественнымъ, Духомъ силы (Дѣян. 10, 38), Господомъ и Богомъ, какъ и Слово, именуется и Божій духъ. Ибо, если Духъ, вмѣстѣ съ Богомъ и Словомъ, утверждаетъ силы небесныя (Псал. 32, 6); то почему же Онъ чуждъ? Пріявшіе его суть „храмъ Божій" (1 Кор. 3, 16); Онъ называется и духомъ устъ Божіихъ; указуется виною созданія вмѣстѣ съ Словомъ; Онъ „вся дѣйствуетъ", подобно Богу, „якоже хощетъ", какъ говоритъ Апостолъ (1 Кор. 12, 11); Онъ „Духъ сыноположенія" (Римл. 8, 15), виновникъ „свободы" (2 Кор. 3, 17): „идѣже хощетъ", дышетъ Божество (Іоан. 3, 8); Его Господь всяческихъ ясно именуетъ и „Духомъ истины" (Іоан. 14, 17); Онъ въ видѣ голубя сошелъ на Господа съ неба (Матѳ. 3, 16); Онъ съ силою освящаетъ плоть Господню (Лук. 1, 35); Онъ „исполняетъ вселенную" (Прем. Сол. 1, 7); Онъ присущъ всему, какъ Богъ, и всегда неотлучно съ Богомъ пребываетъ; Онъ знаетъ все Божіе, какъ наше знаетъ духъ, который въ насъ, то есть духъ человѣческій живущій въ насъ. Ибо такъ сказано: „и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій" (1 Кор. 2, 11).

И еще говоритъ Спаситель: „никтоже вѣсть, кто есть Сынъ, токмо Отецъ", и „ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и емуже аще хощетъ Сынъ открыти" (Лук. 10, 22. Матѳ. 11, 27). Послѣднее мѣсто Писанія подобно первому, и первое—равносильно послѣднему; ибо сказано: „намъ Богъ открылъ есть Духомъ Своимъ" (1 Кор. 2, 10). Итакъ смотри, то Отецъ открываетъ Сына, то Сынъ—Отца, то Духъ равно—Сына и Отца. Посему все Божество явлено тебѣ, и призывается то во Отцѣ, то въ Сынѣ и Духѣ.

И Апостолъ ясно рѣшаетъ тебѣ пророческій вопросъ; онъ не позволяетъ принимать Божество за одно Лице, на основаніи реченій, повидимому означающихъ это. Ибо и онъ, хотя вездѣ ясно проповѣдуетъ, что лице Сына есть Зиждительное, однако же всякое созиданіе приписываетъ лицу Отца, потому что не самъ ли онъ говоритъ: „единъ Богъ Отецъ, изъ Негоже вся, и мы у Него; и единъ Господь Іисусъ Христосъ, Имже вся, и мы Тѣмъ" (1 Кор. 8, 6)? И подобно тому, какъ здѣсь ясно сказалъ: единъ и единъ, и засвидѣтельствовалъ, что все приводится въ бытіе Сыномъ, въ посланіи къ Римлянамъ (Римл. 11, 36) наименовалъ Единаго, и присовокупилъ, что не только „изъ Того", но и „Тѣмъ" приводится все въ бытіе. Посему двойственность, открываемая въ двоицѣ, или и тройственность въ Троицѣ, равно и у самого апостола, и у пророковъ ясно будетъ свидѣтельствовать что, проповѣдуя Единицу, они не отрицаютъ

двоицы, и тѣмъ паче Троицы; но, зная единство Божества, въ одномъ лицѣ проповѣдуютъ три Лица.

Да и въ началѣ, при сотвореніи міра, видимъ, что Богъ бесѣдуетъ съ Сыномъ и Духомъ, какъ Моисей человѣкообразно представилъ Его бесѣдующимъ и говорящимъ: „сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію“ (Быт. 1, 26); ибо кому говоритъ: „сотворимъ“, какъ не Слову и Единородному Сыну, Которымъ, по слову Евангелиста, „вся быша“ (Іоан. 1, 3), и Духу, о Которомъ написано: „Духъ Божій сотворивый мя“ (Іов. 33, 4)? Но если не говоритъ явственно, о комъ и съ кѣмъ бесѣдуетъ; однако же очевидно, что не Себя одного разумѣетъ, когда говоритъ: „се Адамъ бысть яко единъ отъ Насъ“ (Быть 3, 22), и еще: „пріидите и сошедше смѣсимъ языки ихъ“ (Быт. 11, 7), чтобы ты разумѣлъ и Тѣхъ, Кого Богъ счисляетъ съ Собою. Ибо никто не осмѣлится признать Ангеловъ равночестными Создателю и Владыкѣ, и невозможно представлять въ Богѣ одно Лице, когда говорится: „яко единъ отъ Насъ“, и: „пріидите и, сошедше, смѣсимъ“. Но ясно и то, что сказано о разореніи Содома, а именно: „одожди Господь жупелъ и огнь отъ Господа съ небесе“ (Быт. 19, 24). А подобно сему и у пророковъ говорится отъ лица Божія. Сказано: „Разорихъ вы, якоще разори Богъ Содому и Гоморру“ (Амос. 4, 11). И въ другомъ мѣстѣ, являя Свое человѣколюбіе, Богъ говоритъ: „спасу я о Господѣ Бозѣ ихъ“ (Осіи 1, 7); и сіе не разнится съ апостольскимъ изреченіемъ, въ которомъ говорится: „да дастъ ему Господь обрѣсти милость отъ Господа въ день онъ“ (2 Тим. 1, 18).

А что скажешь о Зоровавелѣ и о Зоровавелевой мудрости? Ужели тебѣ кажется, что онъ мало и не ясно изобразилъ Ѵпостась и жизнь истины, когда сказалъ: „вся земля истину призываетъ, и небо оную благословляетъ, и вся дѣла трясутся и трепещутъ“ (2 Ездр. 4, 36)? Какая же это истина, какъ не Божіе Слово и Сынъ, „Имже вся?“ Ибо Онъ говоритъ: „Азъ есмь путь и истина и животъ“ (Іоан. 14, 6). Но нѣтъ истины, кромѣ той, которая отъ Истиннаго естественно и превѣчно Имъ рождена; посему Зоровавель присовокупляетъ, говоря: „благословенъ Богъ истины“ (2 Ездр. 4, 40), то есть, Отецъ Истины—Христа. Христосъ истина; Его всякое дыханіе чествуетъ и трепещетъ.

А посему, что Слово живо, и совершенное лице, а таковъ же и Духъ, сему достаточно научаетъ сказанное теперь. Но Богу приписываются многіе и другіе человѣческіе образы; и мы не заключаемъ, что Богъ есть человѣкъ, напримѣръ, изъ того, что слышимъ о лицѣ, объ очахъ, ушахъ, рукахъ и ногахъ. Не въ чувственномъ понятіи пророкъ хочетъ сказать о Богѣ, что Онъ сѣдитъ „на небѣ“, какъ „на престолѣ“, и что попираетъ „землю—подножіе ногъ Своихъ“ (Иса. 66. 1), но въ томъ смыслѣ, что земля подчинена Божеской власти. А также, если слышишь о чревѣ у

Бога, не приходи въ смущеніе, представляя что либо тѣлесное, но, разумѣя что-то духовное, наименуй нѣчто совершенное, и именно въ семъ рѣченіи ясно открываемую тебѣ самую родотворную Божію силу. Такъ, слыша еще о рукахъ Божіихъ, ясно познавай творческую Божію силу; слыша объ ушахъ, заключай, что Богъ слышитъ; слыша объ очахъ, разумѣй Божію проницательность; слыша о крыльяхъ, познавай Божію покровительственную силу. А равнымъ образомъ и все прочее, взятое само по себѣ, сохраняетъ собственное свое самое правильное понятіе о Богѣ, особенно для правовѣрующихъ. Посему имена употребляются людьми къ познанію и различенію сущностей или вещей, и того, что входитъ въ мышленіе при сущностяхъ. Поэтому не почитай страннымъ, что Богу приписывается чрево, потому что не странно приписать Ему руку, и все прочее предъ симъ исчисленное. А посему, да не кажется страннымъ тебѣ и всякому изъ слышащихъ приписываемое Богу рожденіе.

А если кто боится страдательности въ раждающемъ Богѣ, то и въ творящемъ Богѣ долженъ онъ бояться движенія, утомленія, употребленія въ дѣло вещества и потребности въ орудіяхъ. Ибо все это бываетъ съ людьми, что нибудь созидающими. Если же сего нѣтъ въ Богѣ; то нѣтъ и страдательности въ рожденіи. Ибо не возможно, чтобы естество безстрастное подвергалось страданію. Для чего же кому „убояться страха, идѣже нѣсть страха" (Псал. 13, 5)? Богъ не страждетъ, раждая изъ Себя по естеству. Да не будетъ сего! Онъ не утомляется, творя изъ ничего, что нибудь, или и все. Да не будетъ сего! Не осмѣлимся и говорить о семъ! Если избѣгаешь одного, то избѣгнешь и всего. А если всего избѣгаешь одинаково, то и одного. Если одно по человѣчески; то и все. А если все не по-человѣчески; то и ни одно. Ибо, если Богъ безъ утомленія творитъ все изъ ничего хотѣніемъ Своимъ: то сіе для насъ не невѣроятно. Но еще вѣроятнѣе для всякаго да будетъ, что Богъ изъ Себя Божіимъ естествомъ, боголѣпно, безстрастно родилъ Бога Сына, истиннаго, равночестнаго, равнославнаго, сопрестольнаго, совѣтника и содѣйственника, единосущнаго, а не иносущнаго Отцу и Богу и не чуждаго единому Его Божеству. Въ противномъ случаѣ Сынъ недостопокланяемъ, ибо написано: „не поклонишися богу чуждему" (Псал. 80, 10), и намъ повелѣно не принимать какого нибудь новаго Бога. Посему не говори о приращеніи чествуемаго, не говори, что древнимъ умолчано было о Сынѣ, а намъ открытъ Онъ, если только исповѣдуешь Сына зиждительнымъ Словомъ. Ибо отцы знали слово, покланялись Божію Слову, а съ Словомъ и Духу. Не отлучай Его отъ Того, Кто говоритъ: „Азъ Богъ" единъ, „и нѣсть развѣ Мене" (Иса. 45. 5), чтобы не стать тебѣ вынужденнымъ хульно говорить о Сынѣ, что Онъ не Богъ. Не отлучай Его отъ Того, Кто говоритъ: Азъ „распростроХъ небо единъ" (Иса. 44, 24), чтобы не перестать

тебѣ называть Сына Создателемъ, потому что распростершій небо не разлученъ со славою единаго Бога. Посему въ Сынѣ познавай Отца; въ Отцѣ прославляй Сына. Не раздѣляй нераздѣлимаго, не разсѣкай неразсѣкаемаго. Ибо, хотя бы и хотѣлъ ты, Божество не разсѣкается, и хотя разсторгнутся еретики, но Троица не расторгнется, напротивъ того пребываетъ такою, какова есть, хотя инымъ и не представляется такою. Ибо святая Троица есть святая вервь (σπεῖρα), и досточтима въ единой и вѣчной славѣ, вездѣ имѣетъ одно и то же единое Божество, неразрывна, неразсѣкаема, нераздѣльна, все исполняетъ, все содержитъ, во всемъ пребываетъ, все зиждетъ, всѣмъ правитъ, все освящаетъ, животворитъ. Сіе божественное чудеснѣйшее сплетеніе не расторгается, по написанному: „вервь треплетена не расторгнется" (Еккл. 4, 12). Въ семъ смыслѣ и блаженный Павелъ, пиша къ правовѣрующимъ, въ одномъ мѣстѣ сказалъ: „благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога, общеніе Святаго Духа со всѣми вами" (2 Кор. 13, 13). Ибо, когда все дѣйствуется Богомъ чрезъ Іисуса Христа въ Духѣ, не отлучнымъ вижу дѣйствованіе Отца и Сына и Святаго Духа. Посему-то всѣ святые—храмы Бога и Сына и Духа Святаго; въ нихъ живетъ единое Божество, единое Господство и единая Святость Отца и Сына и Святаго Духа, чрезъ единую святыню крещенія.

Отвѣтъ тѣмъ, которые говорятъ, что о Сынѣ и Отцѣ писано многократно, а о Духѣ только въ крещеніи.

А если Отецъ говоритъ: „въ послѣдніи дни излію отъ Духа Моего на всяку плоть" (Іоил. 2, 28. Дѣян. 2, 17); что скажемъ о Сынѣ? Ибо здѣсь не писано о Немъ. Если пророкъ говоритъ: „тамо срѣтошася елени, и увидѣша лица другъ друга; числомъ преидоша, и единъ отъ нихъ не погибѣ: яко Господь заповѣда имъ, и Духъ Его собра я" (Исаі. 34, 15. 16), то гдѣ Сынъ? Если говоритъ: „Духъ бо отъ Мене изъидетъ, и всякое дыханіе Азъ сотворихъ" (Исаі. 57, 16); гдѣ Сынъ? Если Давидъ говоритъ: „и Духа Твоего Святаго не отъими отъ мене" (Псал. 50, 13); гдѣ Сынъ? Если онъ же говоритъ: „сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей" (Псал. 50, 12); гдѣ Сынъ? Если онъ же еще говоритъ: „Духъ Твой благій наставитъ мя на землю праву" (Псал. 142, 10); гдѣ Сынъ? если онъ же говоритъ: „и Духомъ владычнимъ утверди мя" (Псал. 50, 14), гдѣ Сынъ? Если Іовъ говоритъ: „Духъ Божій сотворивый мя" (Іов. 33, 4); гдѣ Сынъ? Если тотъ же Іовъ говоритъ: „Духъ есть въ человѣцѣхъ, дыханіе же Вседержителево есть научающее" (Іов. 32, 8); гдѣ Сынъ? Если Давидъ говоритъ: „послеши Духа твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли" (Псал. 103, 30); гдѣ Сынъ? Если говоритъ: „камо пойду отъ Духа Твоего? и отъ лица Твоего

камо бѣжу?“ (Псал. 138, 7); гдѣ Сынъ? Если сказано: „горе чада отступившая, сія глаголетъ Господь: сотвористе совѣтъ не Мною, и завѣты не Духомъ Моимъ“ (Исаі. 30, 1); гдѣ Сынъ? А если говорится: „и изыдетъ жезлъ изъ корене Іессеова, и цвѣтъ отъ корене взыдетъ, и почіетъ на немъ Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія: и исполнитъ Его Духъ страха Божія“ (Исаі. 11, 1—3); какъ отлучу Духа? И если говоритъ: „Духъ Господень на мнѣ, Егоже ради помаза Мя, благовѣстити нищимъ, посла Мя, проповѣдати плѣнникомъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе“ (Исаі. 61, 1); какъ отлучу Духа? И сколько еще, потрудившись, можно найдти въ ветхозавѣтномъ Писаніи и въ Новомъ Завѣтѣ о Духѣ, Сынѣ и Отцѣ! „Радуйся, благодатная, Господь съ тобою: се бо зачнеши во чревѣ, и родиши Сына“ (Лук. 1, 28. 31). И поелику Марія сказала: „почему разумѣю сіе, идѣже мужа не знаю?“ Ангелъ говоритъ ей: „Духъ Святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя“ (Лук. 1, 34, 35). И еще тотъ же Ангелъ говоритъ Іосифу: „не убойся пріяти Маріамъ жены твоея, родшееся бо въ ней отъ Духа есть Свята“ (Матѳ. 1, 20). И еще Евангелистъ, толкуя слова пророка, говоритъ: „да сбудется“ написанное: „се Отрокъ Мой, на-Ньже благоволи душа Моя; положу Духъ мой на Немъ“ (Матѳ. 12, 17. 18. Исаі. 42, 1). И въ Евангеліи написано: „Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ: тако есть всякъ рожденный отъ Духа“ (Іоан. 3, 8). Подобнымъ образомъ въ Евангеліи сказано: „аще ли же Азъ о Дусѣ Божіи изгоню бѣсы, убо постиже на васъ царствіе Божіе“ (Матѳ. 12, 28). И еще написано: „всякъ грѣхъ и хула отпустится человѣкомъ, а яже на Духа хула, не имать отпущенія“ (Матѳ. 12, 31). И во время крещенія Духъ Святый сошелъ, и „пребысть на Немъ“ (Іоан. 1, 32). Ангелы же, сошедши, „служаху Ему“ (Матѳ. 4, 11). Изъ сего ты долженъ познать, что Ангелы, сходя, служатъ въ показаніе рабства; а Духъ „пребысть на Немъ“, чтобы ты, слыша о пребываніи, разумѣлъ свободу Его естества. Но написано: и „Отецъ во Мнѣ пребываяй, Той творитъ дѣла“ (Іоан. 14, 10). И еще написано: „Іисусъ же исполнь Духа Свята возвратися отъ Іордана, и ведяшеся Духомъ въ пустыню, дніи четыредесять искушаемъ отъ діавола“ (Лук. 4, 1. 2). И еще „пріимите Духъ Святъ. Имже отпустите грѣхи, отпустятся, и имже держите, держатся“ (Іоан. 20. 22, 23). И еще: „истину вамъ глаголю: уне есть вамъ, да Азъ иду: аще бо не иду Азъ; Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ“ (Іоан. 16, 7), „Духъ истины, Иже отъ Отца исходитъ“ (Іоан. 15, 26).

Если же скажутъ: не отъ Себя глаголетъ Духъ, но „елика аще услышитъ, глаголати имать“ (Іоан. 16, 13); отвѣтимъ на сіе, что и Сынъ „отъ Себе“ не глаголетъ, но говоритъ: „пославый Мя Отецъ, Той Мнѣ

рече, что реку и что возглаголю" (Іоан. 12, 49). Ибо все, что глаголетъ Духъ, и что глаголетъ Сынъ, словеса суть Божіи, и поэтому „всяко писаніе богодухновенно и полезно есть" (2 Тим. 3, 16), будучи изглаголано Духомъ. И это во истину доказываетъ, что Духъ не тварь; потому что всякая разумная тварь глаголетъ иногда отъ себя, а иногда Божіе, напримѣръ: когда говоритъ Павелъ: „о дѣвахъ повелѣнія Господня не имамъ: совѣтъ же даю, яко помилованъ отъ Господа. А оженившимся завѣщаваю, не азъ, но Господь" (1 Кор. 7, 25. 10). И пророкъ: „Господи обаче судьбы возглаголю къ Тебѣ. что яко путь нечестивыхъ спѣется" (Іерем. 12, 1)? И еще: „горе мнѣ, мати, вскую мя родила еси" (Іерем. 15, 10)? Иногда же говоритъ: „сія глаголетъ Господь" (Іерем. 13, 1). И Моисей иногда говоритъ: „худогласенъ и косноязыченъ азъ есмь" (Исх. 4, 10); а иногда онъ же говоритъ: „сія глаголетъ Господь: отпусти люди Моя, да Ми послужатъ" (Исх. 8, 1). Но не такъ Духъ; Онъ не говоритъ иногда „отъ Себе", а иногда Божіе; ибо сіе свойственно твари. Напротивъ того всѣ глаголы Духа, равно какъ и глаголы Сына, суть словеса Божіи. Поэтому и Сынъ не глаголетъ отъ Себе"; ибо говоритъ: „пославый Мя Отецъ, Той мнѣ рече, что реку и что возглаголю" (Іоан. 12, 49), не потому что учится у Отца (сіе означало бы простоту и невѣжество), но потому что все, что ни глаголетъ Отецъ, глаголетъ чрезъ Сына въ Духѣ. И еще написано: „никтоже вѣсть яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка живущій въ немъ: такожде и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій". И еще: „Духъ бо вся испытуетъ, и глубины Божіи" (1 Кор. 2, 10. 11). Если скажутъ, что испытующій не знаетъ, потому и испытуетъ; отвѣтимъ на сіе, что и Богъ „испытуетъ сердца человѣческія" (Іерем. 17, 18), и чрезъ пророковъ говоритъ: „изъищу Іерусалима со свѣтильникомъ" (Соф. 1, 12). И еще написано: „или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть, Егоже имате отъ Бога" (1 Кор. 6, 18)? И еще: „не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ" (1 Кор. 3, 16)? И еще: „вы же нѣсте во плоти, но въ дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ васъ" (Римл. 8, 9). И еще написано: „и сими убо нѣцыи бысте, но омытестеся, но освятистеся, но оправдистеся именемъ Господа нашего Іисуса Христа, и Духомъ Бога нашего" (1 Кор. 6, 11). И еще: „не смѣю бо глаголати что ихже не содѣя Христосъ мною, словомъ и дѣломъ, въ послушаніе языковъ, въ силѣ знаменій и чудесъ, силою Духа Святаго" (Римл. 15, 18. 19). И въ началѣ посланій святый Павелъ упоминаетъ объ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, пиша такъ: „Павелъ рабъ Іисусъ Христовъ, званъ Апостолъ, избранъ во благовѣстіе Божіе, еже прежде обѣща пророки Своими въ писаніихъ святыхъ, о Сынѣ Своемъ бывшемъ отъ сѣмене Давидова по плоти, нареченнѣмъ Сынѣ Божіи въ силѣ, по

Духу Святыни“ (Римл. 1, 1—4). И еще: „благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и общеніе Святаго Духа“ (2 Кор. 13, 13). И еще: „раздѣленія же дарованій суть, а тойжде Духъ: и раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь: и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ“ (1 Кор. 12, 4—6). И Іовъ говоритъ: „живъ Господь, Иже ми сице и суди, и Вседержитель, Иже огорчи ми душу, и Духъ Божій сущій въ ноздрѣхъ моихъ“ (Іов. 27, 2. 3); и Давидъ говоритъ: „посли свѣтъ Твой и истину Твою“ (Псал. 42, 3), называя свѣтомъ Духа, и Истиною—Сына. И въ другомъ мѣстѣ: „яви намъ, Господи, милость Твою и спасеніе Твое даждь намъ“ (Псал. 84, 8)!

О Духѣ.

Да утѣшается всякая душа, ищущая вѣдѣнія о божественномъ, если у нея такое око, что можетъ искать сего и видѣть невидимо для чувства, и если, ища сего, можетъ, по Писанію, обитать у Самого Искомаго. Ибо написано: „аще ищеши, ищи, и у Мене обитай“ (Иса. 21, 12). Обитаетъ же, когда ищетъ съ вѣрою. Ибо хотя случится и не найдти, не удаляется отъ обитанія къ вѣрѣ и Искомаго, но говоритъ съ блаженнымъ Давидомъ: „удивися разумъ Твой отъ мене: утвердися, не возмогу къ нему“ (Псал. 138, 6); и съ отцемъ бѣсновавшагося въ новомѣсячія: „вѣрую, Господи, помози моему невѣрію“ (Марк. 9, 23 и Матѳ. 17, 15). И такъ съ сею цѣлію будемъ въ вѣрѣ искать познанія объ естествѣ Святаго Духа, ища вѣдѣнія у Самаго Искомаго. Ибо Духъ есть нами искомое, и Онъ же Самъ подаетъ о Себѣ вѣдѣніе.

А сколько знаемъ о Немъ изъ божественныхъ Писаній. Онъ есть Тотъ самый, Кто творилъ святыми, и Онъ же подаетъ божественную жизнь взыскующимъ у Него Бога. Но необходимо, чтобы Онъ былъ досточестнѣе пріемлющихъ Его; потому что пріемлющіе дѣлаются святыми, когда Онъ низойдетъ на нихъ, и погибаютъ, когда Онъ оставитъ ихъ. Духъ всегда есть; Онъ источникъ вѣчной жизни.

Но что касается до способа подаянія, и до того, какъ Духъ бываетъ во всѣхъ, и въ каждомъ отдѣльно, да разсматриваетъ сіе умъ, который достоинъ такого разсмотрѣнія, и освободился отъ еретическаго обольщенія, и отъ женъ, чарующихъ другихъ. Да приступаетъ же въ безмолвномъ состояніи. А безмолвными да будутъ не только облежащее его тѣло и тѣлесное волненіе, но и все окружающее, небо, земля, море, и всѣ разныя на нихъ существа. И да представляетъ себѣ, что все исполнено Духомъ, что Духъ отовсюду въ нихъ внѣдряется, какъ бы втекая, вливаясь, проникая и просіявая. Ибо „Духъ Господень исполни вселенную, и содержай вся разумъ[1]) имать Божій“ (Премудр. 1, 7). Просія-

[1]) Γνῶσιν, вѣдѣніе.

ваетъ же во всѣхъ достойныхъ. Ибо какъ солнечные лучи дѣлаютъ облако свѣтлымъ и блистательнымъ, производя въ немъ златовидность; такъ и Духъ Святый, вошедши въ тѣло человѣка, какъ даровалъ ему жизнь, даровалъ безсмертіе, даровалъ святыню, такъ воздвигъ, когда оно пало. И человѣкъ, который дотолѣ былъ земля и пепелъ, по вселеніи въ него Духа, пріялъ достоинство пророка, апостола, ангела Божія.

Но виднѣе и яснѣе будетъ, каковы силы и естество Духа, если размыслимъ, какъ содержитъ Онъ святыхъ и всякую разумную природу, и какъ управляетъ ими по Своему изволенію. Ибо Онъ даровалъ Себя всему множеству небесныхъ Силъ, и всему множеству праведниковъ. И между праведными, великими и малыми, ангелами и архангелами, освящается Имъ каждое недѣлимое. И хотя недѣлимыя бываютъ розно; и какъ тѣла находятся одно здѣсь, другое тамъ, такъ и другія силы имѣютъ между собою раздѣляющую ихъ среду; однако же Духъ нераздѣлимъ, и не часть Его, срастворенная съ каждыми недѣлимымъ, производитъ въ немъ божественную жизнь, но все живетъ всецѣлою Его силою; Духъ повсюду присущъ, уподобляясь посылающему Его Богу и въ бытіи и въ томъ, что вездѣ и во всѣхъ одинаково пребываетъ. И Гавріилъ, благовѣствующій Маріи, и другой кто нибудь благовѣствующій въ другомъ мѣстѣ кому либо изъ святыхъ, и каждый пророкъ пророчествующій, и Павелъ благовѣствующій въ Римѣ, а Іаковъ въ Іерусалимѣ, и Маркъ въ Александріи исполнены были Духомъ, и никакое разстояніе не препятствовало, чтобы въ то же время дѣйствовала въ нихъ та же благодать. И каждый изъ святыхъ чрезъ сіе есть богъ; ибо сказано имъ отъ Бога: „Азъ рѣхъ: бози есте и сынове Вышняго вси“ (Псал. 81, 6); и „Богъ боговъ“, очевидно, святыхъ, „Господь глагола“ (Псал. 49, 1); и: „явится Богъ боговъ“, то есть святыхъ, „въ Сіонѣ“ (Псал. 83, 8).

Необходимо же Тому, Кто въ богахъ виною, что они боги, быть Божескимъ Духомъ и Духомъ отъ Бога. Ибо какъ въ веществахъ горючихъ причинѣ, отъ которой они горючи, необходимо быть горючею, и какъ во святыхъ причинѣ, отъ которой они святы, необходимо быть святою; такъ и въ богахъ винѣ, отъ которой они боги, необходимо быть Богомъ.

Поелику же стяжаніе Духа въ такой мѣрѣ благо и божественно; то, увѣровавъ уже въ Него, не бойся взыскать Христа, Подателя Духа. Ибо „никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ“ (1 Кор. 12, 3).

И жизнь, которую Духъ даруетъ другому недѣлимому, не отлучается отъ Него, но какъ теплота огня и въ немъ пребываетъ и сообщается имъ водѣ, или чему либо подобному, такъ и Духъ въ Себѣ имѣетъ жизнь и причастники Его живутъ боголѣпно, стяжавъ жизнь божественную и небесную. Ибо въ Себѣ Самомъ содержитъ все безсмертное, всякій умъ.

всякаго Ангела, всякую душу, и по причинѣ благобытія не ищетъ премѣненія, ни прехожденія, потому что все имѣетъ Самъ въ Себѣ. Но не ищетъ и приращенія, какъ совершеннѣйшій. Поэтому и у Него все совершенное: „любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость“ (Гал. 5, 22), премудрость, разумъ, совѣтъ, безопасность, благочестіе, вѣдѣніе, святыня, искупленіе, вѣра, дѣйствія силъ, дарованія исцѣленій, и все тому подобное.—Духъ ничего не имѣетъ въ Себѣ пріобрѣтеннаго, но все имѣетъ вѣчно, какъ Духъ Божій, какъ отъ Бога явившійся, Его имѣющій виновникомъ, и Своимъ источникомъ, изъ котораго источается. Но Онъ и Самъ—источникъ исчисленныхъ выше благъ. Источающееся же изъ Бога, въ существѣ Божіемъ пребываетъ (ἐνυπόστατόν ἐστι); а изъ Него источаемыя блага суть дѣйствія Его.

Сего-то Духа Святаго обильно изліялъ на насъ Богъ чрезъ Іисуса Христа, изліялъ, а не сотворилъ; даровалъ, а не произвелъ; сообщилъ, а не создалъ. Въ семъ противоположеніи употребляю выраженія тождественныя, потому что тебѣ должно отвсюду имѣть для себя твердую опору. Кто научается симъ Духомъ, что говорить ему въ удовлетвореніе вопрошающихъ, тотъ называется наученнымъ отъ Бога у пророка, который сказалъ: и будутъ всѣ „научены Богомъ“ (Иса. 54, 13). Итакъ сей Божій Духъ обильно пребываетъ въ разумной душѣ, если она не хочетъ по нерадѣнію отступить отъ самой себя. А душа, приближающаяся къ Нему и дѣлающаяся съ Нимъ какъ бы единымъ, слышитъ: „прилѣпляяйся же Господеви единъ духъ есть“ (1 Кор. 6, 17). Ему слава. Аминь!

О СВЯТОМЪ ДУХѢ.

Къ святому Амфилохію, епископу иконійскому.

Глава I. Предисловіе, въ которомъ разсуждается, что изслѣдованія необходимы и въ наименѣе важныхъ частяхъ богословія.

Похвалилъ я твой навыкъ къ боговѣдѣнію и трудолюбію, чрезвычайно порадовался проницательному и трезвенному разсужденію, по которому полагаешь, что и одного реченія, произносимаго о Богѣ, гдѣ бы ни потребовалось о Немъ слово, не должно оставлять безъ изслѣдованія, о любезная и для меня всѣхъ досточестнѣйшая глава, братъ Амфилохій! Ибо, прекрасно внявъ Господню наставленію, что „всякъ просяй пріемлетъ, и ищай обрѣтаетъ“ (Лук. 11, 10), благоискуснымъ прошеніемъ, кажется, и самаго лѣниваго можешь ты возбудить къ участію. А болѣе дивлюсь въ тебѣ тому, что предлагаешь вопросы не для испытанія другихъ, какъ дѣлаютъ нынѣ многіе, но чтобы доискаться самой истины.

Правда, что много нынѣ людей, которые слушаютъ и выспрашиваютъ насъ; однако же очень трудно встрѣтить душу любовѣдущую, которая ищетъ истины къ уврачеванію невѣдѣнія. У многихъ вопросы, какъ охотничья сѣть и непріятельская засада, заключаютъ въ себѣ скрытый и хитро составленный обманъ. Они заводятъ рѣчи не съ намѣреніемъ пріобрѣсти изъ нихъ что нибудь полезное, но чтобы, какъ скоро найдутъ отвѣты несходственными съ своимъ желаніемъ, признать себя имѣющими въ этомъ справедливый предлогъ къ нападенію.

Но если „несмысленному вопросившу мудрость вмѣнится“ (Притч. 17, 28); то какую цѣну назначимъ „разумному послушателю“, который у пророка поставленъ на ряду „съ дивнымъ совѣтникомъ“ (Иса. 3, 3)? Конечно, справедливость требуетъ, какъ почтить всякимъ одобреніемъ, такъ вести его далѣе, соединившись съ нимъ въ ровности, и раздѣляя всѣ труды съ поспѣшающимъ къ совершенству.

Ибо не мимоходомъ выслушивать богословскія слова, но прилагать стараніе—въ каждомъ реченіи и въ каждомъ слогѣ открывать сокровенный смыслъ, есть дѣло не нерадивыхъ въ благочестіи, но знающихъ цѣль нашего призванія; потому что мы обязаны уподобляться Богу, сколько это возможно для естества человѣческаго; уподобленіе же невозможно безъ вѣдѣнія; и вѣдѣніе пріобрѣтается не безъ наставленій; начало же ученія—слово, и части слова—слоги и реченія; а поэтому разбирать и самые слоги не значитъ удаляться отъ цѣли. И если вопросы, какъ показалось бы иному, маловажны, то они поэтому не достойны еще презрѣнія, напротивъ того, поелику истина уловляется съ трудомъ, повсюду должны мы слѣдить за нею. Ибо ежели, какъ искусства, такъ и уразумѣніе благочестія, усовершаются чрезъ постепенныя приращенія; то вводимымъ въ познаніе ничѣмъ не должно пренебрегать. А кто проходитъ безъ вниманія первые начатки, какъ нѣчто маловажное; тотъ никогда не достигнетъ мудрости совершенныхъ. „Ей" и „ни" (Матѳ. 5, 38)—два слога; однако же въ сихъ краткихъ реченіяхъ не рѣдко заключчаются лучшее изъ благъ—истина, и крайній предѣлъ лукавства—ложь. И что еще говорю о семъ? Иный за одно мановеніе головою при свидѣтельствѣ о Христѣ признанъ уже исполнителемъ всего благочестія. А если это справедливо; то какое же богословское реченіе такъ маловажно, что оно, будетъ ли хорошо или нѣтъ, въ обоихъ случаяхъ не составитъ большаго вѣса? Если „отъ закона іота едина, или едина черта не прейдетъ" (Матѳ. 5, 18); то безопасно ли будетъ для насъ преступить и въ малости?

А то, о чемъ требовалъ ты нашего разсужденія, вмѣстѣ и мало и велико,—мало по краткости произносимаго (почему оно, можетъ быть, и легко оставляется безъ вниманія), но велико по силѣ означаемаго, на подобіе горчичнаго сѣмени, которое менѣе всякаго другаго сѣмени, произрастающаго кустарникъ, но когда приложено о немъ надлежащее попеченіе, съ развитіемъ сокрытой въ немъ силы, возрастаетъ до значительной высоты.

Если же кто, видя наше (употребляю выраженіе псалмопѣвца, Пс. 118, 85) „глумленіе" о слогахъ, посмѣется сему; то, пожавъ плодъ своего исмѣха, самъ пусть узнаетъ его безполезность. Но мы не оставимъ изслѣдованія, уступая людскимъ укоризнамъ и признавъ себя побѣжденными насмѣшкой. Я не только не стыжусь такихъ предметовъ, какъ маловажныхъ, но если, хотя въ малой мѣрѣ, приближусь къ ихъ достоинству, то самъ себя почту счастливымъ, какъ удостоившійся великаго, да и о потрудившемся со мною въ изслѣдованіи братѣ скажу, что для него въ этомъ не малое пріобрѣтеніе. Посему, хотя вижу, что за немногія реченія надобно выдержать весьма великую борьбу, однако же, въ надеждѣ на-

градъ, не уклоняюсь отъ труда, разсуждая, что слово и для меня самого будетъ плодоносно, и слушающимъ принесетъ достаточную пользу. По сей-то причинѣ, съ Самимъ, скажу такъ, Святымъ Духомъ приступаю къ изложенію. И если угодно тебѣ, чтобы утвердился я на пути слова, обращусь нѣсколько къ началу предлагаемаго вопроса.

Въ недавнемъ времени, когда молился я съ народомъ и славословіе Богу и Отцу заключалъ двояко, то словами: „съ Сыномъ и со Святымъ Духомъ", то словами: „чрезъ Сына во Святомъ Духѣ", нѣкоторые изъ присутствовавшихъ возстали противъ сего, говоря, что мною употреблены реченія странныя, и притомъ противорѣчащія одно другому. Ты же, всего болѣе для пользы этихъ самыхъ людей, а если они совершенно неисцѣльны, для безопасности встрѣчающихся съ ними, просилъ меня изложить ясное ученіе о силѣ, заключающейся въ слогахъ. Посему, конечно, долженъ я говорить кратко, по возможности давъ слову какое нибудь всѣми допускаемое начало.

Глава 2. Какое начало тому, что еретики обращаютъ вниманіе на слоги?

Мелочная внимательность сихъ людей къ слогамъ и реченіямъ не безъ хитрости, какъ подумалъ бы иный, и ведетъ не къ малому злу, но заключаетъ въ себѣ глубокій и прикровенный замыслъ противъ благочестія. Они стараются показать несходственость выраженій, употребляемыхъ объ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, чтобы имѣть въ этомъ удобное доказательство различія Ихъ и по естеству. Ибо у нихъ есть давнее лжеумствованіе, изобрѣтенное начальникомъ сей ереси, Аэтіемъ, который, въ одномъ изъ своихъ писемъ, выразился такъ: „не одинаковое по естеству выражается не одинаково; и на-оборотъ, не одинаково выражаемое не одинаково по естеству". И въ засвидѣтельствованіе сего положенія вовлекъ онъ Апостола, который говоритъ: „Единъ Богъ Отецъ, изъ Негоже вся; и единъ Господь Іисусъ Христосъ, Имже вся" (1 Кор. 8, 6). „Посему, утверждаетъ Аэтій, какъ относятся между собою сіи реченія, такъ должны относиться и означаемыя ими естества. Но реченіе: „Имже", не одинаково съ реченіемъ: „изъ Негоже"; слѣдовательно и Сынъ не одинаковъ съ Отцемъ". Отъ сего-то недуга произошло и глумленіе этихъ людей о предложенныхъ мною реченіяхъ. Отсего-то Богу и Отцу, какъ исключительное нѣкое наслѣдіе, присвояютъ реченіе: „изъ Него", а Сыну и Богу отдѣляютъ реченіе: „Имъ", Духу же Святому реченіе: „въ Немъ", и говорятъ, что сіе употребленіе слоговъ никогда не премѣняется, чтобы какъ сказано, изъ разности выраженій явствовала разность и естества. Но нельзя было имъ утаить, что сею тонкостію въ различеніи реченій ста-

*

раются подкрѣпить нечестивое ученіе. Ибо требуютъ, чтобъ реченіе: „изъ Него“, означало Зиждителя,реченіе же: „Имъ“—служителя, или орудіе, а реченіе: „въ Немъ“, показывало время или мѣсто, и чтобы Зиждитель всяческихъ представляемъ былъ ничѣмъ не досточестнѣе орудія, и Духъ Святый оказался подающимъ отъ Себя къ бытію существъ не болѣе того, что привноситъ мѣсто, или время.

Глава 3. О томъ, что сіе тонкое различеніе слоговъ заимствовано у внѣшней мудрости.

Въ этотъ обманъ ввела ихъ разборчивость писателей внѣшнихъ, у которыхъ реченія: „изъ Него“ и „Имъ“, усвоялись предметамъ отдѣльнымъ по естеству. Ибо сіи писатели думаютъ, что реченіемъ: „изъ Него“, обозначается вещество, а реченіемъ: „Имъ“, выражается орудіе, или вообще служебное дѣйствіе. Лучше же сказать (ибо что препятствуетъ, повторивъ все ученіе внѣшнихъ, кратко обличить несообразность съ истиною и несогласіе съ самими собою сихъ еретиковъ?), упражнявшіеся въ тщетной философіи, различно объясняя сущность причины, и общее ея понятіе дѣля на частныя значенія, говорятъ, что однѣ изъ причинъ суть первообразныя, другія—содѣйственныя или совиновныя, а иныя имѣютъ такое отношеніе къ произведенію, что не безъ нихъ оно бываетъ. Для каждой изъ сихъ причинъ опредѣляютъ они собственное свое выраженіе, такъ что иначе обозначается соорудитель, а иначе орудіе. Соорудителю, по ихъ мнѣнію, прилично выраженіе: „отъ него“; ибо въ собственномъ смыслѣ говорится, что скамья произошла отъ плотника. Орудію же прилично выраженіе: „имъ“; ибо говорятъ, что она сдѣлана топоромъ, буравомъ, и прочее. А подобнымъ образомъ выраженіе: „изъ него“, полагаютъ они собственно означающимъ вещество; ибо произведеніе плотника изъ дерева. Выраженіе же: „по немъ“, означаетъ или мысленный, или предложенный художнику, образецъ; потому что, или, предначертавъ въ умѣ построеваемое, представленіе сіе приводитъ въ исполненіе, или, смотря на предложенный ему образецъ, по его подобію располагаетъ свою работу [1]). Но выраженіе: „для него“, почитаютъ приличнымъ концу; потому что скамья дѣлается для употребленія людямъ. И выраженіе: „въ немъ“, указываетъ на время или мѣсто; ибо когда скамья сдѣлана?—въ такое-то время. И гдѣ—въ такомъ-то мѣстѣ. А время и мѣсто, хотя ни мало не участвуютъ въ произведеніи, однако же таковы, что безъ нихъ ничто произведено быть не можетъ; потому что дѣйствующимъ нужны и мѣсто и время.

---

[1]) Ἐργασίαν; по другому чтенію: ἐνέργειαν (дѣятельность).

Симъ-то наблюденіемъ суесловія и „тщетной лести“ научась и дивясь, еретики переносятъ ихъ въ простое и нехитрословное ученіе Духа, къ уничиженію Бога Слова, и къ отрицанію Святаго Духа. И реченіе, которое у внѣшнихъ писателей отдѣлено на означеніе неодушевленныхъ орудій, или служенія подчиненнаго и совершенно низкаго, разумѣю реченіе: „имъ“, они не затруднились приложить къ Владыкѣ всяческихъ, и будучи христіанами, не постыдились Зиждителю твари усвоить реченіе, употребляемое о пилѣ или молотѣ.

Глава 4. О томъ, что въ писаніи употребленіе сихъ слоговъ не выдерживается строго.

А мы признаемся, что и слово истины не рѣдко употребляетъ сіи реченія; впрочемъ утверждаемъ, что свобода Духа ни мало не порабощается ограниченностью внѣшнихъ, но, сообразжаясь съ каждымъ новымъ случаемъ, измѣняетъ выраженія соотвѣтственно потребности.

Ибо реченіе: „изъ него“, не означаетъ непремѣнно вещества, какъ думаютъ внѣшніе; напротивъ того Писанію обычнѣе употреблять сіе реченіе о высочайшей Причинѣ; какъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: „единъ Богъ, изъ Негоже вся“. И еще: „вся же (ἐκ τȣ θεȣ) отъ Бога“ (1 Кор. 11, 12). Однако же слово истины употребляетъ сіе реченіе не рѣдко и о веществѣ, напримѣръ, когда говоритъ: „сотвори ковчегъ отъ (ἐκ) древъ негніющихъ“ (Быт. 6, 14). И: „да сотвориши свѣтильникъ отъ (ἐκ) злата чиста“ (Исх. 25, 31). И: „первый человѣкъ отъ (ἐκ) земли перстенъ“ (1 Кор. 15, 17). И: „отъ (ἐκ) бренія сотворенъ еси ты, якоже и азъ“ (Іов. 23, 6).

Но еретики, какъ замѣтили мы, чтобы показать разность естества, хотя поводъ къ различенію заимствовали у внѣшнихъ, однако же, не во всемъ съ точностію имъ раболѣпствуя, узаконили, что реченіе сіе прилично одному Отцу; напротивъ того Сыну, по законоположенію внѣшнихъ, присвоили наименованіе орудія, и Духу—мѣста (ибо говорятъ: „въ Духѣ“, и также говорятъ: „Сыномъ“). Богу же усвоили реченіе: „изъ Него“, послѣдуя въ этомъ не чуждымъ, но перейдя, какъ сами говорятъ, къ апостольскому словоупотребленію; потому что сказано: „изъ Негоже вы есте о Христѣ Іисусѣ“ (1 Кор. 1, 30). И: „вся же отъ (ἐκ) Бога“.

Посему какое заключеніе выводится изъ сего тонкаго различенія? То, что иное естество причины, иное—орудія, и иное—мѣста; слѣдовательно Сынъ по естеству чуждъ Отцу, какъ и орудіе чуждо художнику; чуждъ и Духъ, поколику время или мѣсто отдѣльны отъ естества орудій или отъ естества дѣйствующихъ орудіями.

Глава 5. О томъ, что и объ Отцѣ говорится: „Имъ“ и о Сынѣ: „изъ него“, также и о „Духѣ“.

Таковы разсужденія еретиковъ; и мы докажемъ сказанное выше, именно же, что не справедливо, будто бы Отецъ, взявъ для Себя реченіе: „изъ Него“, повергъ Сыну реченіе: „Имъ“, и опять, будто бы Сынъ, по узаконенію еретиковъ, не пріемлетъ Духа Святаго въ общеніе реченій: „изъ Него“, или: „Имъ“, какъ распредѣлено по новому ихъ раздѣлу.

„Единъ Богъ и Отецъ, изъ Негоже вся: и единъ Господь Іисусъ Христосъ, Имже вся“. Это—слова не законъ дающаго, но различающаго Ѵпостаси. Апостолъ произнесъ сіе не для того, чтобы ввести мысль о различіи естества, но чтобы понятіе объ Отцѣ и Сынѣ представить неслитнымъ.

А что сіи реченія не противоположны одно другому, и, подобно поставленнымъ въ сопротивные ряды для битвы, не вводятъ съ собою въ противоборство и самыхъ естествъ, къ которымъ приданы, сіе видно изъ слѣдующаго. Блаженный Павелъ совокупилъ оба реченія объ одномъ и томъ же подлежащемъ, сказавъ: „яко изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ всяческая“ (Рим. 11, 36). И что сіе мѣсто очевиднымъ образомъ относится къ Господу, скажетъ всякій, хотя нѣсколько вникнувшій въ намѣреніе сего изреченія. Ибо Апостолъ, предпоставивъ (35) слова изъ Исаіи пророка: „кто уразумѣ умъ Господень? или кто совѣтникъ Ему бысть?“—присовокупилъ: „яко изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ всяческая“. У пророка же сказано сіе о Богѣ Словѣ, Зиждителѣ всея твари. Это можешь узнать изъ предыдущихъ его словъ. „Кто измѣри горстію воду, и небо пядію, и всю землю горстію? кто постави горы въ мѣрилѣ, и холмы въ вѣсѣ? кто уразумѣ умъ Господень, и кто совѣтникъ Ему бысть“. (Иса. 40, 12. 13)? Слово: „кто“ означаетъ здѣсь не вовсе невозможное, но рѣдкое, какъ въ изреченіи: „кто востанетъ ми на лукавнующыя“ (Псал. 93, 16)? И: „кто есть человѣкъ хотяй животъ“ (Пс. 33, 13)? И: „кто взыдетъ на гору Господню“ (Пс. 23, 3)? Такъ, конечно, сказано и здѣсь: кто увѣдавшій умъ Господень, и кто сообщникъ Его совѣта?—Отецъ бо любитъ Сына, и вся показуетъ Ему? (Іоан. 5, 20). Тотъ содержитъ землю, и объялъ ее горстію. Кто все привелъ въ порядокъ и благоустройство, Кто далъ горамъ равновѣсіе, назначилъ водамъ мѣру, каждой вещи, находящейся въ мірѣ, опредѣлилъ собственный ея чинъ; Кто цѣлое небо объемлетъ малою частію всецѣлой Своей силы, что пророческое слово и наименовало иносказательно „пядію“. Посему кстати присовокупилъ Апостолъ: „изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ (εἰς αὐτὸν) всяческая“. Ибо „изъ Него“, по волѣ Бога и Отца, причина бытія существъ. „Имъ“ всѣ существа пребываютъ и

составляются, поколику Творецъ каждой твари удѣляетъ все нужное и къ ея сохраненію. А посему, конечно, все возвращается къ Нему (εἰς αὐτὸν), съ какимъ-то неудержимымъ желаніемъ и съ какою-то неизреченною любовію, стремясь къ Начальнику и Снабдителю жизни, по написанному: „очи всѣхъ на Тя уповаютъ“ (Псал. 144, 15). И еще: „вся къ Тебѣ чаютъ“ (Псал. 103, 27). И: „отверзаеши Ты руку Твою, и исполняеши всяко животно благоволенія“ (Псал. 144, 16).

Если же еретики противятся сему нашему изъясненію, то спасаетъ ли ихъ какое умствованіе отъ явнаго противорѣчія себѣ самимъ? Ибо если не согласятся, что сіи три реченія: „изъ Того, Тѣмъ и въ Немъ“, сказаны о Господѣ; то по всей необходимости должны присвоить ихъ Богу и Отцу. А вслѣдствіе сего главнымъ образомъ подорвется ихъ различеніе. Ибо открывается, что не только реченіе: „изъ Него“, но и реченіе: „Имъ“, прилагается къ Отцу. Если же послѣднее изъ сихъ реченій не означаетъ ничего унизительнаго; почему отдѣляютъ опое Сыну, какъ нѣчто низшее? А если оно непремѣнно выражаетъ служебность; то пусть отвѣчаютъ; у какого князя служителемъ Богъ славы и Отецъ Іисуса Христа? Такъ они сами себя низлагаютъ; а наша крѣпость соблюдется въ томъ и другомъ случаѣ. Ибо, если превозможетъ мысль, что слово идетъ о Сынѣ; то найдется, что реченіе: „изъ Того“, приличествуетъ Сыну. А если кто пророческое сіе изреченіе упорно будетъ относить къ Богу; то опять согласится, что реченіе: „Тѣмъ“, прилично Богу, и оба реченія будутъ имѣть равное достоинство; потому что въ равной силѣ употреблены о Богѣ. И въ томъ и другомъ случаѣ реченія сіи окажутся одно съ другимъ равночестными, какъ употребляемыя объ одномъ и томъ же Лицѣ. Но возвратимся къ своему предмету.

Апостолъ, пиша къ Ефесеямъ, говоритъ: „истинствующе же въ любви, да возрастимъ въ Него всяческая, иже есть глава Христосъ, изъ Негоже все тѣло составляемо и счинѣваемо приличнѣ, всяцѣмъ осязаніемъ подаянія, по дѣйству въ мѣру единыя коеяждо части, возращеніе тѣла творитъ“ (Еф. 4, 15. 16). И еще, въ посланіи къ Колоссянамъ, сказано не имѣющимъ познанія объ Единородномъ: „не держа главы“ (то есть Христа), „изъ неяже все тѣло составы и союзы подаемо, раститъ возращеніе Божіе“ (Кол. 2, 19). А что глава Церкви—Христосъ, знаемъ изъ другаго мѣста у Апостола, который говоритъ: „и Того даде главу выше всѣхъ Церкви“ (Еф. 2, 22). И: „отъ (ἐκ) исполненія Его мы вси пріяхомъ“ (Іоан. 1, 16). И Самъ Господь говоритъ: „яко отъ (ἐκ) Моего пріиметъ, и возвѣститъ вамъ“ (Іоан. 16, 14). И вообще, внимательно читающему откроются различныя употребленія сего реченія: „изъ Него“. Ибо и Господь говоритъ: „чухъ силу исшедшую изъ Мене“ (Лук. 8, 46).

Но подобно сему и о Духѣ, какъ примѣчаемъ, во многихъ мѣстахъ употреблено реченіе: „изъ Него". Ибо сказано: „сѣяй въ Духѣ, отъ (ἐκ) Духа пожнетъ животъ вѣчный" (Гал. 6, 8). И Іоаннъ говоритъ: „о семъ разумѣемъ, яко въ насъ пребываетъ, отъ (ἐκ) Духа, Егоже далъ есть намъ" (1 Іоан. 3, 24). И Ангелъ говоритъ: „Рождшееся бо въ ней отъ (ἐκ) Духа есть Свята" (Матѳ. 1, 20). И Господь сказалъ: „рожденное отъ (ἐκ) Духа духъ есть" (Іоан. 3, 6). Таково употребленіе сего реченія.

Но остается показать, что Писаніе и реченіе: „Имъ", одинаково употребляетъ объ Отцѣ, и Сынѣ, и Святомъ Духѣ. Конечно, приводить на сіе свидѣтельства о Сынѣ было бы лишнимъ дѣломъ, потому что сіе извѣстно, да и противники то же самое доказываютъ. Но покажемъ, что и объ Отцѣ употреблено реченіе: „Имъ" (δι' οὗ). Сказано: „вѣренъ Богъ, Имже звани бысте въ общеніе Сына Его" (1 Кор. 1, 9). И: „Павелъ посланникъ Іисусъ Христовъ волею (διὰ θελήματος) Божіею" (2 Кор. 1, 1). И еще: „тѣмже уже нѣси рабъ, но сынъ: аще ли же сынъ, и наслѣдникъ Богомъ" ¹) (Гал. 4, 7). И: „якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою (διὰ τῆς δόξης) Отчею" (Рим. 6, 4). И Исаія говоритъ: „горе творящимъ глубоко совѣтъ, а не Господемъ" (Иса. 29, 15).

Можно представить многія свидѣтельства, что реченіе сіе употребляется и о Духѣ. Сказано: „намъ же Богъ открылъ есть Духомъ" (1 Кор. 2, 10). И въ другомъ мѣстѣ: „доброе завѣщаніе соблюди Духомъ Святымъ" (2 Тим. 1, 14). И еще: „овому бо Духомъ дается слово премудрости" (1 Кор. 12, 8).

А то же самое можетъ сказать и о слогѣ: „въ (ἐν)", а именно, что Писаніе допускаетъ употребленіе сего слова и о Богѣ Отцѣ. Такъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ сказано: „о (ἐν) Бозѣ сотворимъ силу" (Псал. 107, 14). И: „о (ἐν) Тебѣ пѣніе мое выну" (Псал. 70, 7). И еще: „о (ἐν) имени Твоемъ возрадуюся" (Псал. 88, 17). И у Павла сказано: „въ Бозѣ создавшемъ всяческая" (Еф. 3, 9). И: „Павелъ и Силуанъ и Тимоѳей, церкви солунстѣй о (ἐν) Бозѣ Отцѣ" (2 Сол. 1, 1). И: „аще убо когда поспѣшенъ буду волею (ἐν τῷ θελήματι) Божіею пріити къ вамъ" (Рим. 1, 70). И: „хвалишися", говоритъ, „о (ἐν) Бозѣ" (Рим. 2, 17). Много и другихъ мѣстъ, которыя не легко перечислить.

Но для насъ важно показать не множество свидѣтельствъ, а изобличить, что еретики неосновательно дѣлаютъ такія различенія. И что употребленіе сего слога принято въ Писаніи о Господѣ или о Святомъ Духѣ, сего, какъ извѣстнаго, не стану доказывать. Нужно же сказать то, что для разумнаго слушателя достаточнымъ будетъ опроверженіе еретиче-

¹) Διὰ Θεοῦ. Въ нынѣшнихъ изданіяхъ читается: κληρονόμος Θεοῦ διὰ Χριστοῦ: наслѣдникъ Божій Христомъ.

скаго положенія, взятое отъ противнаго. Ибо, если, по разсужденію еретиковъ, разность выраженія доказываетъ различіе естества; то пусть теперь тождество реченій заставитъ ихъ со стыдомъ исповѣдать неразличную сущность.

Но не только въ богословіи разнообразно употребленіе сихъ реченій; они не рѣдко мѣняются даже между собою и значеніемъ, когда одно принимаетъ значеніе другаго. Напримѣръ: „стяжахъ человѣка Богомъ" (Быт. 4, 1), говоритъ Адамъ, вмѣсто того, чтобы сказать: отъ Бога. И въ другомъ мѣстѣ: „елика заповѣда Моисей Израилю по (διά) повелѣнію Господню" (Чис. 36, 5). И еще: „еда не Богомъ изъявленіе ихъ есть" (Быт. 40, 9)?—говоритъ Іосифъ, разсуждая о снахъ съ заключенными въ темницѣ; и очевидно, вмѣсто того, чтобы сказать: „отъ Бога", сказалъ онъ: „Богомъ". А наоборотъ, Павелъ употребляетъ реченіе: „отъ Него (ἐξ οὗ)" вмѣсто реченія: „Имъ (δἰ οὗ)", когда говоритъ такъ: „рождаемый отъ (ἐκ) жены" (Гал. 4, 4), вмѣсто: „женою". Ибо въ другомъ мѣстѣ ясно различилъ сіе, сказавъ, что женѣ свойственно раждаться отъ мужа, а мужу—женою. „Якоже бо жена отъ мужа, сице мужъ женою" (1 Кор. 11, 12). Впрочемъ здѣсь, какъ показывая различіе употребленія, такъ вмѣстѣ исправляя мимоходомъ погрѣшительное мнѣніе думавшихъ, что тѣло Господне духовно, въ доказательство того, что богоносная плоть составилась изъ нашего смѣшенія, Апостолъ предпочелъ реченіе болѣе выразительное (ибо слово: „женою", выражало бы переходное понятіе рожденія, а реченіе: „отъ жены", достаточно показываетъ общеніе естества у рожденнаго съ рождающею). И въ этомъ не противорѣчитъ онъ самъ себѣ, а даетъ только видѣть, что реченія сіи легко могутъ уступать мѣсто одно другому. А если о чемъ опредѣлено говорить въ собственномъ смыслѣ: „имъ", о томъ самомъ употребляется: „отъ него"; то какое основаніе, къ клеветѣ на благочестіе, рѣшительно раздѣлять между собою реченія?

Глава 6. Отвѣтъ утверждающимъ, что Сынъ не со Отцемъ, но послѣ Отца; гдѣ разсуждается и о равночестіи славы.

И конечно нельзя прибѣгнуть къ извиненію себя невѣдѣніемъ, когда приступаютъ къ слову съ такою хитростію и злонамѣренностію явно негодующіе на насъ за то, что вмѣстѣ съ Отцемъ совершаемъ славословіе Единородному, и Святаго Духа не отдѣляемъ отъ Сына. И за сіе какъ они не называютъ насъ! новодѣлами, нововводителями, изобрѣтателями словъ, и другими укоризненными именами? Но не только не огорчаюсь я ихъ злословіемъ, а напротивъ того, если бы собственный ихъ вредъ не причинялъ мнѣ скорби и непрестающей болѣзни, готовъ бы сказать, что

благодаренъ имъ за хулы, которыми споспѣшествуютъ моему блаженству. Ибо сказано: „блажени есте, егда поносятъ вамъ Мене ради“ (Матѳ. 5, 11).

Но вотъ за что они гнѣваются. „Сынъ, говорятъ, не со Отцемъ, но послѣ Отца; поэтому „Имъ“, а не „съ Нимъ“ должно возносить славу Отцу. Ибо реченіе: „съ Нимъ“, выражаетъ равночестіе, а реченіе: „Имъ“, показываетъ служебное дѣйствіе. Но и Духа, говорятъ, должно ставить не наряду со Отцемъ и Сыномъ, а ниже Сына и Отца, какъ не единочиновнаго, но подчиненнаго, не купночислимаго, но подчисляемаго“. И подобными симъ тонкостями въ составленіи реченій искажаютъ они простоту и безъискусственность вѣры.

Посему могутъ ли извиняться неопытностію такіе люди, которые своею пытливостію не позволяютъ и другимъ оставаться въ неопытности?

Но мы прежде всего спросимъ ихъ о томъ, на какомъ основаніи говорятъ, что Сынъ послѣ Отца? какъ младшій ли по времени, или по чину, или по достоинству?

Но никто не будетъ столько безсмысленъ, чтобы сталъ утверждать, что Творецъ вѣковъ есть вторый по времени, когда нѣтъ никакого разстоянія, посредствующаго въ естественномъ единеніи Сына съ Отцемъ. Да и съ человѣческимъ понятіемъ несообразно утверждать, что Сынъ моложе Отца, не только потому, что Отецъ и Сынъ умопредставляются во взаимномъ между Собою отношеніи, но и потому, что вторымъ по времени называется, что имѣетъ меньшее разстояніе отъ настоящаго времени, и первымъ опять, что далѣе отстоитъ отъ настоящаго времени. Напримѣръ: бывшее при Ноѣ старѣе случившагося съ Содомлянами, потому что болѣе удалено отъ нынѣшняго времени, и послѣднее позднѣе перваго, потому что кажется какъ бы болѣе близкимъ къ настоящему. Но бытіе Жизни, превосходящей всякое время и всѣ вѣки, измѣрять разстояніемъ отъ настоящаго, не будетъ ли не только нечестиво, но и сверхъ всякой мѣры неразумно, если только представить, что, какимъ образомъ говорится о вещахъ, имѣющихъ начало бытія и тлѣнныхъ, что онѣ одна другой прежде, такимъ же образомъ Богъ и Отецъ, сравниваемый съ Сыномъ и Богомъ, сущимъ прежде вѣковъ, превосходитъ Его? Напротивъ того, такое превосходство Отца въ отношеніи къ старѣйшинству неудобомыслимо; потому что ни размышленіе, ни понятіе никакъ не простираются далѣе рожденія Господа, послѣ того, какъ Іоаннъ прекрасно двумя словами заключилъ разумѣніе въ описанныхъ предѣлахъ, сказавъ: „въ началѣ бѣ Слово“. Ибо сіе: „бѣ“, неисходно для мышленія, и начало непреступно для представленій. Сколько ни углубляйся мыслію въ давнее, не выйдешь изъ сего: „бѣ“; и сколько ни усиливайся увидѣть,

что первоначальнѣе Сына, не возможешь стать выше Начала. А на семъ основании благочестиво представлять себѣ Сына вмѣстѣ съ Отцемъ.

Если же представляютъ они какое-то пониженіе Сына предъ Отцемъ въ отношеніи къ мѣсту, такъ что Отецъ возсѣдаетъ выше, а Сынъ по порядку занимаетъ низшее мѣсто: то пусть признаются въ этомъ, и мы умолкнемъ; потому что несообразность видна сама собою. Ибо не соблюдаютъ послѣдовательности въ сужденіяхъ тѣ, которые не приписываютъ Отцу вездѣсущія, когда здравый разумъ вѣритъ, что Богъ все наполняетъ. И сказаннаго пророкомъ: „аще взыду на небо, Ты тамо еси; аще сниду во адъ, тамо еси“ (Пс. 138, 8), не помнятъ тѣ, которые между Отцемъ и Сыномъ дѣлятъ верхъ и низъ. Но не буду ничего говорить въ обличеніе невѣжества приписывающихъ мѣсто Безплотному.

Ихъ безстыдству, съ какимъ возстаютъ противъ Писанія и противятся ему, поможетъ ли сколько нибудь сказанное: „сѣди одесную Мене“ (Пс. 109, 1), и: „сѣди одесную величествія Божія“ (Евр. 1, 3)? Слово „одесную“ означаетъ не низшее мѣсто (какъ понимаютъ они), но отношеніе къ равному; потому что понятіе деснаго берется не чувственно (иначе у Бога было бы и шуее); а напротивъ того, Писаніе почетнымъ именованіемъ присѣденія выражаетъ великолѣпіе чести Сыну.

Итакъ остается имъ сказать, что симъ реченіемъ означается нисшая степень достоинства. Посему да знаютъ, что Христосъ есть „Божія сила и Божія премудрость“ (1 Кор. 1, 24). что Онъ „есть образъ Бога невидимаго“ (Кол. 1, 15), и „сіяніе славы“ (Евр. 1, 3), и что Его напечатлѣлъ Богъ Отецъ, всецѣло изобразивъ въ Немъ Себя.

Ужели же скажемъ, что уничижительны сіи и другія, сродныя съ ними, свидѣтельства, какія только есть въ цѣломъ Писаніи? Или сознаемся, что это суть какъ бы нѣкія провозглашенія, которыми возвѣщается великолѣпіе Единороднаго и равенство славы Его съ Отцемъ? Да услышатъ же, какъ Самъ Господь ясно изображаетъ равночестную славу Сына съ Отцемъ, когда говоритъ: „видѣвый Мене видѣ Отца“ (Іоан. 14, 9). И еще: „егда пріидетъ“ Сынъ „во славѣ Отца“ (Марк. 8, 38). И: „да чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца“ (Іоан. 5, 23). И: „видѣхомъ славу Его, яко славу Единороднаго отъ Отца“ (Іоан. 1, 14). И: „Единородный Богъ [1]), сый въ лонѣ Отчи“ (18). Еретики, ни мало не разсуждая о семъ, назначаютъ Сыну мѣсто, опредѣленное врагамъ. Ибо Отчее лоно—вотъ сѣденіе приличное Сыну: а подножіе—мѣсто для тѣхъ, кого нужно унизить.

Мы коснулись сихъ свидѣтельствъ мимоходомъ, потому что имѣемъ въ виду другую цѣль; но ты, собравъ на досугѣ доказательства, самъ

---

[1]) По обыкновенному чтенію сего мѣста: „Единородный Сынъ“.

можешь видѣть высоту славы и превосходство силы Единороднаго. Впрочемъ для благомыслящаго слушателя не маловажны и приведенныя свидѣтельства, если только не разумѣетъ кто плотскимъ и низкимъ образомъ словъ: „одесную“ и „лоно“, не описываетъ Бога мѣстомъ, не вымышляетъ для Него тѣлеснаго очертанія, образа и положенія; что весьма несходно съ понятіемъ простаго, безпредѣльнаго и безплотнаго. Не говорю уже о томъ, что такое понятіе равно низко и для Отца и для Сына. Почему разсуждающій подобнымъ образомъ не только унижаетъ достоинство Сына, но впадаетъ въ грѣхъ богохульства. Ибо что осмѣлится сказать онъ противъ Сына, то же самое необходимо ему приложить и къ Отцу. Кто даетъ Отцу для предсѣдательства высшее мѣсто, объ Единородномъ же Сынѣ говоритъ, что Онъ сѣдитъ ниже, у того слѣдствіемъ такого построенія ума будутъ всѣ тѣлесныя принадлежности.

А если такія представленія свойственны людямъ, у которыхъ умъ помутился отъ вина и разстроенъ помѣшательствомъ; то благочестиво ли будетъ, чтобы и по естеству и по славѣ и по достоинству Соединеннаго со Отцемъ не вмѣстѣ съ Отцемъ чествовали поклоненіемъ и славословили тѣ, которые научены Имъ Самимъ, что „иже не чтитъ Сына, не чтитъ Отца“ (Іоан. 5, 23)? Ибо что скажемъ? какое справедливое оправданіе будемъ имѣть для себя на страшномъ и общемъ для всей твари судѣ, если послѣ того, какъ Господь ясно возвѣстилъ, что пріидетъ „во славѣ Отца“ (Матѳ. 16, 27), и Стефанъ видѣлъ „Іисуса стояща одесную Бога“ (Дѣян. 7, 55), и Павелъ Духомъ засвидѣтельствовалъ о Христѣ, что Онъ „есть одесную Бога“ (Рим. 8, 34), и Отецъ говоритъ: „сѣди одесную Мене“ (Псал. 109, 1), и Святый Духъ свидѣтельствуетъ, что „сѣде одесную величествія Божія“ (евр. 8, 1), мы Сопрестольнаго и Равночестнаго низведемъ на низшую степень изъ состоянія равенства? Ибо думаю, что состояніемъ и сѣденіемъ выражается неколеблемость и совершенное постоянство естества, какъ и Варухъ, показывая неподвижность и непреложность Божія пребыванія, сказалъ: „Ты пребываяй во вѣкъ, мы же погибающіи во вѣкъ“ (Вар. 3, 3). А десною страною означается равночестіе достоинства. Какъ же не дерзко—лишать Сына общенія въ славословіи, какъ будто Онъ достоинъ быть поставленнымъ на низшей степени чести?

Глава 7. Отвѣтъ утверждающимъ, что о Сынѣ прилично говорить не: съ Нимъ, а: съ Имъ.

Но они утверждаютъ, что „говорить: „съ Нимъ“, совершенно странно и необычайно; реченіе же: „Имъ“, и слову Писанія есть самое свойственное, и въ употребленіи у братіи затверженное“. Что же скажемъ

имъ на сіе?—Блаженны уши, которыя не слушали васъ, и блаженны сердца, которыя спаслись неуязвленными отъ вашихъ ученій!

А вамъ христолюбцамъ скажу, что Церкви извѣстно то и другое словоупотребленіе, и что она ни котораго изъ нихъ не отмещетъ, какъ исключающаго другое. Ибо, когда беремъ въ разсмотрѣніе величіе естества въ Единородномъ и превосходство Его достоинства; тогда свидѣтельствуемъ, что имѣетъ Онъ славу „со Отцемъ". А когда представляемъ себѣ, что Онъ подаетъ намъ блага, и насъ самихъ приводитъ къ Богу, и дѣлаетъ Ему своими; тогда исповѣдуемъ, что благодать сія совершается „Имъ" и „въ Немъ". Посему реченіе: „съ Нимъ", свойственно славословящимъ; а реченіе: „Имъ", по преимуществу прилично благодарящимъ.

Но ложно и то, чтобы реченіе: „съ Нимъ", устранено было изъ употребленія благоговѣйныхъ. Ибо реченіе сіе употребляютъ и въ селахъ и въ городахъ всѣ тѣ, которые, твердо держась своихъ обычаевъ, почтенную древность предпочли новизнамъ, и преданіе отцевъ соблюли неповрежденнымъ. А которые наскучили обыкновеннымъ, и возстали противъ древняго, какъ противъ устарѣвшаго, тѣ ухватились за нововведенія, какъ и любители нарядовъ всегда предпочитаютъ одежду новаго покроя общеупотребительной. У сельскихъ жителей и доселѣ найдешь издревле употребительное реченіе: а у сихъ искусниковъ, ввыкшихъ въ словопренія, слова выкованы по новой мудрости. Посему, что говорили отцы наши, то говоримъ и мы; то есть, общая слава Отцу и Сыну; почему вмѣстѣ съ Сыномъ приносимъ славословіе Отцу.

Но не то удовлетворяетъ насъ, что таково преданіе отцевъ; ибо и отцы слѣдовали намѣренію Писанія, взявъ за основаніе свидѣтельства, которыя не задолго предъ симъ привели мы вамъ изъ Писанія. Ибо сіяніе представляется въ мысляхъ вмѣстѣ со славою, и образъ—вмѣстѣ съ Первообразомъ, и Сынъ необходимо—со Отцемъ; потому что ни послѣдовательная связь именъ, ни естество именуемыхъ не допускаютъ никакого разлученія.

Глава 8. Въ какихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто реченіе: Имъ, и въ какомъ понятіи оно свойственнѣе реченія: съ Нимъ: а вмѣстѣ толкованіе на то, какъ Сынъ пріемлетъ заповѣдь, и какъ Онъ посылается.

Посему Апостолъ, когда „благодаритъ Бога Іисусомъ Христомъ" (Рим. 1, 8), и также говоритъ, что „Имъ пріялъ благодать и апостольство въ послушаніе вѣры во всѣхъ языцѣхъ" (5), или что „Имъ приведеніе обрѣтохомъ во благодать сію, въ нейже стоимъ и хвалимся" (5, 2), тогда изображаетъ благодѣянія намъ Христовы, поколику Христосъ,

то Самъ изливаетъ на насъ отъ Отца благодать даровъ, то приводитъ насъ Собою къ Отцу. Ибо словами: „Имъ приняли мы благодать и апостольство“, выражаетъ даяніе благъ отъ Него; а словами: „приведеніе обрѣтохомъ“, изображаетъ наше воспріятіе и присвоеніе Богу, совершенное Христомъ. Посему исповѣданіе благодати, Имъ въ насъ совершаемой, ужели служитъ къ умаленію славы? Или справедливѣе будетъ сказать, что описаніе благодѣяній есть приличное содержаніе славословія?

Поэтому находимъ, что Писаніе, говоря намъ о Господѣ, даетъ Ему не одно имя, и не тѣ одни имена, которыми означается только Его Божество и величіе. Но иногда употребляетъ наименованія, показывающія отличительные признаки естества; ибо знаетъ имя Сына, „еже паче всякаго имени“ (Фил. 2, 9), именуетъ Его „истиннымъ Сыномъ“ (1 Іоан. 5, 20), „Единороднымъ Богомъ“ (Іоан. 1, 18), „силою Божіею и премудростію“ (1 Кор. 1, 24) и „Словомъ“ (Іоан. 1, 1). И опять, по причинѣ многообразныхъ намъ даровъ благодати, какіе отъ богатства благости, по многоразличной Своей премудрости, подаетъ требующимъ, Писаніе обозначаетъ Его тысячами другихъ именованій, называя то Пастыремъ, то Царемъ, и также Врачемъ, и Его же именуя Женихомъ, Путемъ, Дверью, Источникомъ, Хлѣбомъ, Сѣкирою, Камнемъ. Ибо сіи именованія означаютъ не естество, но, какъ сказалъ я, различные образы дѣйствованія, какіе, по милосердію къ собственному Своему созданію, являетъ требующимъ, по свойству ихъ нужды. Ибо тѣхъ, которые прибѣгли къ Его заступленію, и чрезъ терпѣніе преуспѣли въ любообщительности, называетъ Онъ овцами, а Себя признаетъ Пастыремъ таковыхъ овецъ, слушающихъ Его голоса и не внимающихъ ученіямъ страннымъ; ибо говоритъ: „овцы гласа Моего слушаютъ“ (Іоан. 10, 27). А Царемъ называется для тѣхъ, которые взошли уже высоко, и имѣютъ нужду въ законномъ управленіи. Называется Дверью, потому что правотою Своихъ заповѣдей приводитъ къ дѣламъ достославнымъ, а также безопасно вводитъ во дворъ Свой тѣхъ, которые чрезъ вѣру въ Него прибѣгли ко благу вѣдѣнія. Почему и сказано: „Мною аще кто внидетъ, и внидетъ и изъидетъ и пажить обрящетъ“ (Іоан. 10, 9). Называется Камнемъ, какъ охраненіе для вѣрныхъ крѣпкое, незыблимое и неколебимѣйшее всякаго оплота.

И въ сихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, называется Дверью или Путемъ, самое приличное и благознаменательное употребленіе даютъ реченію: „Имъ“. Впрочемъ, какъ Богъ и Сынъ, имѣетъ Онъ славу купно со Отцемъ (μετὰ πατρὸς καὶ σὺν πατρὶ)“; потому что „о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ: и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога

Отца“ (Фил. 2, 10. 11). По сей-то причинѣ употребляемъ оба реченія, однимъ возвѣщая собственную Его славу, а другимъ—даруемую намъ благодать. Ибо Имъ подается всякая помощь душамъ, соотвѣтственно каждому роду попеченія измышлено какое нибудь отличительное наименованіе. Ибо, когда неукоризненную душу, „не имущу скверны или порока, представитъ Себѣ“ (Еф. 5, 27), какъ чистую дѣву, именуется Женихомъ; а когда пріемлетъ душу, изъявленную жестокими ранами отъ діавола, и исцѣляетъ ее отъ тяжкаго грѣховнаго недуга, тогда называется Врачемъ.

Ужели же таковыя попеченія о насъ приводятъ наше помышленіе къ чему либо низкому? или напротивъ того, производятъ въ насъ удивленіе къ великому могуществу и вмѣстѣ къ человѣколюбію Спасающаго, потому что Онъ, и благоволилъ „спострадати немощемъ нашимъ“, и возмогъ снизойдти до самой нашей немощи? Ибо превосходство крѣпости доказываютъ не столько небо, и земля, и обширность морей, и животныя, живущія въ водахъ и на сушѣ, и растенія, и звѣзды, и воздухъ, и времена года, и разнообразное украшеніе вселенной, сколько то, что невмѣстимый Богъ могъ чрезъ плоть безстрастно вступить въ борьбу съ смертію, чтобы собственнымъ Своимъ страданіемъ даровать намъ безстрастіе.

А если Апостолъ говоритъ, что „во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за (διὰ) Возлюбльшаго ны“ (Рим. 8, 37); то симъ выраженіемъ даетъ разумѣть не низкое какое нибудь служеніе, а помощь подаваемую въ державѣ крѣпости. Ибо Самъ, „связавъ крѣпкаго, расхитилъ его сосуды“ (Матѳ. 12, 29), то есть насъ, которыхъ крѣпкій употреблялъ на всякое лукавое дѣйствіе, и Самъ содѣлалъ насъ сосудами „благопотребными Владыцѣ“. чрезъ уготовленіе того, что зависитъ отъ насъ, на „всякое дѣло благое“ (2 Тим. 2, 21).

Такъ „Имъ привеченіе обрѣтохомъ“ ко Отцу мы, преставленные „отъ власти темныя въ причастіе наслѣдія святыхъ во свѣтѣ“ (Кол. 1, 12. 13). Посему домостроительство, совершенное Сыномъ, будетъ представлять себѣ не служеніемъ вынужденнымъ у рабскаго уничиженія, но добровольнымъ попеченіемъ, какое Сынъ, по благости и человѣколюбію, согласно съ волею Бога и Отца приложилъ о собственномъ Своемъ созданіи. А въ такомъ случаѣ соблюдемъ благочестіе касательно всего, что сдѣлано Сыномъ, свидѣтельствуя о совершенномъ Его могуществѣ, и ни мало не отдѣляя Его отъ воли Отца.

Такъ, когда Господь именуется „путемъ“, возводимся къ высшему понятію, а не останавливаемся на томъ, какое представляется съ перваго взгляда. Ибо подъ словомъ: „путь“, разумѣемъ преспѣяніе въ совершенствѣ, послѣдовательно и въ порядкѣ достигаемое дѣлами правды и про-

свѣщеніемъ разума, когда непрестанно желаемъ предняго и простираемся къ тому, чего еще не достаетъ у насъ, пока не достигнемъ блаженнаго конца, то есть, познанія Божія, какое Господь увѣровавшимъ въ Него даруетъ Собою. Ибо Господь нашъ дѣйствительно есть путь благій, неуклонный и непогрѣшительный, ведущій къ дѣйствительному благу—къ Отцу. Ибо говоритъ: „никтоже пріидетъ ко Отцу токмо Мною“ (Іоан. 14, 6). И таково наше восхожденіе къ Богу чрезъ Сына.

Но теперь слѣдуетъ сказать, какъ еще и отъ Отца подаются блага намъ Сыномъ. Поелику всякое сотворенное естество, и видимое и умопредставляемое, для поддержанія своего имѣетъ нужду въ Божіемъ попеченіи; то Зиждитель—Слово, Единородный Богъ, по мѣрѣ нужды каждаго естества, оказывая ему помощь Свою, по требованію необходимости увеличиваетъ даянія, сколько разнообразныя и на все благопотребныя по причинѣ разновидности благодѣтельствуемыхъ, столько соразмѣрныя съ природою каждой твари. Онъ просвѣщаетъ содержимыхъ во тмѣ невѣдѣнія; и потому есть Свѣтъ истинный. Онъ судитъ, возмѣряя воздаяніе по достоинству дѣлъ; и потому есть Судія праведный. „Отецъ бо не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови“ (Іоан. 5, 22). Онъ возставляетъ отъ паденія тѣхъ, которые съ высоты жизни поползнулись въ грѣхъ; и потому есть „воскрешеніе“ (Іоан. 11, 25). Все же сіе производитъ, дѣйствуя прикосновеніемъ могущества и изволеніемъ благости. Пасетъ, просвѣщаетъ, питаетъ, путеводитъ, врачуетъ, воскрешаетъ, не сущее осуществляетъ, сотворенное поддерживаетъ.

Такъ отъ Бога доходятъ до насъ блага чрезъ Сына, Который въ каждомъ дѣйствуетъ съ большею скоростію, нежели съ какою могло бы сіе выговорить слово. Съ симъ не сравнятся ни молніи, ни скорое теченіе свѣта въ воздухѣ, ни быстрое мгновеніе ока, ни движенія самой нашей мысли; но все это, въ сравненіи съ скоростію Божія дѣйствованія, имѣетъ недостатокъ въ большей мѣрѣ, нежели въ какой неповоротливѣйшія изъ нашихъ животныхъ уступаютъ въ подвижности, не скажу, птицамъ, или вѣтрамъ, или стремительности небесъ, но паренію самаго нашего ума. Ибо какое временное протяженіе нужно Тому, Ктоноситъ „всяческая глаголомъ силы Своея“ (Евр. 1, 3), и не тѣлесно дѣйствуетъ, не требуетъ пособія рукъ къ созиданію, а имѣетъ естество тварей во всемъ покорнымъ свободному Своему хотѣнію? Такъ говоритъ Іудиѳь: „помыслилъ, и собышася, яже мыслилъ еси“ (Іудиѳ. 9, 5).

Впрочемъ, чтобы величіе производимаго не увлекло насъ къ представленію, что Господь безначаленъ, что говоритъ источная Жизнь? „Азъ живу Отца ради“ (Іоан. 6, 58). И что говоритъ Божія Сила? „Не можетъ Сынъ творити о Себѣ ничесоже“ (5, 19). И что говоритъ самосовершенная Премудрость? „Заповѣдь пріяхъ, что реку, и что возгла-

голю“ (12), 49). Всѣмъ этимъ возводитъ Онъ насъ къ уразумѣнію Отца, и къ Отцу обращаетъ удивленіе твари, чтобы мы познали Имъ Отца. Ибо не изъ различія дѣлъ умосозерцается Отецъ, когда указывается на отдѣльное и собственно Отцу принадлежащее дѣйствованіе: „еже видитъ Отца творяща, сія и Сынъ такожде творитъ“ (Іоан. 5, 19) Но поелику Единородный восписываетъ Ему славу, то Онъ собираетъ удивленіе тварей, при величіи Своихъ произведеній прославляемый Самимъ Творцемъ, и превозносимый познающими въ Немъ Отца Господа нашего Іисуса Христа, „Имже всяческая, и Егоже ради всяческая“ (Евр. 2, 10).

Посему-то говоритъ Господь: „Моя вся Твоя суть“, потому что къ Отцу возводится начало созданій, „и Твоя Моя“ (Іоан. 17, 10), потому что отъ Отца пріемлетъ Онъ и то, чтобы стать причиною созиданія, не въ томъ смыслѣ, что Сынъ въ дѣйствованіи пользуется пособіемъ Отца, и что Ему особыми частными приказаніями ввѣряется служеніе каждаго дѣла—это было бы рабственно и чрезмѣрно ниже Божескаго достоинства; но въ томъ смыслѣ, что Слово, исполнившись Отчими благами, отъ Отца возсіявъ, все творитъ по подобію Рождшаго. Ибо если не имѣетъ съ Нимъ разности по сущности, то не будетъ имѣть разности и по могуществу. А у кого сила равная, у тѣхъ непремѣнно и дѣйствованіе равное. Христосъ же „Божія сила и Божія премудрость“ (1 Кор. 1, 20). Посему „вся Тѣмъ быша“ (Іоан. 1, 3), и „всяческая Тѣмъ и о Немъ создашася“ (Кол. 1, 16), не въ томъ смыслѣ, что Онъ исполняетъ какое-то орудное и рабское служеніе, но въ томъ, что Онъ зиждительно совершаетъ Отчую волю.

Итакъ, когда говоритъ: „Азъ отъ Себе не глаголахъ“ (Іоан. 12, 49), и еще: „яко же рече Мнѣ Отецъ, тако глаголю“ (50), и: „слово, еще слышасте, нѣсть Мое, но Пославшаго Мя“ (14, 24), и въ другомъ мѣстѣ: „якоже заповѣда Мнѣ Отецъ, тако творю“ (31); не какъ лишенный свободной воли, или несамодвижный, или ожидающій повелѣнія въ условленныхъ напередъ знакахъ, употребляетъ подобныя симъ реченія, но показываетъ ими, что собственная Его воля соединена и неразлучна съ волею Отца.

Посему и такъ называемую заповѣдь будемъ принимать не за повелительное слово, произносимое словесными органами, какъ подчиненному, и назначающее, что дѣлать Сыну, но будемъ разумѣть ее боголѣпно, какъ сообщеніе воли, подобно отраженію какого нибудь образа въ зеркалѣ, не во времени переходящее отъ Отца къ Сыну. „Отецъ бо любитъ Сына, и вся показуетъ Ему“ (Іоан. 5, 20).

Посему все, что имѣетъ Отецъ, принадлежитъ Сыну, не какъ что либо постепенно въ Немъ прибывающее, но какъ всецѣло въ Немъ пребывающее. И у людей, обучившійся искусству и долговременнымъ размышленіемъ укоренившій въ себѣ непоколебимый къ нему навыкъ можетъ уже

дѣйствовать самъ собою по составившимся въ немъ законамъ знанія. Ужели же Божія Премудрость, Зиждитель всея твари, всегда совершенный, безъ наученія премудрый, Божія Сила, Тотъ, въ Комъ „вся сокровища премудрости и разума сокровенна“ (Кол. 2, 3), имѣетъ нужду въ частномъ указаніи, которымъ бы опредѣлялись и образъ и мѣра Его дѣйствованій? Развѣ мы, въ суетѣ своихъ помысловъ, откроемъ училище, и Одного сдѣлаемъ предсѣдящимъ въ чинѣ учителя, а Другаго предстоящимъ съ неопытностію ученика, потомъ, при постепенномъ умноженіи уроковъ, научающимся мудрости и преуспѣвающимъ въ совершенствѣ? А въ такомъ случаѣ, если умѣешь соблюсти послѣдовательность сужденій, заключишь изъ сего, что Сынъ всегда учится, и никогда не можетъ достичь совершенства; потому что премудрость Отчая безпредѣльна, а въ безпредѣльномъ невозможно достигнуть конца. Посему кто не соглашается, что Сынъ отъ начала имѣетъ все, тотъ не можетъ согласиться, что Онъ когда либо дойдетъ до совершенства. Но стыжусь низости понятія, къ которому приведенъ я послѣдовательностію рѣчи. Посему возвратимся опять на высоту слова.

„Видѣвый Мене видѣ Отца“ (Іоан. 14, 9); видѣлъ не отпечатлѣніе, не образъ, потому что Божіе естество не допускаетъ въ себѣ сложности, но благость воли, которая созерцается во Отцѣ и въ Сынѣ, какъ нѣчто сопутственно сущности, подобное и равное ей, лучше же сказать, тожественное съ нею.

Что же значатъ выраженія: „послушливъ бывъ“ (Филип. 2, 8), и: „за насъ всѣхъ предалъ есть Его“ (Рим. 8, 32)? Значатъ, что отъ Отца дано Сыну и то, чтобы по благости дѣйствовать за людей.

Но ты выслушай и слѣдующія мѣста: „Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя“ (Гал. 3, 13); и: „яко еще грѣшникомъ сущимъ намъ, Христосъ за ны умре“ (Рим. 6, 8). Обрати также тщательное вниманіе и на слова Господа. Когда научилъ Онъ насъ объ Отцѣ; тогда и Самъ употребляетъ уже выраженія полновластныя и владычественныя, говоря: „хощу, очистися“ (Матѳ. 8, 3); и: „молчи, престани“ (Марк. 4, 39); и: „Азъ же глаголю вамъ“ (Матѳ. 5, 22. 28. 32); и: „душе нѣмый и глухій, Азъ ти повелѣваю“ (Марк. 9, 25), и тому подобныя, чтобы изъ сихъ выраженій познали мы своего Владыку и Творца, а изъ предъидущихъ научились познавать Отца нашего Владыки и Творца.

Такимъ образомъ изъ всего доказывается истинное ученіе, что если Отецъ созидаетъ чрезъ Сына, то симъ ни зиждительная сила въ Отцѣ не представляется несовершенною, ни дѣйствіе Сына не признается безсильнымъ, но изображается единеніе воли. Посему реченіе: „Имъ“, заключаетъ въ себѣ признаніе первоначальной вины, и берется не къ униженію производящей причины.

Глава 9. Отличительныя понятія о Духѣ, сообразныя съ ученіемъ писанія.

Изслѣдуемъ теперь, каковы наши общія понятія и о Духѣ, какъ собранныя нами о Немъ изъ Писанія, такъ и занятыя изъ неписаннаго преданія отцевъ. И во-первыхъ, кто, услышавъ наименованіе Духа, не воспрянетъ душею, и не восторгнется мыслію къ Естеству Высочайшему? Ибо Онъ называется „Духомъ Божіимъ" (Матѳ. 3, 16), и „Духомъ истины, Иже отъ Отца исходитъ" (Іоан. 15, 26), „Духомъ правымъ, Духомъ Владычнимъ" (Псал. 50, 12, 14).

Духъ Святый есть главное и собственное Его имя. И оно преимущественно предъ всякимъ другимъ есть именованіе чего-то безплотнаго, чисто невещественнаго и несложнаго. Посему и Господь въ бесѣдѣ съ женой, которая думала, что Богу должно покланяться въ извѣстномъ мѣстѣ, научая ее, что безтѣлесное безпредѣльно, говоритъ: „Духъ есть Богъ" (Іоан. 4, 24). Поэтому, слыша слово: „Духъ", не возможно вообразить въ мысли естества ограниченнаго, или подлежащаго измѣненіямъ и переиначиваніямъ, или вообще подобнаго твари, но простираясь мыслями къ Высочайшему, необходимо должно представить себѣ сущность умную, безконечную по силѣ, безпредѣльную по великости, неизмѣримую временами или вѣками, неоскудѣвающую въ благахъ, какія имѣетъ.

Къ Духу Святому обращено все имѣющее нужду въ освященіи; Его желаетъ все живущее добродѣтельно, вдохновеніемъ Его какъ бы орошаемое и вспомоществуемое къ достиженію свойственнаго себѣ и естественнаго конца. Онъ усовершаетъ другихъ, а Самъ ни въ чемъ не имѣетъ нужды; Онъ живетъ безъ возобновленія силъ, но есть Податель жизни; Онъ не чрезъ прибавленія возрастаетъ, но вдругъ полонъ, Самъ въ Себѣ водруженъ и вездѣсущъ. Онъ есть начало освященія, мысленный свѣтъ, доставляющій Собою всякой разумной силѣ, при исканіи истины, какъ бы нѣкоторую очевидность. Онъ неприступенъ по естеству, и удобовмѣстимъ по благости; хотя все исполняетъ Своею силою, однако же сообщается однимъ достойнымъ, и не въ одной мѣрѣ пріемлется ими, но раздѣляетъ дѣйствованіе по мѣрѣ вѣры. Онъ простъ по сущности, многообразенъ въ силахъ, весь присутствуетъ въ каждомъ, и весь повсюду. Онъ раздѣляемый не страждетъ, и когда пріобщаются Его, не перестаетъ быть всецѣлымъ, на подобіе солнечнаго сіянія, наслаждающійся пріятностію котораго какъ бы одинъ имъ наслаждается, между тѣмъ какъ сіяніе сіе озаряетъ землю и море, и срастворяется съ воздухомъ. Такъ и Духъ въ каждомъ изъ удобопріемлющихъ Его пребываетъ, какъ ему одному присущій, и всѣмъ достаточно изливаетъ всецѣлую благодать,

которою наслаждаются причащающіеся, по мѣрѣ собственной своей пріемлемости, а не по мѣрѣ возможнаго для Духа.

Освоеніе же Духа съ душею есть не мѣстное сближеніе (ибо безтѣлесное можетъ ли приближаться тѣлеснымъ образомъ), но устраненіе страстей, которыя привзошли въ душу впослѣдствіи отъ привязанности ея къ тѣлу, и отдалили ее отъ сродства съ Богомъ. Посему, кто очистился отъ срамоты, какую произвелъ въ себѣ грѣхомъ, возвратился къ естественной красотѣ, чрезъ очищеніе какъ бы возвратилъ древній видъ царскому образу, тотъ единственно можетъ приблизиться къ Утѣшителю. И Онъ, какъ солнце, которымъ встрѣчено чистое око, въ Себѣ самомъ покажетъ тебѣ образъ Невидимаго. А въ блаженномъ созерцаніи образа увидишь неизреченную красоту Первообраза.

Чрезъ Духа—восхожденіе сердецъ, руковожденіе немощныхъ, усовершеніе преуспѣвающихъ. Духъ, возсіявая очищеннымъ отъ всякой скверны, чрезъ общеніе съ Собою дѣлаетъ ихъ духовными. И какъ блестящія и прозрачныя тѣла, когда упадетъ на нихъ лучъ свѣта, сами дѣлаются свѣтящимися, и отбрасываютъ отъ себя новый лучъ: такъ духоносныя души, будучи озарены Духомъ, сами дѣлаются духовными, и на другихъ изливаютъ благодать. Отсюда—предвѣдѣніе будущаго, разумѣніе таинствъ, постиженіе сокровеннаго, раздаянія дарованій, небесное жительство, ликостояніе съ Ангелами, нескончаемое веселіе, пребываніе въ Богѣ, уподобленіе Богу, и крайній предѣлъ желаемаго—обоженіе.

Таковы-то (если изъ многаго достаточно предложить немногое) наши понятія о Святомъ Духѣ, какія изъ самыхъ словесъ Духа научились мы составлять себѣ объ Его величіи, достоинствѣ и дѣйствіяхъ. Теперь же должно обратиться къ препирающимся съ нами, и попытаться отразить возраженія, какія предлагаютъ они намъ отъ лжеименнаго вѣдѣнія.

Глава 10. Отвѣтъ утверждающимъ, что Святого Духа не должно ставить наряду съ Отцомъ и Сыномъ.

Говорятъ: „не надобно съ Отцемъ и Сыномъ ставить наряду Святаго Духа, потому что Онъ и по естеству имъ чуждъ, и по достоинству Ихъ ниже".—Справедливо можно отвѣчать имъ апостольскимъ словомъ: „повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человѣкомъ" (Дѣян. 5, 29). Ибо, если Господь, предавая заповѣдь о спасительномъ крещеніи, ясно повелѣлъ ученикамъ крестить „вся языки во имя Отца и Сына и Святаго Духа" (Матѳ. 28, 19), не гнушаясь общенія съ Духомъ; они же говорятъ, что не надобно ставить Духа наряду съ Отцемъ и Сыномъ: то не явно ли противятся они Божію повелѣнію?

Если утверждаютъ, что таковое сочетаніе у Господа не означаетъ какого либо общенія и единенія; то пусть скажутъ, какъ приличнѣе разумѣть оное, и какой найдется у нихъ другой, болѣе свойственный, образъ единенія? Впрочемъ, если Господь, заповѣдуя о крещеніи, не соединялъ съ Собою и съ Отцемъ Духа, то да не обвиняютъ и насъ въ семъ соединеніи; потому что мы не придумываемъ и не говоримъ ничего инаковаго съ Господомъ. А если тамъ Духъ соединенъ съ Отцемъ и Сыномъ, и никто не дойдетъ до такого безстыдства, чтобы утверждать что нибудь иное; то и въ этомъ случаѣ да не обвиняютъ насъ, что слѣдуемъ написанному.

Но на насъ обращено уготованіе брани, на насъ устремлена всякая мысль, и языки хулителей мечутъ здѣсь стрѣлы съ большимъ напряженіемъ, нежели христоубійцы метали камни на Стефана. Да не скроется же то, что нападенія ихъ имѣютъ въ насъ только видимый предлогъ, въ дѣйствительности же устремлены въ высоту. Посему, хотя на насъ видимо готовятъ боевые снаряды и засады, противъ насъ призываютъ другъ друга на помощь, чтобы всякому показать свою опытность или силу: однако же цѣлію ихъ нападеній служитъ вѣра; и у всѣхъ противниковъ и враговъ здраваго ученія одно общее намѣреніе—поколебать твердыню вѣры во Христа, ниспровергнувъ и истребивъ апостольское преданіе. По сей-то причинѣ, какъ наружно честные должники, громко требуютъ доказательствъ изъ Писаній, и отвергаютъ не подтвержденное Писаніемъ свидѣтельство отцовъ, какъ не имѣющее никакой силы.

Но мы не отступимся отъ истины, не предадимъ ее изъ робости. Ибо если Господь сочетаніе Святаго Духа съ Отцемъ предалъ, какъ необходимый и спасительный догматъ, они же разсуждаютъ иначе, отдѣляютъ, отторгаютъ Духа и низводятъ Его въ природу служебную; то не правда ли, что они хулу свою ставятъ выше Владычней заповѣди? Поэтому, оставивъ всѣ споры, разсмотримъ сообща съ ними, что есть у насъ подъ руками.

Почему мы христіане?—Всякій скажетъ: по вѣрѣ. А какимъ образомъ спасаемся? Такимъ, что возрождаемся, именно же, благодатію, подаваемою въ крещеніи. Ибо чѣмъ иначе спастись?—Ужели, познавъ сіе спасеніе, утвержденное Отцемъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ, отступимся отъ принятаго нами образа ученія? Великаго сокрушенія было бы достойно, если бы теперь оказались мы болѣе далекими отъ своего спасенія, нежели когда увѣровали, если бы теперь отреклись отъ того, что тогда приняли. Равна потеря—умереть ли не сподобившись крещенія, или принять такое крещеніе, въ которомъ недостаетъ чего либо одного изъ преданнаго. А кто не сохраняетъ навсегда того исповѣданія, какое произнесли мы при первомъ нашемъ введеніи, когда, освободившись отъ

идоловъ, приступили къ живому Богу, и кто не содержитъ его въ продолженіе всей своей жизни, какъ безопаснаго хранилища, тотъ самъ себя дѣлаетъ чуждымъ обѣтованій Божіихъ, поступая вопреки собственному своему рукописанію, какое далъ въ исповѣданіи вѣры. Ибо, если крещеніе для меня—начало жизни, и этотъ день, день пакибытія, первый изъ дней; то очевидно, что всего драгоцѣннѣе и то слово, которое произнесъ я въ благодати сыноположенія. Итакъ, ужели, обольстившись, убѣжденіями такихъ людей, измѣню тому преданію, которое вводитъ меня въ свѣтъ, даровало мнѣ познаніе о Богѣ, и чрезъ которое сталъ чадомъ Божіимъ я, бывшій дотолѣ врагомъ Божіимъ по причинѣ грѣха? Напротивъ того, и себѣ желаю отойдти ко Господу съ симъ исповѣданіемъ, и имъ совѣтую соблюсти неповрежденную вѣру до дня Христова, сохранить Духа неотлучнымъ отъ Отца и Сына, ученіе о крещеніи соблюдая и въ исповѣданіи вѣры и въ исполненіи славы.

Глава II. О томъ, что отрицающіе Духа суть измѣнники.

Кому горе, кому скорбь, кому смятеніе и тьма, кому вѣчное осужденіе? Не измѣнникамъ ли, не отрекшимся ли отъ вѣры? Гдѣ жъ доказательство отреченія? Не въ томъ ли, что отринули собственныя свои исповѣданія? Что жъ они исповѣдывали? или когда это исповѣдывали? Исповѣдывали, что вѣруютъ въ Отца и Сына и Святаго Духа. Исповѣдывали, когда, отрекшись діавола и аггеловъ его, произнесли оное спасительное слово. Посему какое же приличное наименованіе найдено для нихъ чадами свѣта? Не измѣнниками ли именуются они, какъ нарушившіе завѣтъ своего спасенія? Какъ назову отрекшагося отъ Бога? какъ назову отрекшагося отъ Христа? Какъ иначе, какъ не измѣнникомъ? Какое же угодно дать наименованіе отрекшемуся отъ Духа? Не то же ли самое, какое даемъ человѣку, который измѣнилъ своему завѣту съ Богомъ? Посему, когда исповѣданіе вѣры въ Духа предуготовляетъ намъ ублаженіе за благочестіе, а отреченіе отъ Духа подвергаетъ осужденію за безбожіе; то не страшно ли отречься отъ Него нынѣ, не огня, не меча, не креста, не бичей, не колеса, не орудій пытки убоявшись, но обольстившись одними лжеумствованіями и доводами духоборцевъ?

Увѣряю всякаго человѣка, который исповѣдуетъ Христа и отрицаетъ Бога, что ему не воспользуетъ Христосъ, какъ и тому, кто призываетъ Бога, но отвергаетъ Сына; потому что суетна вѣра его. Увѣряю и того, кто отметаетъ Духа, что вѣра въ Отца и Сына обратится для него въ тщету, и что онъ не можетъ имѣть сей вѣры, если не соприсутствуетъ Духъ. Ибо невѣрующій въ Духа не вѣруетъ въ Сына, а не увѣровавшій въ Сына не вѣруетъ въ Отца. „Не можетъ бо рещи Господа

Іисуса, точію Духомъ Святымъ" (1 Кор. 12, 3). И: „Бога никтоже видѣ нигдѣже": но „Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, Той" намъ „исповѣда" (Іоан. 1, 18). Невѣрующій въ Духа не имѣетъ части и въ истинномъ поклоненіи. Ибо не иначе можно поклоняться Сыну, какъ только во Святомъ Духѣ, и не иначе можно призывать Отца, какъ только въ Духѣ сыноположенія.

Глава 12. Отвѣтъ утверждающимъ, что достаточно крещенія только въ Господа.

Никого да не вводитъ въ обманъ у Апостола то, что, упоминая о крещеніи, нерѣдко умалчиваетъ онъ объ имени Отца и Святаго Духа, и никто не долженъ заключать изъ сего, что не надобно соблюдать призыванія именъ. Сказано: „елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся" (Гал. 3, 27). И еще: „елицы во Христа крестистеся, въ смерть Его крестистеся" (Рим. 6, 3). Это потому, что наименованіе Христа есть исповѣданіе всего; оно указываетъ и на помазующаго Бога, и на помазаннаго Сына, и на помазаніе—Духа, какъ учатъ насъ Петръ въ Дѣяніяхъ: „Іисуса, Иже отъ Назарета, Егоже помаза Богъ Духомъ Святымъ" (Дѣян. 10, 38), и Исаія: „Духъ Господень на Мнѣ, Егоже ради помаза Мя" (Ис. 61, 1), и Псалмопѣвецъ: „сего ради помаза Тя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости паче причастникъ Твоихъ" (Псал. 44, 8).

Притомъ видимъ, что Апостолъ, говоря о крещеніи, упоминалъ иногда и объ одномъ Духѣ. Ибо говоритъ: „вси во едино тѣло единѣмъ Духомъ крестихомся" (1 Кор. 12, 13). А съ симъ согласно и слѣдующее: „вы же имате креститися Духомъ Святымъ" (Дѣян. 1, 5); и: „Той вы креститъ Духомъ Святымъ" (Лук. 3, 16). Но на семъ основаніи никто не назоветъ совершеннымъ крещенія, въ которомъ призвано только имя Духа. Ибо надобно, чтобы преданіе, сообщенное въ животворящей благодати, всегда пребывало ненарушимо. Избавившій жизнь нашу отъ тлѣнія далъ намъ силу обновленія, которая, хотя имѣетъ причину неизъяснимую и заключающуюся въ таинствѣ, однако же приноситъ душамъ великое спасеніе; посему прибавить или убавить что нибудь значитъ явнымъ образомъ отпасть отъ вѣчной жизни.

А поэтому, если отлученіе Духа отъ Отца и Сына въ крещеніи опасно крещающему, и не полезно пріемлющему крещеніе; то какъ же мы ненаказанно можемъ отторгать Духа отъ Отца и Сына? Вѣра и крещеніе суть два способа спасенія, между собою сродные и нераздѣльные. Ибо вѣра совершается крещеніемъ, а крещеніе основополагается вѣрою, а то и другое исполняются одними и тѣми же Именами. Какъ вѣруемъ

въ Отца и Сына и Святаго Духа, такъ и крестимся во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И какъ предшествуетъ исповѣданіе, вводящее во спасеніе, такъ послѣдуетъ крещеніе, запечатлѣвающее собою наше согласіе на исповѣданіе.

Глава 13. Изложеніе причины, по которой Павелъ съ Отцемъ ставитъ и Ангеловъ.

Говорятъ: „но къ Отцу и Сыну сопричисляется нѣчто и иное; между тѣмъ оно, конечно, не спрославляется съ Ними. Такъ Апостолъ включилъ Ангеловъ въ свидѣтельство, какое даетъ Тимоѳею, говоря: „засвидѣтельствую“ тебѣ „предъ Богомъ и Іисусомъ Христомъ, и избранными Его Ангелы“ (1 Тимоѳ. 5, 21). Но Ангеловъ не отдѣляемъ отъ прочей твари, и не согласны причислить ихъ къ Отцу и Сыну“.

А я, хотя разсужденіе сіе не стоитъ никакого отвѣта (такъ съ перваго взгляда замѣтна въ немъ несообразность!), однакожъ скажу, что иный и подобнаго себѣ раба можетъ представить во свидѣтели предъ такимъ судіею, который кротокъ и снисходителенъ, и по особенной благосклонности къ подсудимымъ доказываетъ непререкаемость правдивости своего суда. Но изъ раба стать свободнымъ, наименоваться сыномъ Божіимъ, и отъ смерти перейдти въ жизнь, не чрезъ инаго кого можно, а только чрезъ Того, Кто по естеству Свой Богу и свободенъ отъ рабскаго состоянія. Ибо какъ сдѣлаетъ своимъ Богу, кто чуждъ ему? Какъ освободитъ, кто самъ подлежитъ игу рабства?

Поэтому не одинаково упоминаются и Духъ и Ангелы: но Духъ именуется, какъ Господь жизни, Ангелы присовокупляются, какъ помощники подобныхъ имъ рабовъ, и какъ вѣрные свидѣтели истины. Ибо у святыхъ—въ обыкновеніи давать заповѣди Божіи при свидѣтеляхъ, какъ сей же самый Павелъ говоритъ Тимоѳею: „яже“ пріялъ „еси отъ мене многими свидѣтели, сія предаждь вѣрнымъ человѣкомъ“ (2 Тим. 2, 2). Теперь свидѣтельствуется Ангелами; ибо знаетъ, что и Ангелы будутъ съ Судіею, когда пріидетъ Онъ во славѣ Отчей судить вселенную въ правдѣ. Ибо сказано: „иже аще исповѣсть Мя предъ человѣки, и Сынъ человѣческій исповѣсть его предъ Ангелы Божіими: а отвергійся Мене предъ человѣки, отверженъ будетъ предъ Ангелы Божіими“ (Лук. 12, 8. 9). И Павелъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „во откровеніи Господа Іисуса съ небесе со Ангелы“ (2 Сол. 1, 7). По сей причинѣ еще здѣсь свидѣтельствуетъ предъ Ангелами, чтобы пріуготовить годныя доказательства для будущаго судилища.

И не одинъ Павелъ, но и всѣ вообще, кому ввѣрено было служеніе слова, никогда не перестаютъ свидѣтельствоваться, и призываютъ во

свидѣтели даже небо и землю, потому что и теперь предъ ними совершается всякое дѣло, и при будущемъ испытаніи жизни они вмѣстѣ будутъ съ судимыми. Ибо сказано: „призоветъ небо свыше, и землю, разсудити люди Своя“ (Псал. 49, 4). Посему Моисей, намѣреваясь предложить людямъ словеса Божіи, говоритъ: „засвидѣтельствую вамъ днесь небомъ и землею“ (Второз. 4, 26). И опять, произнося пѣснь, говоритъ: „вонми небо, и возглаголю, и да слышитъ земля глаголы устъ моихъ“ (32, 1). И Исаія: „слыши небо, и внуши земле“ (Ис. 1, 2). А Іеремія описываетъ какое-то изступленіе неба, въ которое приходитъ оно, слыша непреподобныя дѣла народа: „ужасеся небо о семъ, и вострепета по премногу зѣло, два бо зла сотвориша людіе Мои“ (Іер. 2, 12. 13). Посему и Апостолъ, зная, что Ангелы приставлены къ людямъ какъ бы дѣтоводителями и воспитателями, призывалъ ихъ во свидѣтели. Іисусъ же Навинъ и камень поставилъ свидѣтелемъ словъ своихъ; а Іаковомъ даже и „холмъ“ прозванъ „свидѣтель“ (Быт. 31, 47). Іисусъ сказалъ: „будетъ“ камень днесь „въ свидѣніе въ послѣднія дни, егда солжете Господу Богу вашему“ (Іис. Нав. 24, 27). Можетъ быть, онъ вѣрилъ, что силою Божіею и камни издадутъ гласъ въ обличеніе преступниковъ; а если нѣтъ, то по крайней мѣрѣ совѣсть каждаго будетъ уязвляться дѣйствіемъ напоминанія. Такъ тѣ, кому повѣрено домостроительство душъ, предуготовляютъ какихъ бы то ни было свидѣтелей, чтобъ представить ихъ въ послѣдствіи. Но Духъ, не по требованію времени, а по общенію естества, сопоставляется съ Богомъ, не нами на сіе привлекаемый, но пріобщаемый Господомъ.

Глава 14. Возраженіе, что и въ Моисея иные крестились и вѣровали въ него, и отвѣтъ на сіе возраженіе, а вмѣстѣ и о преобразованіяхъ.

Но говорятъ: „если и крестимся въ Духа; то и въ такомъ случаѣ несправедливо ставить Его наравнѣ съ Богомъ. Ибо иные и „въ Моисея крестишася во облацѣ и въ мори“ (1 Кор. 10, 2). А подобнымъ образомъ извѣстно, что и вѣра бывала въ людей. Ибо „вѣроваша людіе Богу, и Моисею угоднику Его“ (Исх. 14, 31). Для чего же, говорятъ, вслѣдствіе вѣры и крещенія столько возвышаешь и возвеличиваешь Святаго Духа надъ тварію, когда то же самое засвидѣтельствовано и о людяхъ?“

Что скажемъ на сіе? То, что вѣра въ Духа, а подобно и крещеніе, таковы же, какъ и въ Отца и въ Сына. А ежели была вѣра и крещеніе въ Моисея и въ облако; то какъ въ тѣнь и прообразованіе. Но по тому, что божественное предъизображается вещами малыми и человѣческими, конечно, не есть что либо малое и самое естество божественнаго, которое нерѣдко прознаменовалось сѣннописаніемъ прообразованій.

Ибо прообразованіе есть выраженіе ожидаемаго въ уподобленіи, которымъ назнаменательно предуказуется будущее. Такъ Адамъ—прообразованіе будущаго Адама, и камень прообразовательно есть Христосъ, а вода изъ камня—прообразованіе живоносной силы Слова. Ибо сказано: „аще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ и піетъ“ (Іоан. 7, 37). И манна—прообразованіе животворящаго хлѣба, сшедшаго съ небеси, а змія поставленная „на знамени“ (Числ. 21, 9)—спасительнаго страданія, довершеннаго крестомъ; почему и взирающіе на нее спасались. Такъ, конечно, и повѣствуемое объ изведеніи Израиля служитъ указаніемъ на спасаемыхъ крещеніемъ. Ибо первородные у Израильтянъ, какъ и тѣла крещаемыхъ, спаслись по благодати, данной запечатлѣвшимся кровію; потому что кровь овчая есть образъ крови Христовой, а первородные—образъ первозданнаго. И поелику онъ необходимо въ насъ, передаваемый отъ одного къ другому до конца, по непрерывному преемству; то посему „о Адамѣ вси умираемъ“ (1 Кор. 15, 22), и царствовала смерть до исполненія Закона и до пришествія Христова. Соблюдены же Богомъ первородные, и ихъ не коснулся погубляющій — въ показаніе, что и мы, оживотворенные во Христѣ, не умираемъ уже въ Адамѣ. А море и облако, въ настоящемъ, приводили къ вѣрѣ изумительностію событія, относительно же къ будущему, какъ прообразованія, прознаменовали будущую благодать. „Кто премудръ, и уразумѣетъ сія“ (Ос. 14, 10), какимъ образомъ море прообразовательно служитъ крещеніемъ, отлучая отъ Фараона, какъ сія купѣль отлучаетъ отъ мучительства діавольскаго? Море умертвило въ себѣ врага; и здѣсь умираетъ вражда наша на Бога. Народъ вышелъ изъ моря, не потерпѣвъ вреда; и мы восходимъ отъ воды какъ бы изъ мертвыхъ ожившіе, будучи спасены благодатію Призвавшаго насъ. А облако есть сѣнь дара, подаваемаго Духомъ, и чрезъ умерщвленіе членовъ угашающаго пламень страстей.

И такъ что же? ужели потому, что прообразовательно крестились въ Моисея и благодать крещенія маловажна? Въ такомъ случаѣ и иное что нибудь въ нашихъ таинствахъ не будетъ велико, если досточестное въ каждомъ будемъ унижать по его прообразованіямъ. Въ такомъ случаѣ не будетъ чѣмъ-то великимъ и чрезвычайнымъ и любовь Божія къ людямъ, по которой Богъ за грѣхи наши отдалъ Единороднаго Сына, потому что и Авраамъ не пощадилъ собственнаго сына своего. И страданіе Господне не славно; потому что вмѣсто Исаака прообразованіемъ приношенія послужилъ овенъ. И сошествіе во адъ не страшно; потому что Іона тремя днями и столькими же ночами предъисполнилъ прообразованіе смерти.

То же дѣлаетъ и тотъ, кто въ крещеніи сравниваетъ дѣйствительность

съ тѣнію, кто наравнѣ съ прообразованіями ставитъ знаменуемое ими, кто Моисеемъ и моремъ думаетъ вдругъ подорвать все евангельское домостроительство. Ибо какое отпущеніе прегрѣшеній, какое обновленіе жизни въ морѣ? Какое духовное дарованіе чрезъ Моисея? Какое тамъ умерщвленіе грѣха? Они не умерли со Христомъ, а потому и не возстали съ Нимъ. Они не облеклись въ образъ небеснаго, не носили въ тѣлѣ мертвости Іисусовой, не совлеклись ветхаго человѣка, не облеклись въ человѣка новаго, обновляемаго въ познаніи, по образу Создавшаго его. Для чего же сравниваешь два крещенія, въ которыхъ одно наименованіе общее, а на дѣлѣ столько же разности, сколько можетъ быть между сновидѣніемъ и дѣйствительностію, между тѣнію или изображеніями и тѣмъ, что самостоятельно существуетъ?

Но и вѣра въ Моисея не то доказываетъ, чтобы вѣра въ Духа была маловажна; а напротивъ того, по разсужденію сихъ людей, она умаляетъ болѣе исповѣданіе Бога всяческихъ. Ибо сказано: „вѣроваша людіе Богу и Моисею угоднику Его". Итакъ Моисей поставленъ вмѣстѣ съ Богомъ, а не съ Духомъ, и былъ прообразованіемъ не Духа, но Христа; ибо въ законномъ служеніи предъизображалъ тогда собою Ходатая Бога и человѣковъ. Но прообразованіемъ Духа служилъ Моисей, ходатайствующій о народѣ предъ Богомъ; потому что Законъ данъ, будучи „вчиненъ Ангелы, рукою" Ходатая, по предложенію народа, который говорилъ: „глаголи ты къ намъ, и да не глаголетъ къ намъ Богъ" (Исх. 20, 19). Посему вѣра въ Моисея возводится къ Господу, Ходатаю Бога и человѣковъ, сказавшему: „аще бысте вѣровали Моисеови, вѣровали бысте Мнѣ" (Іоан. 5, 46). Ужели же маловажна вѣра въ Господа потому, что прознаменована Моисеемъ? Такъ и благодать Духа въ крещеніи не маловажна потому, что иный крестился въ Моисея.

Притомъ могу сказать, что Писанію обычно называть Моисеемъ и Законъ, какъ въ слѣдующихъ словахъ: „имутъ Моисея и пророки" (Лук. 16, 29). Посему Апостолъ, разумѣя подзаконное крещеніе, сказалъ: „крестишася въ Моисея".

Итакъ почему же похваленіе упованія нашего и преизобильный даръ Бога и Спасителя нашего, который обновляетъ пакибытіемъ юность нашу, „яко орлю", стараются представить чѣмъ-то презрѣннымъ сіи люди, которые дѣйствительно приписываютъ то, что принадлежитъ тѣни и прообразованіямъ?

Конечно, младенческому разуму и какому нибудь отроку, который дѣйствительно имѣетъ еще нужду въ молокѣ, свойственно не знать того великаго таинства нашего спасенія, что, сообразно съ предуготовительнымъ способомъ ученія, и мы, въ упражненіи благочестіемъ возводимые до совершенства, начинаемъ сперва съ начатковъ знанія, удобопонят-

ныхъ для насъ и соразмѣрныхъ съ нашими силами; потому что Домостроитель нашего спасенія, подобно глазу человѣка, выросшаго во тмѣ, вводитъ насъ въ великій свѣтъ истины послѣ постепеннаго къ нему пріобученія; потому что щадитъ нашу немощь. Въ глубинѣ богатства Своей премудрости и не изслѣдованныхъ судахъ разумѣнія предначерталъ Онъ для насъ это легкое и къ намъ примѣнимое руководство, пріучая сперва видѣть тѣни предметовъ и въ водѣ смотрѣть на солнце, чтобъ, приступивъ вдругъ къ зрѣнію чистаго свѣта, мы не омрачились. На такомъ же основаніи измышлены Законъ, „имый сѣнь грядущихъ" (Евр. 10, 1), и предображенія у пророковъ—эти гаданія истины, для обученія очей сердечныхъ, чтобы удобнымъ для насъ сдѣлался переходъ отъ нихъ къ премудрости въ тайнѣ сокровенной.

Довольно сего о прообразованіяхъ; да и невозможно долѣе останавливаться на семъ предметѣ. Иначе о постороннемъ было бы сказано больше, нежели о главномъ.

Глава 15. Отвѣтъ на новое возраженіе, что крестимся и въ воду, а вмѣстѣ и о крещеніи.

Что же сверхъ сего говорятъ еще? Ибо они обильны на рѣшенія.

„Мы крестимся и въ воду; но конечно, воды не предпочитаемъ всей въ совокупности твари, или не воздаемъ и ей такой же чести, какъ Отцу и Сыну".

Ихъ разсужденія похожи на разсужденія людей разсерженныхъ, которые, по причинѣ омраченія разсудка страстію, не щадятъ ничего для отмщенія оскорбившему. Но мы не облѣнимся дать отвѣтъ и на сіе; или научимъ незнающихъ, или не уступимъ злонамѣреннымъ. Начнемъ же нѣсколько выше.

Домостроительство Бога и Спасителя нашего о человѣкѣ есть воззваніе изъ состоянія паденія, и возвращенія въ общеніе съ Богомъ изъ состоянія отчужденія, произведеннаго преслушаніемъ. Для того пришествіе Христово во плоти, предначертанія евангельскихъ правилъ жизни, для того страданія, крестъ, погребеніе, воскресеніе, чтобы человѣкъ, спасаемый чрезъ подражаніе Христу, воспріялъ древнее оное сыноположеніе. Посему для совершенства жизни необходимо подражаніе Христу, то есть, не только показаннымъ въ жизни Христовой примѣрамъ негнѣвливости, смиренномудрія и долготерпѣнія, но и смерти Христовой, какъ говоритъ подражатель Христовъ Павелъ: „сообразуяся смерти Его, аще како достигну въ воскресеніе мертвыхъ" (Филип. 3. 10. 11).

Какъ же бываемъ мы „въ подобіи смерти Его?—Спогребшись Ему крещеніемъ" (Рим. 6. 4. 5). Въ чемъ же образъ погребенія? И почему

полезно такое подражаніе? Во-первыхъ, нужно, чтобы порядокъ прежней жизни былъ пресѣченъ. А сіе, по слову Господню, не возможно для того, „кто не родится свыше" (Іоан. 3, 8). Ибо пакибытіе, какъ показываетъ и самое имя, есть начало новой жизни. Посему, до начатія новой жизни, надобно положить конецъ жизни предшествовавшей. Какъ у тѣхъ, которые бѣгутъ на поприщѣ туда и обратно, два противоположныя движенія раздѣляются нѣкоторою остановкою и отдыхомъ: такъ и при перемѣнѣ жизни оказалось необходимымъ, чтобы смерть служила средою между той и другою жизнію, оканчивая собою жизнь предъидущую, и полагая начало жизни послѣдующей. Какъ же совершаемъ сошествіе во адъ? Подражая въ крещеніи Христову погребенію; потому что тѣла крещаемыхъ въ водѣ какъ бы погребаются. Посему крещеніе символически означаетъ отложеніе дѣлъ плотскихъ, по слову Апостола, который говоритъ: „обрѣзани бысте обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, въ совлеченіи тѣла плоти, въ обрѣзаніи Христовѣ, спогребшеся Ему крещеніемъ" (Кол. 2, 11). Оно есть какъ бы очищеніе души отъ скверны, произведенной въ ней плотскимъ мудрованіемъ, по написанному: ‚омыеши мя, и паче снѣга убѣлюся" (Псал. 50, 9). Посему не омываемся по-іудейски при каждомъ оскверненіи, но знаемъ одно спасительное крещеніе; потому что одна есть смерть за міръ, и одно воскресеніе изъ мертвыхъ, образомъ которыхъ служитъ крещеніе. Посему-то Домостроитель жизни нашей Господь положилъ съ нами завѣтъ крещенія, имѣющій въ себѣ образъ смерти и жизни; и изображеніемъ смерти служитъ вода, а залогъ жизни подается Духомъ.

А такимъ образомъ дѣлается изъ сего яснымъ и то, чего мы искали, то есть, почему вмѣстѣ съ Духомъ и вода. Поелику въ крещеніи предположены двѣ цѣли, истребить тѣло грѣховное, чтобы оно не приносило уже плодовъ смерти, ожить же Духомъ и имѣть плодъ во святынѣ; то вода изображаетъ собою смерть, принимая тѣло какъ бы во гробъ, а Духъ сообщаетъ животворящую силу, обновляя души наши изъ грѣховной мертвенности въ первоначальную жизнь. Сіе-то значитъ „родиться свыше водою и Духомъ"; потому что умерщвленіе наше производится водою, а жизнь творится въ насъ Духомъ. Посему великое таинство крещенія совершается тремя погруженіями, и равночисленными имъ призываніями, чтобы и образъ смерти отпечатлѣлся въ насъ, и просвѣтились души крещаемыхъ чрезъ преданіе имъ боговѣдѣнія. Поэтому, ежели есть какая благодать въ водѣ, то она не изъ естества воды, но отъ присутствія Духа. Ибо „крещеніе" есть „не плотскія отложеніе скверны, но совѣсти благія вопрошеніе у Бога" (1 Петр. 3, 21). Посему Господь, уготовляя насъ къ жизни по воскресеніи, излагаетъ уставы всей евангельской жизни, узаконяя нравъ, негнѣвливый, терпѣливый, не оскверняемый сласто-

любіемъ, несребролюбивый, чтобы мы по произволенію исполняли предварительно, что принадлежитъ будущему вѣку по его природѣ. Почему, если кто, опредѣляя Евангеліе, скажетъ, что оно есть предображеніе жизни по воскресеніи, то онъ, по моему мнѣнію, не погрѣшитъ въ вѣрности понятія. Возвратимся же къ своей цѣли.

Духомъ Святымъ—возстановленіе наше въ рай, вступленіе въ небесное царство, возвращеніе въ сыноположеніе, дерзновеніе именовать Отцемъ своимъ Бога, содѣлываться общниками благодати Христовой, именоваться чадами свѣта, пріобщиться вѣчной славы, однимъ словомъ, пріобрѣсти всю полноту благословенія и въ семъ и въ будущемъ вѣкѣ, когда въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, отражаемъ благодать тѣхъ благъ, какія предназначены намъ по обѣтованіямъ, и которыми чрезъ вѣру наслаждаемся, какъ уже настоящими. Ибо, если таковъ залогъ, то каково совершенное? если таковъ начатокъ, то какова полнота цѣлаго?

Но разность между благодатію Духа и крещеніемъ въ водѣ видна еще и изъ того, что Іоаннъ крестилъ водою въ покаяніе, а Господь нашъ Іисусъ Христосъ креститъ Духомъ Святымъ. Ибо Іоаннъ говоритъ: „Азъ вы крещаю водою въ покаяніе: Грядый же по мнѣ, крѣплій мене есть. Емуже нѣсмь достоинъ сапоги понести: Той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ“ (Матѳ. 3, 11), подъ огненнымъ крещеніемъ разумѣя испытаніе на судѣ, по сказанному у Апостола: „коегождо дѣло, яковоже есть, огнь искуситъ“; и еще: „день бо явитъ: зане огнемъ открывается“ (1 Кор. 3, 13). А иные, въ подвигахъ за благочестіе, дѣйствительно, а не подражательно, пріявъ смерть за Христа, не имѣли уже нужды для своего спасенія въ символѣ — водѣ, крестившись собственною кровію. И сіе говорю, не крещеніе водою отметая, но низлагая помышленіе вземлющихся на Духа, соединяющихъ несоединимое, сравнивающихъ несравнимое.

Глава 16. О томъ, что во всякомъ понятіи Духъ Святый не отлученъ отъ Отца и Сына, и въ созиданіи міра мысленнаго, и въ домостроителствѣ касательно человѣковъ и на ожидаемомъ судѣ.

Возвратимся къ сказанному въ началѣ, а именно, что Духъ Святый во всемъ совершенно неотлученъ и неотдѣлимъ отъ Отца и Сына. Павелъ, въ томъ мѣстѣ посланія къ Коринѳянамъ, гдѣ разсуждаетъ о дарованіи языковъ, говоритъ: „аще вси пророчествуете, внидетъ же нѣкій невѣренъ или невѣжда, обличается всѣми, истязуется отъ всѣхъ; тайная сердца его явлена бываютъ: и тако падъ ницъ, поклонится Богови, возвѣщая, яко во-истину Богъ съ вами есть“ (1 Кор. 14, 24. 25). Итакъ, если по

пророчеству, которое производится вслѣдствіе раздѣленія дарованій Духа, познается, что въ пророкахъ Самъ Богъ; то пусть размыслятъ эти люди, какое мѣсто дать Святому Духу, и что справедливѣе, поставить ли Его наряду съ Богомъ, или низвести въ рядъ тварей? И сказанное Петромъ Сапфирѣ: „что согласистеся искусити Духа“ Святаго? „не человѣкомъ солгали есте, но Богу“ (Дѣян. 5, 4), показываетъ что одинъ и тотъ же грѣхъ—и противъ Духа Святаго и противъ Бога. А такимъ же образомъ можешь дознать, что Духъ и во всякомъ дѣйствованіи соединенъ и нераздѣленъ съ Отцемъ и Сыномъ. Вмѣстѣ съ Богомъ, Который производитъ раздѣленіе дѣйствъ, и съ Господомъ, Который производитъ раздѣленіе служеній, сопребываетъ и Святый Духъ, Который полновластно домостроительствуетъ въ раздаяніи дарованій по достоинству каждаго. Ибо сказано: „раздѣленія дарованій суть, а тойжде Духъ: и раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь: и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ. Вся же сія“ продолжаетъ Апостолъ, „дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо якоже хощетъ“ (1 Кор. 12, 4—6. 11).

Впрочемъ изъ того, что Апостолъ упомянулъ здѣсь во-первыхъ о Духѣ, во-вторыхъ о Сынѣ, и въ третьихъ, о Богѣ и Отцѣ, вовсе не должно заключать, что у него извращенъ порядокъ. Апостолъ за начало принялъ отношеніе къ намъ; потому что мы, пріемлющіе даръ, прежде всего обращаемъ мысль къ Раздающему, потомъ представляемъ себѣ Посылающаго, а потомъ возводимъ помышленіе къ Источнику и Винѣ благъ.

Общеніе же Духа съ Отцемъ и Сыномъ можешь познать и изъ того, что первоначально создано. Ибо чистыя, духовныя и премірныя Силы святы, и именуются святыми, какъ пріобрѣтшія святыню по благодати, данной Святымъ Духомъ. Посему, хотя умолчано о томъ, какъ сотворены небесныя Силы, потому что посредствомъ одного чувственнаго открылъ намъ Создателя описавшій міротвореніе; однако же ты, имѣя способность отъ видимаго заключать о невидимомъ, прославь Творца, Которымъ „(ἐν ᾧ) создана быша всяческая, аще видимая, аще невидимая, аще начала, аще власти, аще силы, аще престоли, аще господствія“ (Кол. 1, 16), и какія еще есть разумныя, не именуемыя природы. Въ твореніи же ихъ представляй первоначальную причину сотвореннаго—Отца, и причину зиждительную—Сына, и причину совершительную—Духа; такъ что служебные духи имѣютъ бытіе по волѣ Отца, приводятся же въ бытіе дѣйствомъ Сына, и совершаются въ бытіи присутствіемъ Духа. Совершеніе же Ангеловъ—святыня и пребываніе въ святынѣ.

И никто да не подумаетъ, будто бы утверждаю, что три начальственныя Ѵпостаси, и что дѣйствованіе Сына несовершенно. Ибо одно начало существъ, созидающее чрезъ Сына и совершающее въ Духѣ. И

у Отца, дѣйствующаго вся во всѣхъ, не несовершенно дѣйствованіе, и у Сына не недостаточно созиданіе, если не совершенно Духомъ. Ибо такъ ни Отецъ, созидающій единымъ хотѣніемъ, не имѣлъ бы нужды въ Сынѣ, однако же хощетъ чрезъ Сына; ни Сынъ, дѣйствующій подобно Отцу, не имѣлъ бы нужды въ содѣйствіи, однако же и Онъ хощетъ совершать чрезъ Духа. „Словомъ бо Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ" (Псал. 32, 6). Слово же — не знаменательное видоизмѣненіе въ воздухѣ, производимое словесными орудіями, и Духъ—не паръ устъ, исторгаемый дыхательными членами; но Слово, Которое „въ началѣ у Бога и Богъ" (Іоан. 1. 1), и Духъ устъ Божіихъ—„Духъ истины, Иже отъ Отца исходитъ" (Іоан. 15. 25).

Посему представляй Трехъ,—повелѣвающаго Господа, созидающее Слово, и утверждающаго Духа. Поелику же утвержденіе показываетъ неослабность, неизмѣнность и неколебимую водруженность въ добрѣ; что иное означаться будетъ утвержденіемъ, какъ не совершеніе въ святынѣ? Но святыня возможна не безъ Духа. Ибо небесныя Силы не по природѣ святы, иначе онѣ не имѣли бы никакой разности съ Святымъ Духомъ. Напротивъ того онѣ, по мѣрѣ превосходства одной предъ другою, имѣютъ отъ Духа извѣстную мѣру святыни. Какъ въ понятіи прижиганія входитъ понятіе огня, однако же иное есть прижигаемое вещество, и иное есть огонь; такъ и въ небесныхъ Силахъ сущность ихъ составляетъ воздушный, если можно такъ сказать, духъ или невещественный огонь, по написанному: „творяй Ангелы Своя духи, и слуги Своя огнь палящъ" (Евр. 1, 7); почему онѣ ограничены мѣстомъ и бываютъ невидимы, являясь святымъ въ образѣ собственныхъ своихъ тѣлъ; но святыня, будучи внѣ сущности, даетъ имъ совершенство чрезъ общеніе Духа. Сохраняютъ же достоинство свое пребываніемъ въ добрѣ, какъ имѣющія свободу въ избраніи, и никогда не теряющія непрестаннаго стремленія къ истинно благому.

Посему, если отнимемъ мысленно Духа, разстроятся ангельскіе лики, истребятся архангельскія начальства; все прійдетъ въ смѣшеніе, жизнь ихъ сдѣлается незаконосообразною, безчинною, неопредѣленною. Ибо какъ Ангелы, не пріявъ силы отъ Духа, скажутъ: „слава въ вышнихъ Богу" (Лук. 2, 14)? „Никтоже бо можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ, и никтоже Духомъ Божіимъ глаголяй, речетъ анаѳема Іисуса" (1 Кор. 12, 3). Послѣднее могли бы сказать лукавые и сопротивные духи, отпаденіемъ которыхъ доказывается то положеніе, что невидимыя силы свободны, равно наклонны и къ добродѣтели и къ пороку, а потому имѣютъ нужду въ помощи Духа. Полагаю, что и Гавріилъ не иначе предсказываетъ будущее, какъ по предувѣдѣнію Духа; потому что пророчество есть одно изъ дарованій, раздѣляемыхъ Духомъ. А полу-

чившій повелѣніе возвѣстить „мужу желаній" тайны вѣдѣнія (Дан. 10, 11) кѣмъ, какъ не Духомъ Святымъ умудренный, могъ научить сокровенному? потому что откровеніе таинъ собственно принадлежитъ Духу, по написанному: „намъ открылъ есть Богъ Духомъ" (1 Кор. 2, 10). Престолы же и Господствія, Начала и Власти, какъ могли бы проводить блаженную жизнь, если бы не „выну" видѣли „лице Отца небеснаго" (Матѳ. 18, 10)? А видѣть невозможно безъ Духа. Какъ ночью, если вынесешь свѣтъ изъ дому, глаза твои дѣлаются слѣпы, силы остаются въ бездѣйствіи, достоинство вещей не познается, но золото и серебро равно попираются по невѣдѣнію: такъ и для умныхъ чиновъ не возможно, чтобы жизнь ихъ пребывала сообразно съ закономъ безъ Духа; равно какъ невозможны благоустройство въ войскѣ безъ тысяченачальника и согласіе въ ликѣ поющихъ безъ ликоначальника, приводящаго ихъ въ стройность. Какъ сказали бы Серафимы: „святъ, святъ, святъ" (Ис. 6, 3), если бы не были научены Духомъ, коликократное возглашеніе сего славословія благочестно? Посему, если хвалятъ Бога всѣ Ангелы Его, и хвалятъ Его всѣ Силы Его; то по дѣйствію Духа. Если предстоятъ Ему тысячи тысячъ Ангеловъ и тьмы темъ служащихъ; то силою Духа совершаютъ они непорочно дѣло своего служенія. Поэтому вся оная пренебесная и неизреченная стройность, какъ въ служеніи Богу, такъ и во взаимномъ между собою согласіи премірныхъ Силъ, не можетъ быть сохранена иначе, какъ подъ управленіемъ Духа. Такъ въ созиданіи Духъ Святый присущъ тварямъ не постепенно усовершаемымъ, но съ минуты сотворенія уже совершеннымъ и сообщаетъ имъ отъ Себя благодать къ совершенію и восполненію каждаго существа (τῆς ὑποστάσεως).

Кто же будетъ спорить противъ того, что домостроительства о человѣкѣ, какія, по благости Божіей, совершены великимъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, окончательно исполнены Духомъ Святымъ? Пожелаешь ли разсмотрѣть ветхозавѣтное, благословенія патріарховъ, помощь данную въ законоположеніи, прообразованія, пророчества, доблестные подвиги въ браняхъ, чудеса, совершенныя праздниками, а потомъ и все домостроительство пришествія Господня во плоти; все сіе чрезъ Духа. Во-первыхъ, Духъ присущъ самой плоти Господней, ставъ ея помазаніемъ, и неразлучно сопребывая съ нею, по написанному „надъ Негоже узриши Духа сходяща и пребывающа, Той есть" Сынъ Мой возлюбленный (Іоан. 1, 33); и: „Іисуса, Иже отъ Назарета, Его помаза Богъ Духомъ Святымъ" (Дѣян. 10, 38). Потомъ всякое дѣйствіе совершалось въ присутствіи Духа. Духъ соприсущъ былъ и искушаемому отъ діавола. Ибо сказано: „возведенъ бысть Іисусъ Духомъ въ пустыню искуситися" (Матѳ. 4, 1). Духъ неотлучно соприсущъ былъ совершающему чудеса. Ибо говоритъ: „Азъ о Дусѣ Божіи изгоню бѣсы" (Матѳ.

12, 28). Духъ не оставилъ и воскресшаго изъ мертвыхъ. Ибо, обновляя человѣка, и опять возвращая ему ту благодать, которую вдохнулъ въ него Богъ, и которую человѣкъ погубилъ, Господь дунулъ въ лице ученикамъ, и что говоритъ при семъ? „пріимите Духъ Святъ. Имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся“ (Іоан. 20, 22. 23). А управленіе Церкви не явно ли и не непререкаемо ли производится Духомъ? Ибо сказано: Той даде „Церкви первѣе Апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей, потомъ же силы, таже дарованія исцѣленій, заступленія, правленія, роди языковъ“ (1 Кор. 12, 28). Ибо сей чинъ установленъ съ раздѣленіемъ даровъ Духа.

А внимательный изслѣдователь можетъ найдти, что, и во время ожидаемаго явленія Господня съ небесъ, Духъ Святый будетъ не бездѣйственъ, какъ думаютъ иные, но явится вмѣстѣ и въ день откровенія Господня, въ который станетъ судить вселенную по правдѣ Блаженный и единый Сильный. Кому такъ мало извѣстны тѣ блага, какія Богъ уготовалъ достойнымъ, чтобы не знать, что и вѣнецъ праведныхъ есть благодать Духа, которая обильнѣе и полнѣе будетъ сообщаема, когда духовная слава раздѣлится каждому по мѣрѣ доблестныхъ дѣлъ его? Ибо во свѣтлостяхъ святыхъ у „Отца обители многи“ (Іоан. 14, 2), то есть, многія различія достоинствъ. Какъ „звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ, такожде и воскресеніе мертвыхъ“ (1 Кор. 15, 41. 42). Посему запечатлѣнные Духомъ Святымъ въ день избавленія, и сохранившие чистымъ и цѣлымъ пріятый ими начатокъ Духа, они только услышатъ: „добрѣ, рабе благій и вѣрный, о малѣ Ми былъ если вѣренъ, надъ многими тя поставлю“ (Матѳ. 25, 21). А подобно, и огорчившіе Духа Святаго лукавствомъ начинаній своихъ, или ничего не пріобрѣтшіе къ данному, будутъ лишены того, что получили, и благодать отдастся другимъ. Или, какъ говоритъ одинъ изъ Евангелистовъ, они будутъ „растесаны“ совершенно (Лук. 12, 46), подъ растесаніемъ разумѣя конечное отчужденіе отъ Духа. Ибо не тѣло дѣлится на части, чтобы одна часть была предана наказанію, а другая освобождена; потому что походитъ на басню и не достойно праведнаго Судіи предположеніе, что подвергается наказанію одною половиною, кто согрѣшилъ весь. Также и не душа разсѣкается пополамъ, потому что она вся и всецѣло приняла грѣховное мудрованіе и содѣйствовала тѣлу во злѣ. Напротивъ того растесаніе сіе, какъ сказалъ я, есть отчужденіе навсегда души отъ Духа. Ибо нынѣ Духъ, хотя не имѣетъ общенія съ недостойными, однако же, по видимому, сопребываетъ нѣкоторымъ образомъ съ тѣми, которые запечатлѣны однажды, ожидая ихъ спасенія по обращеніи; а тогда совершенно отсѣчется отъ души, поругавшей Его благодать. Посему „нѣсть во адѣ“ исповѣдающійся, и „въ смерти поминаяй“ Бога (Псал. 6, 6), потому что

тамъ не сопребываетъ уже помощь Духа. Какъ же можно представить, чтобы судъ совершился безъ Святаго Духа, между тѣмъ какъ Слово показываетъ, что Онъ есть и награда праведныхъ, когда вмѣсто залога дано будетъ совершенное, и что первое осужденіе грѣшниковъ будетъ состоять въ томъ, что отнимется у нихъ все, что почитаютъ себя имѣющими?

Но самымъ важнѣйшимъ доказательствомъ, что Духъ соединенъ со Отцемъ и Сыномъ, служитъ сказанное, что Онъ такое же имѣетъ отношеніе къ Богу, какое и къ каждому имѣетъ духъ, находящійся въ немъ. Ибо сказано: „кто бо вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка живущій въ немъ? такожде и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій" (1 Кор. 2, 11). И сего довольно.

Глава 17. Отвѣтъ утверждающимъ, что Духъ Святый не сочисляется со Отцемъ и Сыномъ, но только подчисляется Имъ, и вмѣстѣ краткое изложеніе вѣры о благочестномъ сочисленіи.

Не легко и понять, что разумѣютъ они подъ симъ подчисленіемъ (ὑπαρίθμησις) и какое значеніе даютъ сему слову. Ибо всякому извѣстно, что оно введено къ нимъ изъ мірской мудрости. Но посмотримъ, имѣетъ ли оно какое нибудь отношеніе къ нашему предмету.

Искусные въ суесловіи говорятъ, что одни имена суть общія, и значеніемъ своимъ простираются на многіе предметы, а другія болѣе собственныя, и они имѣютъ одни другихъ болѣе частнѣйшую силу. Напримѣръ: сущность есть имя общее, прилагаемое ко всему, равно и къ одушевленному и къ неодушевленному; а животное есть имя болѣе собственное, и хотя прилагается къ меньшему числу предметовъ, нежели первое, однако же къ большему, нежели имена подъ нимъ заключающіяся; ибо имъ объемлется природа какъ разумныхъ такъ и неразумныхъ животныхъ. Опять имени: животное, собственнѣе имя: человѣкъ, а сего собственнѣе имя: мужъ, и имени: мужъ, еще собственнѣе именованіе каждаго порознь, Петръ, или Павелъ, или Іоаннъ.

Итакъ сіе ли разумѣютъ подъ словомъ „подчисленіе" — раздѣленіе общаго именованія на именованія тѣснѣйшія? Но не повѣрю, чтобы дошли они до такого тупоумія, и стали утверждать, что Богъ всяческихъ, подобно какому-нибудь общему понятію, представляемому только въ умѣ и не имѣющему бытія ни въ какой самостоятельности, дѣлится на подлежащія, а потомъ подраздѣленіе сіе стали называть подчисленіемъ. Сего не скажутъ и страждущіе черножелчіемъ. Ибо сіе не только нечестиво, но ведетъ еще къ понятію, которое противно собственному ихъ намѣренію; потому что подраздѣляемыя—одной сущности съ тѣмъ, отъ чего отдѣляются.

Но самая очевидность нелѣпости, повидимому, затрудняетъ насъ въ словѣ, и не находимъ выраженій къ посрамленію ихъ неразумія; почему, кажется, самымъ безуміемъ своимъ пріобрѣтаютъ они нѣкоторую для себя выгоду. Ибо какъ тѣламъ мягкимъ и удобоподвижнымъ невозможно нанести крѣпкаго удара по тому самому, что они не имѣютъ упорства; такъ и явно безумствующимъ невозможно сдѣлать сильнаго обличенія. Посему остается прейдти молчаніемъ мерзость ихъ нечестія; но и безмолвія не дозволяютъ любовь къ братіямъ и нестерпимое поведеніе противниковъ.

Ибо что говорятъ они? Посмотрите, какія выраженія изобрѣтены ихъ высокомѣріемъ! „Мы утверждаемъ, что равночестнымъ прилично сочисленіе, отличающимся же низшимъ достоинствомъ прилично подчисленіе“. Что же подъ симъ разумѣете? Я не понимаю вашей странной мудрости. То ли, что золото съ золотомъ сочисляется, а свинецъ недостоинъ сочисленія съ золотомъ, но по дешевизнѣ вещества подчисляется золоту? И ужели числу приписываете вы такую силу, что оно возвышаетъ достоинство вещей малоцѣнныхъ, и унижаетъ досточестность вещей многоцѣнныхъ? Поэтому и золото опять будутъ подчислять драгоцѣннымъ камнямъ, и изъ сихъ послѣднихъ менѣе блестящіе и мелкіе подчислять болѣе доброцвѣтнымъ и крупнымъ. Но чего не скажутъ люди, у которыхъ не достаетъ досуга ни на что иное, какъ только говорить или слышать что либо новое? Да славятся впредь вмѣстѣ съ Стоиками и Эпикурейцами подающіе голосъ въ пользу нечестія! Ибо какое возможно подчисленіе вещей малоцѣнныхъ вещамъ многоцѣннымъ? Почему мѣдный оволъ будетъ подчисляться золотому статиру? Потому, говорятъ, что, имѣя ихъ, не говоримъ: у насъ двѣ монеты, но: одна и одна. Которая же изъ сихъ монетъ которой подчисляется? Ибо названіе каждой произносится подобно. Посему, если каждую монету будешь счислять отдѣльно; то одинаковымъ образомъ счисленія введешь равноцѣнность. А если сопряжешь ихъ въ счисленіи; то опять, счисляя обѣ одну съ другою, соединишь достоинствомъ. А если подчисленіе будетъ принадлежать тому, что счисляется во-вторыхъ; то отъ счисляющаго зависитъ начать счисленіе съ мѣдной монеты. Но отлагая до времени обличеніе невѣжества, обратимъ рѣчь къ главному предмету.

Утверждаете ли, что и Сынъ подчисляется Отцу, и Духъ Сыну, или одному Духу приписываете подчисленіе? Ибо, если и Сына подчисляете; то возобновляете то же ученіе нечестія, и окажетесь въ одномъ этомъ реченіи повторяющими неподобосущіе, низшую степень достоинства, рожденіе впослѣдствіи, однимъ словомъ, всѣ вдругъ хулы на Единороднаго, которыя опровергать потребовалось бы болѣе времени, нежели сколько можно удѣлить, сообразно съ настоящимъ намѣреніемъ; притомъ сіе не-

честивое ученіе, по мѣрѣ силъ, обличено уже нами въ другое время и въ другихъ мѣстахъ. А если полагаютъ, что подчисленіе приличествуетъ одному Духу; то пусть знаютъ, что одинаковымъ образомъ произносится Духъ съ Господомъ и Сынъ съ Отцемъ. Ибо одинаково преподано имя Отца и Сына и Святаго Духа (Матѳ. 28, 19). Посему, по словосочиненію, преподанному въ крещеніи, какъ Сынъ относится къ Отцу, такъ Духъ къ Сыну. А если Духъ ставится наряду съ Сыномъ, а Сынъ ставится наряду съ Отцемъ; то очевидно, что и Духъ ставится наряду съ Отцемъ. Поэтому умѣстно ли утверждать объ именахъ, поставленныхъ въ одной и той же связи, что одно изъ нихъ счисляется, а другое подчисляется?

Вообще же, какая вещь чрезъ счисленіе утрачивала когда нибудь свою природу? Напротивъ того, исчисленныя вещи не остаются ли такими же, какими были отъ начала, и число не прилагается ли нами къ вещамъ какъ знакъ, показывающій множество подлежащихъ? Изъ тѣлъ одни счисляемъ, другія мѣряемъ, иныя же взвѣшиваемъ; и которыя составляютъ нѣчто непрерывное, тѣ беремъ на мѣру, а которыя раздѣльны, тѣ подвергаемъ числу, впрочемъ и они, если мелки, также бываютъ измѣряемы; о тѣлахъ же тяжелыхъ заключаемъ по наклоненію вѣсовъ. Но если мы изобрѣли для себя знаки къ познанію количества, то симъ не измѣнили еще природы означаемыхъ вещей. Посему, какъ вѣсомыхъ веществъ одного другому не подвѣшиваемъ, хотя бы то было золото или олово, и измѣряемыхъ не подмѣриваемъ; такъ и счисляемыхъ, конечно, не будемъ подчислять. А если ничто прочее не допускаетъ подчисленія, то почему же утверждаютъ, что Духу прилично быть подчисляемымъ? Но страждущіе недугомъ язычества полагаютъ, что если одно другому уступаетъ или по степени достоинства, или по подчиненію сущности, то уступающему въ семъ принадлежитъ—быть подчисляемымъ.

Глава 18. О томъ, какъ въ исповѣданіи трехъ упостасей соблюдаемъ благочестивый догматъ единоначалія, и вмѣстѣ обличаніе утверждающихъ, что Духъ подчисляется.

Господь, предавая намъ объ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, не счетомъ переименовалъ ихъ; ибо не сказалъ: въ первое, второе и третіе, или—въ одно, два и три; но въ святыхъ Именахъ даровалъ намъ познаніе вѣры, приводящее ко спасенію. Посему спасающее насъ есть вѣра, а число придумано какъ знакъ, показывающій количество подлежащихъ. Между тѣмъ люди изъ всего извлекающіе для себя вредъ, и способность считать употребляютъ противъ вѣры, и хотя знаютъ, что все прочее не измѣняется отъ прибавки числа, однако же въ разсужденіи Божія естества боятся числа, чтобы ради него не преступить мѣры въ чествованіи, подобающемъ Утѣшителю.

Но недоступное, о премудрые, тѣмъ наипаче да будетъ выше числа! Такъ и древнее благоговѣніе Евреевъ особенными знаками начертывало неизглаголанное Божіе имя, и тѣмъ показывало превосходство его надъ всѣми именами. А если должно и счислять, то по крайней мѣрѣ не надобно и въ этомъ повреждать истины. Или молчаніе почти неизреченное, или благочестно счисляй святое. Единъ Богъ и Отецъ, и единъ Единородный Сынъ, и единъ Духъ Святый. О каждой изъ Ѵпостасей возвѣщаемъ отдѣльно; но когда нужно будетъ счислять, тогда не попустимъ, чтобы невѣжественное счисленіе довело насъ до понятія многобожія.

Мы счисляемъ не чрезъ сложеніе, отъ одного дѣлая наращеніе до множества, и говоря: одно, два, три, или: первое, второе, третіе. „Азъ" Богъ „первый, и Азъ по сихъ" (Иса. 44, 5). О второмъ же Богѣ никогда не слыхали мы даже доселѣ. Покланяясь Богу отъ Бога, и различіе Ѵпостасей исповѣдуемъ, и остаемся при единоначаліи, не разсѣкая богословія на раздробленное множество; потому что въ Богѣ Отцѣ и въ Богѣ Единородномъ созерцаемъ одинъ какъ бы образъ, отпечатлѣвшійся въ неизмѣнности Божества. Ибо Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ; потому что и Сынъ таковъ же, каковъ Отецъ, и Отецъ таковъ же, каковъ Сынъ; и въ этомъ Они — едино. Почему по отличительному свойству Лицъ— единъ и единъ, а по общности естества Оба—едино.

А почему, хотя единъ и единъ, однако же не два Бога? Потому что царемъ именуется и образъ царевъ, и не два царя; ибо не держава не разсѣкается, ни слава не раздѣляется. Какъ одно державствующее надъ нами начало и одна власть, такъ и наше славословіе одно, не многія; потому что чествованіе образа переходитъ къ первообразу. Но что здѣсь подражательно есть образъ, сіе самъ естественно есть Сынъ. И въ искусственныхъ произведеніяхъ подобіе—въ образѣ, такъ въ Божіемъ несложномъ естествѣ единеніе—въ общеніи Божества.

Но единъ и Святый Духъ, и о Немъ возвѣщается отдѣльно; чрезъ единаго Сына сочетавается Онъ съ единымъ Отцемъ, и Собою восполняетъ препѣтую и блаженную Троицу. Единеніе Его съ Отцемъ и Сыномъ достаточно выражается тѣмъ, что Онъ не поставляется въ одинъ рядъ со множествомъ тварей, но произносится отдѣльно. Ибо Онъ—не единый изъ многихъ, но единый. Какъ единъ Отецъ и единъ Сынъ, такъ и единъ и Святый Духъ. Посему Онъ столько же далекъ отъ тварной природы, сколько единичное не подобно составному и имѣющему въ себѣ множество. Со Отцемъ же и Сыномъ потолику соединенъ, поколику единица имѣетъ свойство съ единицею.

Но не изъ сего только заимствуются доказательства общенія Его по естеству; а также и изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится, что Онъ отъ Бога, не какъ и все отъ Бога, но какъ исходящій отъ Бога, исходящій не

через рожденіе, подобно Сыну, н какъ Духъ устъ Божіихъ. Безъ сомнѣнія же, и уста—не членъ, и Духъ—не разсѣвающееся дыханіе; а напротивъ того и уста разумѣются боголѣпно, и Духъ есть сущность живая, владычица святыни; изъ чего хотя открывается Его единеніе съ Богомъ, но образъ исхожденія остается неизъяснимымъ.

Онъ называется и Духомъ Христовымъ, какъ соединенный со Христомъ по естеству. Посему „кто Духа Христова не имать; сей нѣсть Еговъ" (Рим. 8, 9). Поэтому Онъ одинъ достойно прославляетъ Господа. Ибо Господь сказалъ: „Онъ Мя прославитъ" (Іоан. 16, 14), не какъ тварь, но какъ „Духъ истины", ясно показывающій въ Себѣ истину, и какъ Духъ премудрости, въ величіи Своемъ открывающій Христа, Божію силу и Божію премудрость. А какъ Утѣшитель, Онъ показываетъ въ Себѣ благость пославшаго Его Утѣшителя, и въ достоинствѣ Своемъ являетъ величіе Того, отъ Кого исшелъ. Посему есть слава какая-то естественная, какъ слава солнца—свѣтъ; и есть слава какая-то внѣшняя, разсудительно воздаваемая достойнымъ, по свободному произволенію. Но и сія опять двояка. Ибо сказано: „сынъ славитъ отца, и рабъ господина своего" (Малах. 1, 6). Итакъ, одна изъ нихъ, рабская, воздается тварію; а другая, скажу такъ, домашняя (οἰκειακή), совершается Духомъ. Ибо Господь, какъ о Себѣ сказалъ: „Азъ прославихъ Тя на земли, дѣло соверших, еже далъ еси Мнѣ, да сотворю" (Іоан. 17, 4), такъ и объ Утѣшителѣ говоритъ: „Онъ Мя прославитъ, яко отъ Моего пріиметъ, и возвѣститъ вамъ" (Іоан. 16, 14). И какъ прославляется Сынъ Отцемъ, Который говоритъ: „и прославихъ, и паки прославлю" (Іоан. 12, 28); такъ прославляется Духъ, по причинѣ общенія съ Отцемъ и Сыномъ, и по свидѣтельству Единороднаго, Который говоритъ: „всякъ грѣхъ и хула отпустится" вамъ „человѣкомъ": а иже на Духа хула, не отпустится" (Матѳ. 12, 31).

Но какъ скоро, при содѣйствіи просвѣщающей силы, устремляетъ взоръ на красоту Образа Бога невидимаго, и чрезъ нее возводимся къ превосходящему всякую красоту созерцанію Первообраза; неотлучно соприсутствуетъ при семъ Духъ вѣдѣнія, Который любозрителямъ истины въ Себѣ Самомъ подаетъ тайнозрительную силу къ созерцанію Образа, и не внѣ Себя показываетъ Его, но въ Себѣ Самомъ вводитъ въ познаніе. Ибо какъ „никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ" (Матѳ. 11, 27); такъ „никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію въ Дусѣ Святомъ" [1]) (1 Кор. 12, 3). Ибо не сказано: Духомъ (ἐν πνεύματι), но: „въ Духѣ (διά πνεύματος)" И: „Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, въ Духѣ и истинѣ достоитъ кланятися" (Іоан. 4, 24); какъ написано: „во свѣтѣ Твоемъ", то есть, въ про-

---

[1]) У Апостола въ семъ мѣстѣ, какъ и у Евангелиста Іоанна въ приводимомъ ниже сего мѣстѣ, читается: ἐν πνεύματι.

свѣщеніи Духа, „узримъ свѣтъ“ (Псал. 35, 10),—„свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ“ (Іоан. 1, 9). Посему Духъ въ себѣ показываетъ славу Единорднаго, и въ Себѣ сообщаетъ истиннымъ поклонникамъ вѣдѣніе Бога. Поэтому путь боговѣдѣнія—отъ единаго Духа, чрезъ Единороднао Сына, къ единому Отцу. И обратно, естественная благость, и естественная святыня и царское достоинство отъ Отца, чрезъ Единороднаго, простираются на Духа.

Такимъ образомъ и Упостаси исповѣдуются, и благочестивый догматъ единоначалія не падаетъ. А тѣ, которые допускаютъ подчисленіе, говоря: первое, второе и третіе, да будутъ признаны въ нескверное христіанское богословіе вводящими многобожіе эллинскаго заблужденія. Ибо это ухищренное введеніе подчисленія ни къ чему иному не ведетъ, а только къ тому, чтобы исповѣдывать Бога перваго, втораго и третьяго. Но для насъ достаточно порядка предложеннаго Господомъ; кто перемѣшиваетъ оный, тотъ погрѣшитъ не менѣе, чѣмъ и сіи нечестивцы.

Итакъ достаточно сказано о томъ, что естественное общеніе нимало не нарушается подчисленіемъ, какъ погрѣшительно думаютъ сіи люди. Но сдѣлаемъ снисхожденіе человѣку упорному и суемудренному, и уступимъ что второе послѣ чего нибудь называется такъ въ смыслѣ подчисленія сему чему нибудь. И посмотримъ, что выходитъ изъ сего положенія. Сказано: „первый человѣкъ, отъ земли перстенъ: вторый человѣкъ, Господь съ небесе“ (1 Кор. 15, 47). И въ другомъ мѣстѣ сказано: „не прежде духовное, но душевное, потомъ же духовное“ (46). Поэтому, если второе подчисляется первому, а подчисляемое малоцѣннѣе того, чему подчисляется; то, по вашимъ словамъ, духовный человѣкъ малоцѣннѣе душевнаго, и небесный—перстнаго.

Глава 19. Отвѣтъ утверждающимъ, что Духа прославлять не должно.

„Пусть такъ,—говорятъ они;—но изъ сего не слѣдуетъ, что и слава непремѣнно принадлежитъ Духу, почему и мы должны превозносить Его славословіями“. Итакъ откуда возьмемъ доказательства, что достоинство Духа превыше всякаго ума, когда общеніе съ Нимъ Отца и Сына почитаютъ они неудостовѣрительнымъ свидѣтельствомъ сего достоинства? По крайней мѣрѣ, обративъ вниманіе на знаменованіе именъ, на величіе дѣйствованій Духа, и также на благодѣянія, какія оказываетъ Онъ намъ, лучше же сказать всей твари, можемъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, составить понятіе о величіи Его естества и о неизрѣченномъ Его могуществѣ.

Онъ называется „Духомъ“, какъ: „Духъ есть Богъ“ (Іоан. 4, 24); и: „Духъ лица нашего, помазанный Господь“ (Пл. Іер. 4, 20). Назы-

вается Святымъ, какъ святъ Отецъ, и святъ Сынъ. Ибо въ тварь привносится святыня со-внѣ, а въ Духѣ святость восполняетъ естество; почему Онъ есть не освящаемый, но освящающій. Называется благимъ, какъ благъ Отецъ и благъ Рожденный отъ Благого. Называется „правымъ", какъ „правъ Господь Богъ" (Псал. 91, 16); потому что Онъ—источная истина и источная правда, по неизмѣняемости Своей сущности, не имѣетъ отступленій и уклоненій въ ту и другую сторону. Называется Утѣшителемъ, какъ и Единородный, Который Самъ говоритъ: „Азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ" (Іоан. 14, 16). Такъ у Духа имена общія съ Отцемъ и Сыномъ, и Онъ имѣетъ сіи наименованія по естественному съ Ними единенію. А иначе почему же могъ бы имѣть? Еще называется „владычнимъ", и Духомъ истины, и Духомъ премудрости. „Духъ Божій сотворивый мя" (Іов. 33, 4). И о Веселеилѣ сказано, что наполнилъ его Богъ „духомъ Божіимъ премудрости, и смышленія, и вѣдѣнія" (Исх. 31, 3). Таковы имена, такъ они высоки и велики, однако же не выражаютъ никакого преизбытка славы!

А каковы дѣйствованія? Неизреченны по величію, неисчислимы по множеству. Ибо какъ представимъ мыслію то, что за предѣлами вѣковъ? Каковы были дѣйствованія Духа прежде мысленной твари? Сколь многочисленны благодѣянія Его къ твари? Какое могущество на времена грядущія? Ибо Духъ былъ, былъ прежде вѣковъ, былъ купно со Отцемъ и Сыномъ. Поэтому, если и представишь что за предѣлами вѣковъ, то найдешь, что оно послѣ Духа. А если представишь въ умѣ твореніе, то Силы небесныя утвердились Духомъ; подъ утвержденіемъ же, очевидно, долженъ ты разумѣть неудобоизмѣнность въ навыкѣ къ благому. Ибо отъ Духа даровано Силамъ и общеніе съ Богомъ, и неуклонность ко грѣху, и пребываніе въ блаженствѣ. Пришестіе Христово! и Духъ предшествуетъ. Явленіе во плоти! и Духъ неотлученъ. Дѣйствія силъ, дарованія исцѣленій—отъ Духа Святаго. Бѣсы были изгоняемы Духомъ Божіимъ; діаволъ приведенъ въ бездѣйствіе—въ соприсутствіи Духа; искупленіе грѣховъ—по благодати Духа. Ибо „омыстеся и освятистеся именемъ Господа нашего Іисуса Христа, и Духомъ" Святымъ (1 Кор. 6, 11). Присвоеніе насъ Богу — чрезъ Духа. Ибо „посла Богъ Духа Сына Своего въ сердца" наша, „вопіюща: Авва Отче" (Гал. 4, 6). Воскресеніе изъ мертвыхъ—дѣйствіемъ Духа. Ибо „послеши Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли" (Псал. 103, 30). Если кто подъ твореніемъ захочетъ разумѣть оживотвореніе разрушившагося; то ужели не велико дѣйствованіе Духа, Который устрояетъ намъ жизнь изъ воскресенія, и возстановляетъ души наши для духовной жизни? И если твореніемъ будетъ названо здѣшнее преобразованіе въ лучшее тѣхъ, которые пали въ слѣдствіе грѣха (ибо и такъ употребляется слово сіе по обыкновенію

Писанія, напримѣръ, когда говоритъ Павелъ: „аще кто во Христѣ, нова тварь“ (2 Кор. 5, 17); то и здѣшнее обновленіе и здѣшній переходъ отъ жизни земной и страстной къ жительству небесному, совершаемый въ насъ чрезъ Духа, приводятъ душу нашу въ крайнее удивленіе.

Чего же побоимся послѣ этого? Ужели того, чтобы избыткомъ чествованія не превысить достоинства? Или, напротивъ того, чтобы понятія о Духѣ не унизить, хотя, повидимому, скажемъ о Немъ самое великое, что только произносится человѣческою мыслію и человѣческимъ языкомъ? Сіе говоритъ Духъ Святый, потому что сіе говоритъ Господь: „сниди, и иди съ ними, ничтоже разсуждая: зане Азъ послахъ ихъ“ (Дѣян. 10, 20). Ужели это—слова униженнаго и презрѣннаго? „Отдѣлите Ми Варнаву и Савла на дѣло, на неже призвахъ ихъ“ (Дѣян. 13, 2). Ужели говоритъ такъ рабъ? И Исаія сказалъ: „Господь посла мя, и Духъ Его“ (Иса. 48, 16). И: „сниде Духъ Господа, и настави ихъ“ (Иса. 63, 14). А слово: наставленіе, принимай опять не въ низкомъ значеніи. Ибо писаніе свидѣтельствуетъ, что это есть Божіе дѣло. Сказано: „наставилъ еси, яко овцы, люди Твоя“ (Псал. 76, 21); и: „наставляй, яко овча, Іосифа“ (Псал. 79, 1); и: „настави я на упованіе, и не убояшася“ (Псал. 77, 53). Посему, когда услышишь: „егда пріидетъ“ Утѣшитель, „Той воспомянетъ вамъ, и наставитъ на всяку истину“ (Іоан. 16, 13, 14, 26); тогда слово: наставленіе, разумѣй, какъ наученъ, и не подкапывай понятія.

Но говоришь: „и ходатайствуетъ о насъ“ (Римл. 8, 26). Посему сколько проситель ниже благодѣтеля, столько и Духъ по достоинству далекъ отъ Бога“. Но развѣ не слыхалъ ты объ Единородномъ, что Онъ есть одесную Бога, „и ходатайствуетъ о насъ“ (Римл. 8, 34)? За то, что Духъ въ тебѣ (если только совершенно въ тебѣ), и за то, что насъ ослѣпленныхъ учитъ и наставляетъ избранію полезнаго, ты не искажай благочестиваго и святаго о Немъ вѣрованія. Ибо крайняя мѣра непризнательности—человѣколюбіе благодѣтеля обращать въ предлогъ къ неблагодарности.

Посему „не оскорбляйте Духа Святаго“ (Ефес. 4, 30). Слышите, что говоритъ начатокъ мучениковъ—Стефанъ, укоряя народъ непокорный и не подчиняющійся. „Вы присно Духу Святому противитеся“ (Дѣян. 7, 41), говоритъ онъ. И еще Исаія: „разгнѣваша Духа Святаго, и обратися имъ на вражду“ (Иса. 63, 10). И въ другомъ мѣстѣ: „домъ Іаковль разгнѣва Духъ Господень“ (Мих. 2, 7). Не выражаетъ ли это полновластнаго могущества? Предоставляю суду читающихъ, какія понятія о Духѣ должны имѣть слышащіе сіе. Какъ объ орудіи ли, какъ о чемъ ли подчиненномъ, равночестномъ твари, и намъ сослужебномъ? Или благочестивымъ весьма тяжело и единымъ словомъ поползнуться на такую хулу?

Рабомъ ты называешь Духа? Но сказано: „рабъ не вѣсть, что творитъ господь его“ (Іоан. 15, 15); а Духъ такъ же „вѣсть Божія“, какъ и „духъ человѣка—яже въ человѣцѣ“ (1 Кор. 2, 11. 12).

Глава 20. Въ отвѣтъ утверждающимъ, что Духъ — ни въ рабскомъ ни въ господскомъ чинѣ, но въ чинѣ свободныхъ.

Говорятъ, что „Духъ—не рабъ, и не Господь, но свободенъ“. Удивительно безчувствіе, жалко безстрашіе—утверждающихъ это! Что болѣе оплакивать въ нихъ? невѣжество ли? или хульничество? Богословскіе догматы унижаютъ они человѣческими примѣрами, и здѣшній обычай, по которому иное различіе достоинствъ, стараются примѣнить къ Божію неизреченному естеству, не размышляя, что у людей никто не рабъ по естеству.

Ибо люди или насильственно приведены подъ иго рабства, какъ въ плѣненіяхъ; или поработились по бѣдности, какъ Египтяне Фараону; или, по какому-то мудрому и таинственному домостроительству, худшія изъ дѣтей словомъ отцевъ осуждены рабствовать благоразумнѣйшимъ и лучшимъ; и это иной правдивый изслѣдователь событій назоветъ даже не осужденіемъ, а благодѣяніемъ. Ибо тому, кто, по недостатку благоразумія, отъ природы не имѣетъ въ себѣ начальственнаго, полезнѣе стать достояніемъ другого, чтобы имъ управлялъ разсудокъ владѣтеля, какъ колесницею, которой данъ возница, и кораблемъ, на которомъ при кормилѣ сидитъ кормчій. Поэтому Іаковъ по благословенію отца—господинъ Исаву. чтобы неразумный, не имѣя собственнаго своего попечителя—ума, противъ воли воспользовался благодѣяніями благоразумнаго. И „Ханаанъ отрокъ рабъ будетъ братіямъ“ (Быт. 8, 25), потому что неспособенъ самъ собою научиться добродѣтели, имѣя у себя отцемъ несмысленнаго Хама. Вотъ по какимъ причинамъ бываютъ здѣсь рабы; а свободны тѣ, которые избѣгли бѣдности, или войны, или не имѣютъ нужды въ попечительствѣ другихъ. Поэтому, хотя одинъ называется властелиномъ, а другой рабомъ; однако же всѣ мы сослужители, и по взаимной равночестности одного съ другимъ, и какъ достояніе Сотворившаго насъ.

А тамъ, что возможешь освободить отъ рабства? Ибо вдругъ и создано и предустроено къ тому, чтобъ быть рабскимъ. Небесные не начальствуютъ другъ надъ другомъ, потому что нѣтъ у нихъ страсти къ преобладанію, но всѣ покорны Богу; Ему, какъ Владыкѣ, воздаютъ должный страхъ, и какъ Создателю—подобающую славу. Ибо „сынъ славитъ отца, и рабъ господина своего“. И Богъ непремѣнно требуетъ одного изъ двухъ. Ибо говоритъ: „аще Отецъ есмь Азъ, то гдѣ слава Моя? и аще Господь есмь Азъ, то гдѣ есть страхъ мой“ (Малах. 1, 6)? И весьма

жалка была бы жизнь, если бы не состояла подъ надзоромъ Владыки. Тѣ отступническія силы, которыя, вознесши выю противъ Бога Вседержителя, отказываются отъ рабства, поступаютъ такъ не по инаковому устройству природы, а по непокорности своей Сотворшему. Поэтому кого называешь ты свободнымъ? Того ли, кто не имѣетъ надъ собою царя? того ли, кто самъ не имѣетъ силы начальствовать надъ другимъ, и не терпитъ, чтобы надъ нимъ начальствовали? Но между существами нѣтъ подобной природы, и думать такъ о Духѣ—явное нечестіе. Почему, если Онъ созданъ, то, безъ сомнѣнія, рабствуетъ наряду со всѣми тварями. Ибо сказано: „всяческая работна Тебѣ" (Псал. 118, 91). А если онъ выше твари, то соучастникъ въ царской власти.

Глава 21. Свдѣтельства изъ Писанія объ именованіи Духа Господомъ.

И нужно ли въ спорахъ о понятіяхъ унизительныхъ домогаться словомъ неславной побѣды, когда, представивъ понятія досточестнѣйшія, можно доказать неоспоримое превосходство славы? Но если скажемъ, чему научены мы Писаніемъ; то, можетъ быть, духоборцы возопіютъ громко и сильно, и устремятся на насъ, заткнувъ уши, взявъ камни, или обративъ въ оружіе все, что ни попадется кому въ руки. Впрочемъ мы не должны предпочитать истинѣ свою безопасность.

Итакъ у Апостола нашли мы: „Господь же да исправитъ сердца ваша въ любовь Божію, и въ терпѣніе Христово" ради скорбей (2 Сол. 3, 5). Кто же сей Господь, исправляющій въ любовь Божію и ради скорбей въ терпѣніе Христово? Пусть отвѣчаютъ намъ порабощающіе Духа. Если бы рѣчь была о Богѣ Отцѣ, то непремѣнно было бы сказано: „Господь же да исправитъ" васъ „въ любовь Свою". И если бы говорилось о Сынѣ, то было бы приложено: въ терпѣніе Свое. Поэтому пусть съищутъ, какое иное лице достойно того, чтобы почтить его наименованіемъ Господа.

А подобно сему сказанне въ другомъ мѣстѣ: „васъ же Господь да умножитъ, и да избыточествитъ любовію ко всѣмъ, якоже и мы къ вамъ, во еже утвердити сердца ваша непорочна въ святыни, предъ Богомъ и Отцемъ нашимъ, въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа со всѣми святыми его" (1 Сол. 3, 12. 13). Какого Господа умоляетъ Апостолъ „предъ Богомъ и Отцемъ нашимъ, въ пришествіе Господа нашего, во еже сердца" всѣхъ находящихся въ Солунѣ „утвердите непорочна", какъ утвержденныя „во святыни"? Пусть отвѣтятъ намъ тѣ, которые поставляютъ Духа Святаго наряду съ служебными духами, посылаемыми въ служеніе.

Но они ничего не могутъ отвѣтить. Потому пусть выслушаютъ другія свидѣтельства, въ которыхъ также ясно именуется Духъ Господомъ. Сказано: „Господь же Духъ есть“ (2 Кор. 3, 17). И еще: „якоже отъ Господа[1]) Духа“ (18). Но чтобы не оставалось никакого предлога къ противорѣчію, предложу собственное изреченіе Апостола: „даже бо до сего дне тожде покрывало во чтеніи ветхаго завѣта пребываетъ неоткровенно, зане о Христѣ престаетъ. Внегда же обратятся ко Господу, взимается покрывало. Господь же Духъ есть“ (14—17). Что сіе значитъ? То, что останавливающійся на голомъ разумѣніи буквы и коснѣющій въ подзаконныхъ соблюденіяхъ, такимъ іудейскимъ толкованіемъ буквы закрываетъ сердце свое какъ бы нѣкоторымъ покровомъ; подвергается же этому по незнанію, что тѣлесное соблюденіе закона „престаетъ“ въ пришествіе Христово, когда прообразованія перешли уже въ дѣйствительность. Ибо не нужными дѣлаются свѣтильники при явленіи солнца: бездѣйственъ законъ и умолкаютъ пророчества, какъ скоро возсіяла истина. Кто возмогъ проникнуть въ глубину законнаго разумѣнія, и неясность буквальнаго смысла расторгнувъ какъ нѣкоторую завѣсу, взошелъ въ смыслъ таинственный, тотъ подражаетъ Моисею, который, во время собесѣдованія съ Богомъ, снималъ съ себя покрывало, и самъ обращаясь отъ буквы къ духу. По сей-то причинѣ покрывалу на лицѣ Моисеевомъ соотвѣтствуетъ неясность подзаконныхъ ученій, обращенію же Моисея, и именно обращенію ко Господу—духовное созерцаніе. Поэтому, кто при чтеніи Закона отбрасываетъ букву, тотъ обращается ко Господу (Господомъ же называется теперь Духъ); и онъ дѣлается подобнымъ Моисею, у котораго лице было прославлено въ слѣдствіе Божія явленія. Какъ лежащее вмѣстѣ съ цвѣтными веществами, отъ разливающихся вокругъ цвѣтныхъ лучей, само окрашивается; такъ и тотъ, кто ясно вникъ въ Духъ, отъ славы Его преобразуется до просвѣтленія, озаряя сердце истиною Духа, какъ бы нѣкоторымъ свѣтомъ. И сіе-то значитъ преображаться отъ славы Духа въ собственную свою славу, не скудно и не едва примѣтно, но въ такой мѣрѣ, въ какой свойственно просвѣщенному Духомъ.

Не стыдно ли тебѣ, человѣкъ, Апостола, который говоритъ: „храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ“ (1 Кор. 3, 16)? Ужели бы согласился онъ когда-нибудь рабское жилище почтить наименованіемъ храма? И что еще? Называющій Писаніе богодухновеннымъ, потому что оно писано по вдохновенію Святаго Духа, ужели употребляетъ реченія оскорбляющія и унижающія Духа?

---

[1]) Ἀπὸ Κυρίου Πνεύματος, въ славян. „отъ Господня Духа“.

Глава 22. Изъ того, что Духъ подобно Отцу и Сыну недоступенъ для созерцанія, заключеніе объ естественномъ общеніи Духа съ Отцемъ и Сыномъ.

Превосходство естества въ Духѣ познается не только изъ того, что Онъ съ Отцемъ и Сыномъ имѣетъ тѣ же наименованія и общеніе въ дѣйствованіяхъ, но и изъ того, что подобно Имъ недоступенъ для созерцанія. Что сказано объ Отцѣ, какъ о превышающемъ человѣческое разумѣніе, и что сказано о Сынѣ, то же самое Господь говоритъ и о Святомъ Духѣ. „Отче праведный, и міръ Тебе не позна“ (Іоан. 17, 25); а міромъ называется здѣсь не составъ неба и земли, а эта привременная жизнь, подлежащая тысячамъ перемѣнъ. И о Себѣ бесѣдуя, говоритъ: „еще мало, и міръ ктому не увидитъ Мене, вы же увидите Мя (Іоан. 14, 19); и здѣсь опять именуетъ міромъ тѣхъ, которые преданы вещественной и плотской жизни, довѣряютъ въ истинѣ однимъ глазамъ, и не вѣря воскресенію, никогда не увидятъ Господа нашего сердечными очами. Но то же самое сказалъ Онъ и о Духѣ. „Духъ истины, Егоже міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ Его, ниже знаетъ Его, вы же знаете Его, яко въ васъ пребываетъ“ (Іоан. 14, 17). Ибо плотскій человѣкъ, у котораго умъ не упражнялся въ созерцаніи, лучше же сказать, весь, какъ въ тинѣ, погребенъ въ плотскомъ мудрованіи, не можетъ воззрѣть на духовный свѣтъ истины. Поэтому міръ, то есть, жизнь порабощенная плотскимъ страстямъ, не пріемлетъ благодати Духа, какъ больной глазъ— свѣта солнечныхъ лучей. А ученикамъ Своимъ, о которыхъ Господь засвидѣтельствовалъ, что они, слѣдуя ученіямъ Его, имѣютъ чистоту жизни, даетъ Онъ и силу быть тайнозрителями и созерцателями Духа. Ибо говоритъ: „уже вы чисти есте, за слово, еже глаголахъ вамъ“ (Іоан. 15, 3): Посему „міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ Его: вы же знаете Его, яко въ васъ пребываетъ“. То же говоритъ и Исаія: „утверждай землю, и яже на ней, и даяй дыханіе людемъ, иже на ней, и Духъ ходящимъ [1]) на ней“ (Иса. 42, 5). О попирающихъ земное и о ставшихъ выше него свидѣтельствуетъ пророкъ, что они достойны дара Святаго Духа. Посему чѣмъ должно признать Того, Кто не вмѣстимъ для міра, и созерцаемъ одними святыми, по причинѣ чистоты ихъ сердца? или какія чествованія приличны Ему?

Глава 23. О томъ, что перечисленіе принадлежащаго Духу есть славословіе Ему.

О прочихъ Силахъ вѣримъ, что каждая находится въ опредѣленномъ мѣстѣ. Ибо Ангелъ, представшій Корнилію, не былъ въ то же время и у

---

[1]) Τοῖς πατοῦσιν, попирающимъ.

Филиппа (Дѣян. 8, 26 и 10, 3), и Ангелъ, бесѣдовавшій съ Захаріею у „олтаря кадильнаго" (Лук. 1, 10), не занималъ въ то же время свойственнаго ему мѣста на небѣ. О Духѣ же вѣруемъ, что Онъ въ одно время дѣйствуетъ въ Аввакумѣ и въ Даніилѣ въ Вавилоніи (Дан. 14, 33. и проч.), вмѣстѣ и съ Іереміею „въ кладѣ" (Іер. 20, 2), и съ Іезекіилемъ на Ховарѣ (Iез. 1, 1). „Яко Духъ Господень исполни вселенную" (Премудр. 1, 1). И: „камо пойду отъ Духа Твоего и отъ лица твоего камо бѣжу" (Псал. 138, 7)? И пророкъ говоритъ: „зане Азъ съ вами есмь, глаголетъ Господь, и Духъ Мой настоитъ посредѣ васъ" (Агг. 2, 5. 6). Какимъ же должно признавать естество Того, Кто вездѣсущъ и соприсущъ съ Богомъ? Всеобъемлющимъ ли или объемлемымъ частными мѣстами, каково, по указанію Писанія, естество ангельское? Но никто не скажетъ послѣдняго.

Какъ же не превознесемъ и не прославимъ Того, Кто божественъ по естеству, не вмѣстимъ по величію, могуществен̃ъ по дѣйствіямъ, благъ въ дѣйствіяхъ? А я не въ иномъ поставляю славу, какъ въ исчисленіи чудесъ, Ему принадлежащихъ. Поэтому, или пусть эти люди предпишутъ намъ не помнить благъ, даруемыхъ Духомъ, или пусть описаніе принадлежащаго Духу необходимо будетъ признано совершеніемъ высочайшаго славословія. Ибо не иначе можемъ славить Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа, и Единороднаго Его сына, какъ пречисляя, по мѣрѣ силъ, Его чудеса.

Глава 24. Обличеніе въ несообразности тѣхъ, которые не славятъ Духа, заимствованное изъ сравненія Его съ прославляемыми тварями.

Притомъ славою и честію увѣнчанъ вообще человѣкъ, а по обѣтованіямъ уготованы „слава и честь и миръ всякому дѣлающему благое" (Рим. 2, 10). Есть какая-то слава собственно принадлежащая Израилю: сказано: „ихъ всыновленіе, и слава, и служеніе" (Рим. 9, 4). Псалмопѣвецъ говоритъ и о своей какой-то славѣ: „воспоетъ Тебѣ слава моя" (Псал. 29, 13). И еще: „возстани слава моя" (Псал. 107, 2). А есть нѣкая слава „солнцу, лунѣ, и звѣздамъ" (1 Кор. 15, 41); по слову же Апостола: „и служеніе осужденія"—для славы (2 Кор. 3, 9). При такомъ числѣ прославляемыхъ, тебѣ хочется, чтобы одинъ Духъ былъ всѣхъ менѣе прославляемъ? Однако же сказано, что „служеніе Духа—въ славѣ" (2 Кор. 3, 8). Почему же Самъ Онъ недостоинъ прославленія? И хотя „велія слава" праведнаго, по словамъ псалмопѣвца (Псал. 20, 6); однако же, по твоему мнѣнію, нѣтъ никакой славы Духа. Какъ же не явная опасность—навлечь на себя такими словами неизбѣжный грѣхъ? Если человѣкъ, спасающійся дѣлами правды, прославляетъ и боящихся Господа; то тѣмъ менѣе долженъ лишать подобающей славы Духа.

Говоришь: „пусть будетъ славимъ, но не съ Отцемъ и Сыномъ".— Какое же основаніе придумывать для Духа новое мѣсто, оставивъ то, которое опредѣлено Господомъ, и лишать общенія въ славѣ Того, Кто вездѣ присоединенъ къ Божеству, въ исповѣданіи вѣры, въ крещеніи искупленія, въ дѣйствѣ силъ, въ обитаніи святыхъ, въ благодатныхъ дарахъ покорнымъ? Ибо вообще нѣтъ дара, который бы безъ Святаго Духа нисходилъ къ твари, такъ что, какъ научены мы въ Евангеліи Господомъ, и Спасителемъ нашимъ, и простаго слова въ защищеніе вѣры Христовой не возможно сказать безъ содѣйствія Духа (Матѳ. 10, 20). Не знаю, какой же причастникъ Святаго Духа, опустивъ изъ вида все это, и забывъ объ общеніи Духа во всемъ, согласится отторгать Его отъ Отца и Сына? Да и куда причтемъ Его? къ тварямъ ли? Но вся тварь рабствуетъ, и Духъ освобождаетъ. Ибо „идѣже Духъ Господень, ту свобода" (2 Кор. 3, 17).

И поелику многое можно сказать въ подтвержденіе, что Духа Святаго не должно причислять къ тварной природѣ, то рѣчь о семъ отложу до другаго времени. Ибо если, сообразно съ важностію предмета, станемъ приводить собственныя свои доказательства и рѣшать возраженія противниковъ, то потребуется продолжительное слово, и могли бы мы наскучить читателямъ многословіемъ книги. Почему, сберегая сіе для особаго сочиненія, буду держаться настоящаго предмета.

Итакъ разсмотримъ подробно. Духъ благъ по естеству, какъ благъ Отецъ и благъ Сынъ; а тварь въ избраніи благаго причастна только благости. Духъ вѣдаетъ глубины Божіи; а тварь только чрезъ Духа пріемлетъ откровеніе таинъ. Духъ оживотворяетъ вмѣстѣ съ животворящимъ все Богомъ и дающимъ жизнь Сыномъ. Ибо сказано: „воздвигій Христа изъ мертвыхъ, оживотворитъ" и „мертвенная тѣлеса ваша, живущимъ Духомъ Его въ васъ" (Рим. 8, 10). И еще: „овцы Моя гласа Моего слушаютъ, и Азъ животъ вѣчный даю имъ" (Іоан. 10, 27, 28). Но сказано также: и „Духъ животворитъ" (1 Кор. 15, 45). И еще сказано: „Духъ жизнь [1]) правды ради" (Рим. 8, 10). И Господь свидѣтельствуетъ, что „Духъ оживляетъ, плоть не пользуетъ ничтоже" (Іоан. 6, 63). Посему какъ же Духа, содѣлавъ чуждымъ животворящей силы, присоединимъ къ природѣ, еще требующей жизни? Кто такой любитель споровъ, такъ не причастенъ небеснаго дара, такъ мало вкусилъ добрыхъ Божіихъ глаголовъ, до того лишенъ вѣчныхъ надеждъ, чтобы Духа, поставивъ внѣ Божества, сопричислилъ къ твари?

Говорятъ: „въ насъ есть Духъ, какъ даръ Божій. Но даръ никогда не чествуется съ Давшимъ равными почестями".—Правда, что Духъ

---

[1]) Ζωὴ, въ слав. пер. „живетъ" (ζῇ).

есть даръ Божій; но даръ жизни („законъ бо“, сказано, „Духъ жизни свободилъ“ насъ, Рим. 8, 2),—и даръ силы (ибо „пріимите силу, нашедшу Святому Духу на вы“, Дѣян. 1, 8). Итакъ ужели за сіе достоинъ Онъ презрѣнія? И Сына не даровалъ ли Богъ людямъ? Сказано: „Иже Сына Своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его: како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ“ (Рим. 8, 32)? И въ другомъ мѣстѣ говоритъ Апостолъ о тайнѣ вочеловѣченія: „да вѣмы, яже отъ Бога дарованная намъ“ (1 Кор. 2, 12). Посему утверждающіе это не превзошли ли Іудеевъ въ неблагодарности, самый избытокъ благости обративъ въ поводъ къ хулѣ? Они винятъ Духа за то, что даетъ намъ дерзновеніе именовать Бога Отцемъ Своимъ. Ибо „посла Богъ Духа Сына Своего въ сердца наша, вопіюща: Авва Отче“ (Гал. 4, 6), чтобы гласъ Его сдѣлался собственнымъ гласомъ пріявшихъ Его.

Глава 25. О томъ, что Писаніе употребляетъ слогъ: „въ“, вмѣсто слога: „съ“, а также, что слогъ: „и“ равносиленъ слогу „съ“.

„Почему же, говорятъ, Писаніе нигдѣ не предало о спрославленіи Духа со Отцемъ и Сыномъ, но тщательно уклонялось сего выраженія: „съ Духомъ“; всегда же предпочитало, какъ болѣе приличное, выраженіе: прославлять „въ Духѣ?“

А я съ своей стороны не сказалъ бы, что слогъ: „въ“ даетъ смыслъ менѣе досточестный; напротивъ того, замѣтилъ бы, что онъ, понимаемый здраво, возводитъ разумѣніе на большую высоту. Ибо примѣчаемъ, что онъ нерѣдко ставится вмѣсто слога: „съ“. Напримѣръ: „вниду въ домъ Твой во всесожженіяхъ“, вмѣсто: со всесожженіями (Псал. 65, 13). „И изведе ихъ въ сребрѣ и златѣ“, вмѣсто: съ сребромъ и златомъ (Псал. 104, 37). И: „не изъидеши въ силахъ нашихъ“, вмѣсто: съ силами нашими (Псал. 43, 10). Подобныхъ мѣстъ есть тысячи.

Но, однимъ словомъ, желалъ бы я узнать отъ новой мудрости, какое славословіе совершалъ Апостолъ съ реченіемъ: „въ“, въ томъ видѣ, въ какомъ произносятъ оное эти люди, какъ заимствованное изъ Писанія? Ибо нигдѣ не нашелъ я, чтобъ сказано было: „Тебѣ, Отцу, честь и слава, чрезъ Единороднаго Твоего Сына во Святомъ Духѣ“; между тѣмъ какъ у нихъ нынѣ славословіе сіе обычнѣе, такъ сказать, самого дыханія. Хотя каждое изъ сихъ реченій можно найдти въ отдѣльности, однако же не въ состояніи они будутъ указать ихъ гдѣ-либо совокупно въ этомъ именно порядкѣ. Поэтому, если доискиваются того, что есть въ Писаніи; то пусть укажутъ, откуда взяли то, что говорятъ. А если уступаютъ обычаю, то да не препятствуютъ въ томъ же и намъ. Ибо мы, въ употребле-

ніи у вѣрныхъ находя оба реченія, обоими пользуемся, будучи увѣрены, что тѣмъ и другимъ равно воздается слава Духу.

А тѣмъ, которые искажаютъ истину, болѣе заграждаетъ уста предложное реченіе, которое въ Писаніи, будучи употребляемо вмѣсто союза: „и", имѣетъ подобное значеніе, но не столько сподручно противникамъ, почему нынѣ и оспоривается ими. Ибо одно значитъ, сказать ли: Павелъ, и Силуанъ, и Тимоѳей, или—Павелъ съ Силуаномъ и Тимоѳеемъ. Въ томъ и другомъ образѣ выраженія одинаково соблюдается сопряженіе именъ. Посему, если Господь сказалъ: „Отца и Сына и Святаго Духа", а я скажу: „Отца и Сына со Святымъ Духомъ"; то относительно къ силѣ рѣчи, другое ли что будетъ мною сказано? Но много свидѣтельствъ о сопряженіи Именъ посредствомъ союза: „и". Ибо сказано: „благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога, и общеніе Святаго Духа" (2 Кор. 13, 13). И еще: „молю же вы, Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и любовію Духа" (Рим. 15, 30). Поэтому, если вмѣсто: „и", захотимъ употребить: „съ"; разное ли что сдѣлаемъ? Я не вижу никакой разности, развѣ кто, слѣдуя холоднымъ грамматическимъ правиламъ, предпочтетъ союзъ, какъ частицу сопрягающую и производящую большее единеніе, отринетъ же предлогъ, какъ не имѣющій равной силы.

Но если бы потребовали у насъ въ этомъ отчета; то, можетъ быть, не много было бы нужно словъ къ нашему оправданію. Теперь же у насъ рѣчь не о слогахъ, и не о звукѣ того ли другаго слова, но о предметахъ, которые имѣютъ весьма великую разность въ значеніи и истинѣ. По этой-то причинѣ хотя употребленіе слоговъ безразлично, они замышляютъ одни слоги признать законными, а другіе изгнать изъ Церкви.

Но хотя употребленіе сего предлога (съ) и съ перваго взгляда представляется очевидно полезнымъ, впрочемъ покажу причину, по которой Отцы не безъ разсужденія приняли его въ употребленіе. Ибо кромѣ того, что предлогъ сей равносильно съ слогомъ: „и", изобличаетъ зломудріе Савелліево, и подобно сему слогу показываетъ отличіе Ѵпостастей (какъ въ выраженіяхъ: Азъ и Отецъ „пріидемъ", Іоан. 14, 13 и: „Азъ и Отецъ едино есма" Іоан. 10, 30), онъ служитъ еще превосходнымъ свидѣтельствомъ вѣчнаго общенія и непрекращающагося единенія. Сказавшій, что Сынъ со Отцемъ, показалъ тѣмъ вмѣстѣ и особенность Ѵпостасей, и неотлучность общенія. Это можно видѣть, когда говорится и о людяхъ. Союзъ: „и", выражаетъ общность дѣйствованія, а предлогъ: „съ", показываетъ вмѣстѣ какое-то общеніе. Напримѣръ: Павелъ и Тимоѳей отплыли въ Македонію; а Тихикъ и Онисимъ посланы къ Колосянамъ. Изъ сихъ словъ узнаемъ, что они дѣлали одно и то же. Но если скажутъ, что и отплыли и посланы одинъ съ другимъ, то симъ извѣщаемся, что они сообща исполнили дѣло. Такимъ образомъ сіе реченіе, болѣе всякаго дру-

гаго, разсѣвая зломудріе Савелліево, низлагаетъ и вдающихся въ противоположное нечестіе; разумѣю же тѣхъ, которые временными растояніями отдѣляютъ Сына отъ Отца и Святаго Духа отъ Сына.

Съ слогомъ же: „въ", слогъ: „съ", имѣетъ су особенную разность, что сей послѣдній изображаетъ взаимное единеніе находящихся въ общеніи, напримѣръ: вмѣстѣ плывущихъ, вмѣстѣ живущихъ, или что-нибудь сообща дѣлающихъ; а слогъ: „въ", выражаетъ отношеніе къ тому мѣсту, гдѣ они дѣйствуютъ. Ибо, слыша о плывущихъ или живущихъ въ чемъ-либо, тотчасъ подразумѣваемъ ладью или домъ. Такова взаимная разность сихъ предлоговъ, по общему словоупотребленію; но трудолюбивые могутъ найдти еще и большую, а я не имѣю свободнаго времени входить въ изслѣдованіе о слогахъ.

Посему, такъ какъ доказано, что предлогъ: „съ", даетъ весьма ясное понятіе объ единеніи, примиритесь, если угодно, прекратите съ нимъ же стокую и лютую брань. Впрочемъ, хотя реченіе сіе такъ ясно, однако же, если кому угодно въ славословіяхъ сопрягать имена слогомъ: „и", и славить Отца и Сына и Святаго Духа, какъ научены мы въ Евангеліи при крещеніи; пусть славитъ; никто не противорѣчитъ сему; на это, если хотятъ, и мы согласны. Но они скорѣе согласятся лишиться языка, нежели принять сіе реченіе. Сіе-то и воздвигаетъ у насъ лютую и непримиримую брань. Они говорятъ: славословіе воздавать должно Богу въ Духѣ Святомъ, а не Богу и Духу; и со всѣмъ жаромъ держатся сего изреченія, какъ уничижительнаго для Духа. О немъ не безполезно поговорить и долѣе. И для меня удивительно будетъ, если они, выслушавъ это, не провозгласятъ самаго реченія предательскимъ, перешедшимъ защищать славу Духа

Глава 26. О томъ, что въ какихъ только случаяхъ не говорится предлогъ: „въ", во всѣхъ тѣхъ случаяхъ берется онъ и о Духѣ.

Разсматривая сіе простое и краткое реченіе, полагаю, что значенія его многочисленны и разнообразны. А въ какихъ только случаяхъ ни говорится предлогъ: „въ"; во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, какъ находимъ, служитъ онъ къ составленію понятія о Духѣ. Такъ говорится, что образъ въ веществѣ, что сила въ способномъ къ принятію ея, что навыкъ въ расположенномъ сообразно съ онымъ, и тому подобно.

Посему Святый Духъ, поколику для разумныхъ тварей есть сила совершающая, возводящая ихъ на самую высоту, потолику удерживаетъ понятіе образа. Ибо кто живетъ уже не по плоти, но водится Духомъ Божіимъ и сыномъ Божіимъ именуется, и дѣлается сообразнымъ образу Сына Божія, тотъ называется духовнымъ.

*

И какъ сила зрѣнія въ здоровомъ глазѣ, такъ дѣйствованіе Духа въ очищенной душѣ. Поэтому и Павелъ желаетъ Ефесеямъ, чтобы были „просвѣщенна очеса“ ихъ въ Духѣ премудрости (Ефес. 1, 18).

И какъ сила зрѣнія въ здоровомъ глазѣ, такъ дѣйствованіе Духа пріявшемъ ее, хотя всегда пребывающая, но не непрерывно дѣйствующая; потому что и искусство въ художникѣ находится какъ сила, въ дѣйствіе же приводится тогда только, когда онъ дѣйствуетъ сообразно съ искусствомъ. Такъ и Духъ, хотя всегда пребываетъ въ достойныхъ, однако же въ случаѣ только нужды дѣйствуетъ или въ пророчествахъ, или въ исцѣленіяхъ, или въ другихъ дѣйствіяхъ силъ.

Еще какъ въ тѣлахъ здравіе, или теплота, или вообще свобода тѣлесныхъ отправленій; такъ въ душѣ нерѣдко присущъ Духъ, но не остается на всегда въ тѣхъ, которые, по непостоянству воли, легко отталкиваютъ отъ себя принятую ими благодать. Таковъ былъ Саулъ, таковы седмьдесятъ старцевъ у сыновъ Израилевыхъ, кромѣ Елдада и Модада, ибо на нихъ однихъ оказывается пребывшимъ Духъ (Числ. 11, 25. 26); таковъ вообще всякій, имъ подобный своимъ произволеніемъ.

И какъ слово въ душѣ, иногда бываетъ сердечнымъ помышленіемъ, а иногда произносится языкомъ; такъ и Духъ Святый, то иногда сосвидѣтельствуетъ духу и вопіетъ въ сердцахъ нашихъ: „Авва Отче“; то иногда говоритъ за насъ по сказанному: „не вы глаголющіи, но Духъ Отца глаголяй въ васъ“ (Матѳ. 10, 20).

Еще же Духъ, относительно къ раздѣленію даровъ, представляется и какъ цѣлое въ частяхъ. Ибо всѣ мы—члены въ разсужденіи другъ друга, имѣемъ же различныя радованія по данной намъ Божіей благодати. Потому „не можетъ око рещи руцѣ, не требѣ ми еси: или паки глава ногамъ, не требѣ ми есте“ (1 Кор. 12, 21). Но всѣ члены, какъ въ совокупности составляютъ тѣло Христово въ единеніи Духа, такъ взаимно другъ другу доставляютъ необходимую пользу своими дарованіями; потому что Богъ помѣстилъ члены въ тѣлѣ, и каждый изъ нихъ, какъ Ему было угодно. Члены же объ одномъ и томъ же заботятся другъ для друга, по духовному общенію врожденной имъ сострадательности. Потому, „аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди: аще ли же славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди“ (26). И какъ части въ цѣломъ, такъ мы, каждый отдѣльно взятый, въ Духѣ; потому что всѣ въ единомъ тѣлѣ крещены въ единаго Духа.

Хотя странно сказать, однако же тѣмъ не менѣе истинно, что Духъ нерѣдко называется какъ бы мѣстомъ освящаемыхъ. И такой образъ рѣчи, какъ окажется, не унижаетъ, а еще болѣе прославляетъ Духа; потому что Писаніе, для ясности, нерѣдко переноситъ на духовныя понятія и то, что въ именахъ есть чувственнаго. Поэтому примѣчаемъ, что псалмопѣ-

вецъ говоритъ и о Богѣ: „буди ми въ Бога защитителя", и въ мѣсто укрѣпленное [1]), „еже спасти мя" (Псал. 30, 3). О Духѣ же сказано: „се мѣсто у Мене, и станеши на камени" (Исх. 33, 21). Ибо что иное называется здѣсь мѣстомъ, какъ не созерцаніе въ Духѣ, въ которомъ находясь Моисей могъ сознательно видѣть явившагося ему Бога? Вотъ то мѣсто, которое свойственно истинному богопоклоненію. Ибо сказано: „внемли себѣ, да не принесеши всесожженій твоихъ на всякомъ мѣстѣ, токмо на мѣстѣ, еже изберетъ Господь Богъ твой" (Второз. 12, 13. 14). Поэтому какое есть духовное всесожженіе? „Жертва хвалы" (Псал. 49, 14). Въ какомъ же мѣстѣ станемъ приносить сію жертву, какъ не въ Духѣ Святомъ? Гдѣ мы научились сему? У Самого Господа, Который говоритъ: „истинніи поклонницы въ Духѣ и истинѣ поклонятся Отцу" (Іан. 4. 23). Сіе мѣсто видя Іаковъ сказалъ: „Господь на мѣстѣ семъ" (Быт. 28, 16). Посему Духъ—воистину мѣсто святыхъ. И святый есть собственное мѣсто Духа, представляетъ себя въ жилище Духа съ Богомъ, и именуется храмомъ Его. Какъ во Христѣ глаголетъ Павелъ; ибо говоритъ: „предъ Богомъ, во Христѣ глаголемъ" (2 Кор. 3, 17), и Христосъ глаголетъ въ Павлѣ, о чемъ самъ онъ говоритъ: „искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа" (2 Кор. 13, 3): такъ и въ Духѣ глаголетъ онъ тайны, и Духъ опять глаголетъ въ немъ (1 Кор. 14, 2.)

Посему о Духѣ говорится, что Онъ такъ многочастно и многообразно пребываетъ въ тваряхъ. Въ отношеніи же къ Отцу и Сыну гораздо благочестивѣе будетъ сказать, что Онъ не въ Нихъ, но съ Ними сопребываетъ. Ибо о благодати Духа, живущаго въ достойныхъ и производящаго въ нихъ Свои дѣйствія, прекрасно говорится, что Духъ пребываетъ въ пріемлющихъ Его. А когда разсматривается предвѣчное существованіе, и непрекращающееся пребываніе съ Сыномъ и Отцемъ; тогда требуются именованія, показывающія вѣчное соединеніе. Ибо собственно и дѣйствительно сопребывающими называются тѣ, которые неотлучно другъ съ другомъ вмѣстѣ. О теплотѣ говоримъ, что она пребываетъ въ раскаленномъ желѣзѣ, сопребываетъ же въ самомъ огнѣ. И здравіе въ тѣлѣ пребываетъ, а жизнь въ душѣ сопребываетъ. Посему, гдѣ есть общеніе собственное, естественное и неотлучное, тамъ выразительнѣ предлогъ: „съ", которымъ дается понятіе о неразлучномъ общеніи. А къ кому благодать Духа можетъ приближаться, и опять удаляться отъ него, о томъ въ собственномъ и дѣйствительномъ смыслѣ говорится, что благодать пребываетъ въ немъ, хотя въ пріявшихъ ее, по причинѣ твердаго ихъ расположенія къ добру, не рѣдко остается она и долгое время. Посему, когда представляемъ себѣ собственное достоинство Духа, тогда разсматриваемъ Его со Отцемъ и

---

[1]) Εἰς τόπον ὀχυρόν; у Седмидесяти: εἰς οἶκον καταφυγῆς „въ домъ прибѣжища".

Сыномъ; а когда разумѣемъ благодать дѣйствующую въ ея причастникахъ, тогда говоримъ, что Духъ въ насъ.

И славословіе, приносимое нами въ Духѣ, служитъ не исповѣданіемъ Его достоинства, но сознаніемъ собственной нашей немощи. Симъ показываемъ, что даже и славить „не довольны есмы отъ себе, но довольство наше" (2 Кор. 3, 5) въ Духѣ Святомъ,—въ Которомъ почерпнувъ силу, за оказанныя намъ благодѣянія воздаемъ благодареніе Богу нашему, по мѣрѣ нашей чистоты отъ грѣха, поколику больше или меньше другъ друга получаемъ помощи отъ Духа къ приношенію жертвъ хвалы Богу. Посему такъ одинакимъ образомъ благочестно совершаемъ благодареніе въ Духѣ; хотя и то не безтрудно, чтобы кто нибудь самъ о себѣ могъ засвидѣтельствовать; Духъ Божій во мнѣ, и Его благодатію умудренный воздаю славу. Ибо Павлу приличны слова: „мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти" (1 Кор. 7, 40). И еще: „доброе завѣщаніе соблюди Духомъ Святымъ живущимъ въ насъ" (2 Тим. 1, 14). И о Даніилѣ можно было сказать, что въ немъ Духъ Божій святый (Дан. 5, 11), и еще о томъ, кто имъ подобенъ добродѣтелію.

Но вотъ и другой смыслъ, котораго также нельзя отрицать. Какъ въ Сынѣ видимъ для насъ Отецъ, такъ въ Духѣ Сынъ. Посему поклоненіе въ Духѣ указываетъ на дѣйствованіе нашего ума, совершаемое какъ бы во свѣтѣ, что можешь уразумѣть изъ сказаннаго Самарянкѣ. Ибо жену сію, которая, по мѣстному обычаю страны, ложно думала, что поклоненіе опредѣляется мѣстомъ, Господь нашъ научая, сказалъ, что „въ Духѣ и истинѣ достоитъ кланятися", очевидно, подъ истиною разумѣя Себя. Посему, какъ говоримъ, что есть поклоненіе въ Сынѣ, какъ въ образѣ Бога и Отца, такъ есть поклоненіе и въ Духѣ, такъ какъ Онъ въ Себѣ показываетъ Божество Господа.

Поэтому Духъ Святый и въ поклоненіи не отлученъ отъ Отца и Сына. Ибо, если ты внѣ Духа, то никоимъ образомъ не можешь покланяться; а если ты въ Духѣ, то никоимъ образомъ не будешь отлучать Его отъ Бога,—какъ и отъ видимыхъ вещей не станешь отдѣлять свѣта. Не возможно иначе видѣть Образъ Бога невидимаго, какъ только въ озареніи Духа. И кто устремляетъ взоръ на образъ, тому нельзя отлучить свѣтъ отъ образа. Ибо служащее причиною видѣнія, по необходимости, бываетъ видимо вмѣстѣ съ видимыми чрезъ него предметами. Поэтому, при озареніи только Духа, собственно и надлежащимъ образомъ видимъ сіяніе славы Божіей, а посредствомъ Образа возводимся къ той славѣ, которой Онъ есть образъ и разнообразная печать.

Глава 27. О томъ, откуда получилъ начало, и какую силу имѣетъ слогъ: „съ“, и вмѣстѣ о неизложенныхъ въ Писаніи узаконеніяхъ церкви.

Говорятъ: „если слогъ: „въ“, собственно приличенъ Духу и достаточенъ къ выраженію всякаго о Немъ понятія; то для чего вводите этотъ новый слогъ, говоря: „со Духомъ“, а не: „въ Духѣ Святомъ“, употребляя и ненужныя и неузаконенныя Церковію реченія“? Выше было уже сказано, что слогъ: „въ“, не исключительно присвоенъ Святому Духу, но есть общій Ему со Отцемъ и Сыномъ. Думаю же, достаточно сказано и о томъ, что симъ реченіемъ не только не отъемлется у Духа нисколько достоинства, а напротивъ того еще на большую высоту возводятся мысли людей не вовсе развращенныхъ. Остается теперь касательно предлога: „съ“, разсмотрѣть, откуда получилъ онъ начало, какую имѣетъ силу, и въ какой мѣрѣ согласенъ съ Писаніемъ.

Изъ догматовъ и проповѣдей, соблюденныхъ въ Церкви, иныя имѣемъ въ ученіи, изложенномъ въ Писаніи, а другія, дошедшія до насъ отъ апостольскаго преданія, пріяли мы въ тайнѣ. Но тѣ и другія имѣютъ одинаковую силу для благочестія. И никто не оспориваетъ послѣднихъ, если хотя нѣсколько свѣдущъ онъ въ церковныхъ постановленіяхъ. Ибо, если бы вздумали мы отвергать не изложенные въ Писаніи обычаи, какъ не имѣющіе большой силы, то непримѣтнымъ для себя образомъ исказили бы самое главное въ Евангеліи, лучше же сказать, обратили бы проповѣдь въ пустое имя. Напримѣръ (напомяну сначала о первомъ и самомъ общемъ): кто возложившихъ упованіе на имя Господа нашего Іисуса Христа письменно научилъ знаменовать себя крестнымъ знаменіемъ? Какое Писаніе научило насъ—въ молитвѣ обращаться къ востоку? Кто изъ святыхъ оставилъ намъ на письмѣ слова призыванія при показаніи [1]) Хлѣба благодаренія и Чаши благословенія? Ибо мы не довольствуемся тѣми словами, о которыхъ упомянули Апостолъ или Евангеліе, но и прежде и послѣ нихъ произносимъ другія, какъ имѣющія великую силу къ совершенію таинства, принявъ ихъ изъ неизложеннаго въ Писаніи ученія. Благословляемъ же и воду крещенія и елей помазанія, и даже самого крещаемаго, по какимъ изложеннымъ въ Писаніи правиламъ? Не по соблюдаемому ли въ молчаніи и таинственному преданію? Что еще? Самому помазыванію елеемъ научило ли какое писанное слово? Откуда и троекратное погруженіе крещаемаго человѣка? Изъ какого писанія взято и прочее, относящееся къ крещенію—отрицаться сатаны и анге-

---

[1]) То есть: Богу Отцу, какъ читается въ Литургіи св. Василія Великаго въ молитвѣ во время трисвятой пѣсни: „Святъ, Святъ, Святъ“, и проч.

ловъ его? Не изъ этого ли необнародованнаго сокровеннаго ученія, которое Отцы наши соблюдали въ непытливомъ и скромномъ молчаніи, очень хорошо понимая, что достоуважаемость таинствъ охраняется молчаніемъ?

На что непосвященнымъ непозволительно даже и смотрѣть, прилично ли было бы ученіе о томъ выставлять на показъ письменно? Или съ какимъ намѣреніемъ Моисей не все въ храмѣ сдѣлалъ доступнымъ всякому, но оскверненныхъ поставилъ внѣ святыхъ оградъ, входъ же въ первый дворъ дозволивъ болѣе чистымъ, однихъ Левитовъ призвалъ достойными служителями Божіими, а закланія, всесожженія и прочія священнодѣйствія предоставивъ только іереямъ, одного избраннаго изъ нихъ допускаетъ во святилище, и того не всегда, но въ одинъ только день въ году, и въ этотъ день назначивъ ему опредѣленный часъ для вхожденія, чтобы, по неприступности и непривычкѣ, съ изумленіемъ взиралъ онъ на Святая-святыхъ? Моисей очень зналъ по своей мудрости, что попираемое и само собою дающееся въ руки близко къ презрѣнію, а изъятое изъ употребленія и рѣдкое естественнымъ образомъ дѣлается предметомъ усильнаго исканія. Подобнымъ сему образомъ законополагавшіе въ началѣ о Церкви Апостолы и Отцы достоуважаемость таинствъ охранили сокровенностію и соблюденіемъ въ молчаніи. Ибо вообще то уже не таинство, что разглашается въ слухъ народу и всякому встрѣчному.

Такова причина, по которой предано иное и не изложенное въ Писаніи, чтобы не требующее усилій знаніе догматовъ, по привычкѣ къ онымъ, не сдѣлалось для многихъ удобопрезираемымъ. Ибо иное догматъ, а иное проповѣдь. Догматъ умалчивается, а проповѣдь обнародывается. Но видъ молчанія—и та неясность, какую употребляетъ Писаніе, дѣлая смыслъ догматовъ, къ пользѣ читающихъ, труднымъ для уразумѣнія.

Посему во время молитвъ всѣ смотримъ на востокъ, но не многіе знаемъ, что при семъ ищемъ древняго отечества, рая, который „насади Богъ въ Едемѣ на востоцѣхъ" (Быт. 2, 8).

Въ первый день седмицы совершаемъ молитвы, стоя прямо[1]), но не всѣ знаемъ тому причину. Ибо не только, какъ совоскресшіе со Христомъ и обязанные искать вышнихъ, въ воскресный день прямымъ положеніемъ тѣла во время молитвы напоминаемъ о себѣ о дарованной намъ благодати; но и потому сіе дѣлаемъ, что этотъ день, повидимому, есть какъ бы образъ ожидаемаго нами вѣка. Посему, будучи началомъ дней, у Моисея названъ онъ не первымъ, а единымъ. Ибо сказано: „бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ" (Быт. 1, 5); потому что одинъ и тотъ же день возвращается многократно. Посему онъ же есть и единый и осмый, изображающій собою дѣйствительно единый и воистину осмый день, о ко-

---

[1]) То есть, безъ земныхъ поклоновъ и колѣнопреклоненій.

торомъ псалмопѣвецъ упомянулъ въ нѣкоторыхъ надписаніяхъ Псалмовъ (Псал. 6, и 11), то есть оное состояніе, которое послѣдуетъ за теперешнимъ временемъ, оный непрекращающійся, невечерній, несмѣняющійся день, оный нескончаемый и нестарѣющійся вѣкъ. Посему Церковь по необходимости научаетъ питомцевъ своихъ совершать въ сей день молитвы стоя, чтобы при частомъ напоминаніи о нескончаемой жизни не вознерадѣли мы снадбить себя напутствіями къ представленію въ оную. Но и вся Пятидесятница есть напоминаніе о воскресеніи ожидаемомъ въ вѣчности. Ибо единый и первый оный день, седмикратно умноженный на число седмь, совершаетъ седмь седмицъ священной Пятидесятницы; потому что, начинаясь первымъ днемъ седмичнымъ, имъ же и оканчивается, по пятидесятикратномъ обращеніи подобныхъ, среднихъ между ними дней. Почему уподобительно подражаетъ вѣку, какъ бы въ кругообразномъ движеніи съ тѣхъ же знаковъ начинаясь, и тѣми же знаками оканчиваясь. Въ сію-то Пятидесятницу церковные уставы научили насъ предпочитать прямое положеніе тѣла въ молитвѣ, симъ яснымъ напоминаніемъ какъ бы преселяя нашъ умъ изъ настоящаго въ будущее. Но и каждымъ колѣнопреклоненіемъ и восклоненіемъ отъ земли на самомъ дѣлѣ показываемъ, что чрезъ грѣхъ пали мы на землю, и человѣколюбіемъ Сотворшаго насъ воззваны на небо.

Не достанетъ мнѣ и дня пересказать о всѣхъ неизложенныхъ въ Писаніи таинствахъ Церкви. Оставляю прочее. Но самое исповѣданіе вѣры въ Отца и Сына и Святаго Духа изъ какихъ у насъ писаній? Ибо если, въ сообразность благочестію, на основаніи преданія о крещеніи, обязаны будучи такъ и вѣровать, какъ крестимся, излагаемъ исповѣданіе подобное крещенію; то пусть дозволятъ намъ, по той же сообразности, воздавать славу подобную вѣрѣ. А если отмещутъ этотъ образъ славословія, какъ неизложенный въ Писаніи; то пусть дадутъ намъ изложенныя въ Писаніи доказательства на исповѣданіе вѣры, и на все прочее, что нами исчислено. Притомъ, когда такъ много неизложеннаго въ Писаніи, и оно имѣетъ такую силу въ тайнѣ благочестія; ужели не дозволятъ намъ одного реченія, которое дошло къ намъ отъ Отцевъ, которое нашли мы сохранившимся въ слѣдствіе неумышленно соблюдаемаго обычая въ Царквахъ не поврежденныхъ, и которое имѣетъ не маловажное основаніе, и доставляетъ силѣ таинства не малое подкрѣпленіе?

Итакъ сказано, какая сила каждаго изъ сихъ реченій, скажемъ еще, въ чемъ они между собою согласны, и въ чемъ различны, впрочемъ такъ, что не противорѣчитъ одно другому, но каждое привноситъ свою особенную мысль въ ученіе благочестія. Ибо реченіе: „въ“, выражаетъ болѣе относящееся къ намъ; а реченіе: „съ“, возвѣщаетъ общеніе Духа съ Богомъ. Посему употребляемъ оба слова, однимъ выражая достоинство Духа,

а другимъ возвѣщая о благодати Его въ насъ. Такимъ образомъ воздаемъ славу Богу и въ Духѣ, и съ Духомъ, ничего не говоря отъ себя, но изъ Господня ученія, служащаго намъ правиломъ, перенося реченіе на то, что близко между собою, состоитъ во взаимной связи и имѣетъ необходимую соприкосновенность въ таинствахъ. Ибо при крещеніи купно счисляемое необходимо, какъ думаемъ, должно сочетавать и въ вѣрѣ. А исповѣданіе вѣры содѣлали мы для себя какъ бы нѣкоторымъ началомъ и матерью славословія. Но что же надлежитъ дѣлать? Пусть теперь научатъ насъ, или не крестить, какъ намъ предано, или не вѣровать, какъ мы крещены, или не славословить, какъ мы увѣровали. Пусть докажетъ намъ кто-нибудь, или что во всемъ этомъ нѣтъ взаимной, необходимой и непрерывной связи, или что нововведеніе въ этомъ не будетъ разореніемъ всего.

Но они не перестаютъ при всякомъ случаѣ славословіе сіе: „со Духомъ Святымъ", оглашать не засвидѣтельствованнымъ, не изложеннымъ въ Писаніи, и тому подобно. Сказано уже, что въ отношеніи къ силѣ рѣчи одно и тоже—сказать: „слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу", и: „слава Отцу, и Сыну со Святымъ Духомъ". Посему, какъ не возможно кому либо отринуть или изгладить слогъ: „и", заимствованный изъ собственныхъ словъ Господа, такъ ничто не препятствуетъ принять слогъ ему равносильный, о которомъ выше показали мы, сколько имѣетъ онъ съ первымъ разности и сходства. Наше разсужденіе подтверждаетъ и Апостолъ, который безразлично употребляетъ то и другое реченіе, и въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „именемъ Господа Іисуса Христа, и Духомъ Бога нашего" (1 Кор. 6, 11); а въ другомъ: „собравшимся вамъ и моему Духу, съ силою Господа Іисуса" (5, 4), не полагая никакой разности въ употребленіи, при сопряженіи именъ, то союза, то предлога.

Глава 28. О томъ, что противники не дозволяютъ употреблять о Духѣ и того, что Писаніе говоритъ о людяхъ, именно, что они соцарствуютъ со Христомъ.

Посмотримъ же, нельзя ли придумать какого оправданія Отцамъ нашимъ въ такомъ употребленіи. Ибо положившіе начало сему словоупотребленію болѣе насъ подлежатъ обвиненію. Итакъ Павелъ, пиша къ Колосянамъ, говоритъ: „и въ васъ мертвыхъ сущихъ въ прегрѣшеніихъ и въ необрѣзаніи сооживилъ есть со Христомъ" (Кол. 2, 13). Ужели же Богъ цѣлому народу и Церкви даровалъ жизнь со Христомъ, а Духу Святому нѣтъ жизни со Христомъ? Если же и помыслить такъ нечестиво; то почему не правильно, какъ дѣйствительно есть по естеству, такъ и исповѣданіе приносить совокупно? Притомъ, не крайнее ли ожесточеніе—исповѣдывать о святыхъ, что они со Христомъ (такъ какъ, безъ сомнѣнія, Па-

велъ, отшедши отъ тѣла, водворяется съ Господомъ, и разрѣшившись, пребываетъ уже со Христомъ, 2 Кор. 5, 8), а Духу, сколько есть силъ, не уступать и того, чтобы Онъ, наравнѣ съ людьми, былъ со Христомъ? Павелъ себя называетъ „споспѣшникомъ“ Божіимъ въ домостроительствѣ Евангелія (1 Кор. 3, 9); ужели же насъ, если споспѣшникомъ назовемъ Духа Святаго, чрезъ Котораго Евангеліе плодоносно во всей твари подъ солнцемъ, станутъ за сіе обвинять въ нечестіи? И видно, хотя „животъ“ уповавшихъ на Господа „сокровенъ есть со Христомъ въ Богѣ: и егда Христосъ явится, животъ нашъ, тогда и они съ Нимъ явятся въ славѣ“ (Кол. 3, 3. 4); однако же Самъ Духъ жизни, освободившій насъ отъ закона грѣховнаго, вовсе не со Христомъ, какъ въ тайной и сокровенной съ Нимъ жизни, такъ и въ явленіи славы, которая, по ожиданію нашему, откроется во святыхъ? Мы „наслѣдницы Богу, снаслѣдницы же Христу“ (Рим. 8, 17); а Духъ лишенъ наслѣдія и части въ общеніи съ Богомъ и Христомъ Его? И хотя „самый Духъ спосвушествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божія“ (16); однако же мы не даемъ Духу свидѣтельства объ Его общеніи съ Богомъ, будучи научены Господомъ, что Онъ имѣетъ сіе общеніе? И, что составляетъ верхъ безумія, хотя чрезъ вѣру во Христа, и именно, чрезъ вѣру въ Духѣ, надѣемся мы воскреснуть со Христомъ и быть спосажденными „на небесныхъ“ (Ефес. 2, 6), когда тѣло смиренія нашего преобразится изъ душевнаго въ духовное; однако же Духу не даемъ части ни въ сосѣденіи, ни въ славѣ, ни во всемъ прочемъ, что сами отъ Него имѣемъ, но даже чего, вѣря нелживому дару Обѣтовавшаго, себя признаемъ достойными, изъ всего того не уступаемъ ничего Духу Святому, какъ будто все сіе выше Его достоинства! Тебѣ всегда быть съ Господомъ, сообразно съ твоимъ достоинствомъ; и ты ожидаешь, что „восхищенный на облацѣхъ въ срѣтеніе на воздусѣ всегда съ Господомѣ будешь“ (1 Сол. 4, 17); а между тѣмъ оспориваешь, что Духъ и теперь со Христомъ; и если кто счисляетъ и счиневаетъ Его со Отцемъ и Сыномъ, того изгоняешь, какъ нетерпимаго нечестивца! Стыжусь присовокуплять прочее, а именно, что ты надѣешься быть прославленъ со Христомъ, потому что „съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся“ (Рим. 8, 17); но Духа святыни не спрославляешь со Христомъ, какъ будто Онъ недостоинъ и равнаго съ тобою. Самъ надѣешься царствовать со Христомъ, а Духъ благодати укоряешь, отдѣляя Ему мѣсто раба и служителя.

И сіе говорю не съ намѣреніемъ только доказать, что въ такой же мѣрѣ обязаны мы славословить и Духа, но чтобы обличить неблагодарность тѣхъ, которые не воздаютъ Ему и сего, даже какъ нечестія избѣгаютъ мысли, что Духъ имѣетъ общеніе славы съ Отцемъ и Сыномъ. Кто можетъ безъ стенанія коснуться сего словомъ? Ибо не явно ли ужъ (такъ

что и дитя можетъ видѣть) предначинается въ настоящемъ то оскудѣніе вѣры, которымъ угрожалъ Господь? Непререкаемое стало сомнительнымъ. Вѣруемъ въ Духа, и боремся съ собственнымъ своимъ исповѣданіемъ. Крещаемся, и снова противоборствуемъ. Какъ начальника жизни призываемъ Духа, и презираемъ какъ подобнаго намъ раба. Съ Отцемъ и Сыномъ пріяли Его, и безчестимъ какъ часть твари. Тѣ, которые не знаютъ безъ Духа, „о чесомъ помолятся“ (Рим. 8, 26), какъ скоро вынуждены сказать о Духѣ нѣчто досточестное, какъ будто они изслѣдовали Его достоинство, начинаютъ ограничивать превосходящее мѣру слова, когда надлежало имъ оплакивать свою немощь; потому что мы и не въ состояніи достаточно выразить словомъ благодарности за то, что испытываемъ на дѣлѣ. Ибо сіе превосходитъ всякую мысль, и изобличаетъ немощь слова, не равняющагося въ достоинствѣ и самой малой сего части, по слову книги, надписанной: Премудрость. Ибо сказано: „вознесите, елика аще можете, превзыдетъ бо и еще. И возносяще Его умножитеся: не трудитеся, не имате бо постигнути“ (Іис. Сир. 43, 32, 33). Конечно, страшный отвѣтъ дадите за подобныя слова вы, слышавшіе отъ неложнаго Бога, что хула на Духа Святаго не прощается (Мате. 12, 31).

Глава 29. Перечисленіе знаменитыхъ въ церкви мужей, которые въ сочиненіяхъ своихъ употребляли реченіе: „съ“.

А на то, будто бы славословіе: „со Духомъ“, не засвидѣтельствовано и не изложено въ Писаніи, отвѣчаемъ: если не пріемлется и все прочее неизложенное въ Писаніи, то пусть не пріемлется и это. А если большая часть касающагося до таинствъ водворяется у насъ, хотя сіе и не изложено въ Писаніи, то вмѣстѣ со многимъ другимъ пріимемъ и это. Почитаю же правиломъ апостольскимъ—держаться и неизложенныхъ въ Писаніи преданій. Ибо сказано: „хвалю вы, братіе, яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ, преданія держите“ (1 Кор. 11, 2); и: „держите преданія, имже научистеся, или словомъ, или посланіемъ“ (2 Сол. 2, 15). Особенно однимъ изъ сихъ преданій есть и разсматриваемое нами славословіе, которое первоначальные установители, предавшіе своимъ преемникамъ, при продолжающемся съ теченіемъ времени употребленіи, укоренили въ Церквахъ долговременнымъ обычаемъ. И если, какъ передъ судомъ, за недостаткомъ письменнаго доказательства, представимъ вамъ множество свидѣтелей; то ужели не получимъ отъ васъ милующаго приговора? А я надѣюсь получить. Ибо „при устѣхъ двою и тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ“ (Втор. 19, 15). Если же ясно вамъ докажемъ, что и давность—въ нашу пользу; то не признаете ли справедливымъ утверждаемое нами, что насъ и суду подвергать не должно? Ибо догматы

древніе внушають къ себѣ какое-то благоговѣніе и достоуважаемость за свою давность, какъ бы за какую-то сѣдину.

Поэтому перечислю вамъ защитниковъ ученія (а при семъ соблюденъ будетъ, конечно, и порядокъ времени безъ указанія на оное); ибо ученіе не отъ насъ получило начало. Откуда же? Мы дѣйствительно, по слову Іова, какъ бы „вчерашни есмы“ (Іов. 8, 9), въ сравненіи съ временемъ, въ которое продолжается сей обычай. Посему, и самъ я (если нужно сказать мнѣ нѣчто и собственное свое), какъ отеческое наслѣдіе, соблюдаю сіе реченіе, заимствовавъ его отъ мужа, который много времени проводилъ въ служеніи Богу, которымъ я крещенъ и введенъ въ церковнослуженіе. И по тщательномъ разъисканіи, не употреблялъ ли сихъ оспориваемыхъ нынѣ реченій кто изъ древнихъ и блаженныхъ мужей, нашелъ я многихъ и по древности достовѣрныхъ, и по точности знанія не уподобляющихся нынѣшнимъ учителямъ. И хотя одни изъ нихъ связывали въ славословіи рѣчь предлогомъ, а другіе союзомъ; однако же о нихъ не думали, что дѣлаютъ симъ какую-нибудь разность въ разсужденіи прямого понятія о благочестіи. И это—оный Ириней, и Климентъ Римскій, и Діонисій Римскій. А Александрійскій Діонисій [1]), о чемъ удивительно слышать, во второмъ къ соименнику своему посланіи „Объ обличеніи и защищеніи“ такъ заключилъ слово. Но выпишу вамъ собственныя слова Діонисія. „Сообразно со всѣмъ этимъ,—говоритъ онъ,—и мы, заимствовавъ образецъ и правило еще у жившихъ прежде насъ пресвитеровъ, и единогласно съ ними принося благодареніе, заключаемъ уже теперь и наше къ вамъ посланіе. Богу же Отцу и Сыну Господу нашему Іисусу Христу со Святымъ Духомъ слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь“. И никто не можетъ сказать, что сіе переправлено послѣ. Діонисій не сталъ бы усиливать такъ рѣчь, и говорить, что заимствовалъ образецъ и правило, если бы у него было сказано: „въ Духѣ“; потому что употребленіе сего послѣдняго реченія было обыкновенно. А то реченіе требовало оговорки. Онъ же гдѣ-то въ срединѣ сочиненія сказалъ Савелліанамъ такъ: „Если утверждаютъ, что Упостаси, какъ скоро Ихъ три, раздѣльны; то Ихъ дѣйствительно три, хотя бы еретикамъ сего не хотѣлось; иначе пусть совершенно истребятъ понятіе о Божественной Троицѣ“. И еще: „Ибо по сему самому послѣ Единицы и Троица пребожественна“. А Климентъ говоритъ простѣе: „Живъ Богъ, и Господь Іисусъ Христосъ, и Духъ Святый“. Но послушаемъ, какъ упоминаетъ о Духѣ, въ словѣ противъ ересей, Ириней, жившій близко къ Апостоламъ. „А людей необузданныхъ,—говоритъ онъ,—и увлекающихся въ собственныя похоти, нимало не вождел-

[1]) Въ синодальной рукописи твореній св. Василія Великаго, принадлежащей къ XI-му вѣку (N XXIII), мѣсто сіе читается такъ: Εἰρηναῖος ἐκεῖνος, Κλήμης ὁ Ῥωμαῖος, καὶ Διονύσιος, ὁ χαρχὶ παράδοξον ἀκοῦσαι, и проч.

вающихъ Божія Духа, справедливо Апостолъ (1 Кор. 3, 3) называетъ плотскими". И въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „Чтобы мы, ставъ непричастными Божія Духа, не лишились небеснаго царствія, Апостолъ (1 Кор. 15, 50) воскликнулъ, что плоть не можетъ „царствія Божія наслѣдити". А если достовѣренъ для кого, по своей многоопытности, и Евсевій Палестинскій, то укажемъ и у него тѣ же реченія въ недоумѣніяхъ его о многоженствѣ древнихъ. Ибо, самъ себя возбуждая къ слову, говоритъ такъ: „Святаго Бога Просвѣтителя пророковъ чрезъ Спасителя нашего Іисуса Христа призвавъ со Святымъ Духомъ".

Но нашли мы также, что со Святымъ Духомъ воздаетъ славу во многихъ бесѣдахъ на Псалмы и Оригенъ, человѣкъ не во всемъ имѣющій совершенно здравыя понятія о Духѣ. Однако же и онъ, уважая силу обычая, на многихъ мѣстахъ оставилъ благочестивыя реченія о Духѣ. А въ шестой, какъ кажется, книгѣ толкованій на Евангеліе отъ Іоанна ясно подтвердилъ, что Духъ достопоклоняемъ, пиша до слова такъ: „Водная баня есть символъ очищенія души, омываемой отъ всякой грѣховной скверны; но тѣмъ не менѣе, для того, кто предаетъ себя Божеству достопокланяемой Троицы, она и сама по себѣ, по силѣ призываній, имѣетъ начало и источникъ дарованій". И еще, въ толкованіяхъ на посланіе къ Римлянамъ говоритъ: „Священныя Силы могутъ принимать въ себя Единороднаго и Божество Святаго Духа". Такъ, думаю, твердость преданія заставляла не рѣдко людей противорѣчить и собственнымъ своимъ мнѣніямъ.

Но и Африкану исторіеписателю не безъизвѣстенъ былъ такой видъ славословія. Ибо, кажется, въ пятой книгѣ сокращеннаго Временника, онъ говоритъ такъ: „Мы, познавшіе мѣру и иныхъ словъ, мы, которымъ не неизвѣстна благодать вѣры, благодаримъ Отца, Который намъ, приснымъ Его, даровалъ Спасителя всяческихъ и Господа нашего Іисуса Христа. Ему слава, величіе со Святымъ Духомъ во вѣки". Въ иныхъ случаяхъ можно и не довѣрять, или, если мѣсто поддѣльно, трудно открыть обманъ, потому что разность въ одномъ слогѣ; но предложенное намъ въ длинныхъ выпискахъ дѣлаетъ невозможною злонамѣренную поддѣлку, и несомнѣнно доказываетъ, что свидѣтельства взяты изъ самыхъ сочиненій.

Но что въ другомъ случаѣ не стоило бы, можетъ быть, и указанія, для обвиняемаго же въ нововведеніи необходимо для свидѣтельства по давности времени, то и представлю теперь. Отцамъ нашимъ заблагоразсудилось не въ молчаніи принимать благодать вечерняго свѣта, но при явленіи его немедленно благодарить. И не можемъ сказать, кто виновникъ сихъ реченій свѣтильничнаго благодаренія; по крайней мѣрѣ народъ возглашаетъ древнюю пѣснь, и никто не признавалъ нечествующими тѣхъ

которые произносятъ: „хвалимъ Отца и Сына и Святаго Духа Божія“ [1]. А если кому извѣстна и пѣснь Аѳиногена, которую онъ, вмѣсто предохранительнаго врачевства, оставилъ ученикамъ своимъ, когда самъ поспѣшалъ уже ко всесожженію; то онъ знаетъ, какое мнѣніе о Духѣ имѣли мученики. И о семъ довольно.

А гдѣ дадимъ мѣсто Григорію великому, и словамъ его? не съ Апостолами ли и Пророками? Говорю о мужѣ, который ходилъ въ единомъ съ ними Духѣ, во все время жизни шествовалъ по слѣдамъ святыхъ, во всѣ дни свои тщательно преуспѣвалъ въ жизни евангельской. Такъ о немъ говорю; иначе пребидимъ истину, не сопричисливъ къ приснымъ Божіимъ сію душу, сего мужа, который, подобно какому-то свѣтозарному великому свѣтилу, озарялъ Церковь Божію, который при содѣйствіи Духа имѣлъ надъ демонами страшную для нихъ силу, и такую „пріялъ благодать“ слова „въ послушаніе вѣры во языцѣхъ“ (Рим. 1, 5), что тамъ, гдѣ до него было седмнадцать только человѣкъ христіанъ, весь народъ въ городахъ и селахъ научивъ боговѣдѣнію, привелъ къ Богу. Онъ и рѣчной потокъ, повелѣвъ ему великимъ именемъ Христовымъ, обратилъ назадъ; онъ изсушилъ и озеро, которое любостяжательнымъ братіямъ служило поводомъ къ войнѣ. А предсказанія его о будущемъ таковы, что ничѣмъ не ниже онъ прочихъ Пророковъ. И конечно, долго было бы пересказывать всѣ чудеса сего мужа, котораго, по преизбытку дарованій, какія въ немъ явлены по дѣйствію Духа во всякой силѣ въ знаменіяхъ и чудесахъ, и самые враги истины называли вторымъ Моисеемъ. Итакъ у него во всякомъ словѣ и дѣлѣ, какъ совершавшихся по благодати, просіявалъ какой-то свѣтъ—знакъ небесной силы, невидимо ему сопутствующей. И до-нынѣ еще велико къ нему удивленіе туземныхъ жителей, нова и всегда свѣжа въ Церквахъ твердо укорененная память о немъ, не увядающая отъ самаго времени. Поэтому въ тамошней Церкви не прибавляли ни дѣйствія, ни слова, ни таинственнаго какого либо знака, сверхъ тѣхъ, какіе онъ оставилъ. А отъ-того многое изъ совершаемаго у нихъ, при давности своего установленія, кажется недостаточнымъ; потому что преемственно домостроительствовавшіе въ тѣхъ Церквахъ не соглашались принять въ дополненіе что либо изъ прісканнаго послѣ него. Поэтому однимъ изъ Григоріевыхъ установленій есть и оспариваемый нынѣ образъ славословія по его преданію сохраненный въ Церкви.

И не много нужно труда, чтобы при небольшомъ усиліи пріобрѣсти въ семъ несомнѣнное удостовѣреніе. Такова была вѣра и нашего Фирмиліана, какъ свидѣтельствуютъ оставленныя имъ слова. И о Мелетіи ве-

---

[1]) Слова сіи въ вечерней пѣсни: „Свѣте тихій“, читаются такъ: „Поемъ Отца, Сына и Святаго Духа Бога“.

ликомъ утверждаютъ современники, что онъ былъ того же мнѣнія. И нужно ли говорить о давнемъ? И нынѣ на Востокѣ не по этому ли одному всего болѣе узнаютъ благочестивыхъ, отличая ихъ по сему реченію, какъ бы по нѣкоторому знаку? И какъ слышалъ я отъ одного жителя Месопотаміи, человѣка и въ языкѣ свѣдущаго, и въ образѣ мыслей неповрежденнаго, на туземномъ ихъ нарѣчіи, если бъ кто и хотѣлъ, не возможно сказать иначе, но, по свойству отечественнаго языка, необходимо произносить славословіе съ союзомъ: „и", а еще лучше съ помощію равнозначительныхъ ему реченій. И мы Каппадокіяне такъ же выражаемся на туземномъ своемъ нарѣчіи; потому что Духъ тогда еще, при раздѣленіи языковъ, предусмотрѣлъ пользу такого образа выраженія. Да и весь почти Западъ отъ Иллирика до предѣловъ обитаемыхъ нами странъ, не предпочитаетъ ли сего реченія?

Почему же я нововводитель и слагатель новыхъ реченій, когда началовождями и защитниками сего реченія имѣю цѣлые народы и города, и обычай своею древностію простирающійся за предѣлы человѣческой памяти, и мужей бывшихъ столпами Церквей, отличавшихся всякимъ вѣдѣніемъ и силою Духа? За сіе подвиглись на меня эти бранноносныя полчища; всякій городъ, всякое слово, и всѣ отдаленныя страны стали наполнены клеветниками! Правда, что прискорбно и болѣзненно сіе для сердецъ ищущихъ мира; но поелику велики награды терпѣнію въ страданіяхъ за вѣру, то пусть еще сверхъ этого угрожаетъ мнѣ мечъ, изощряются на меня сѣкиры, возгарается огонь сильнѣйшій вавилонскаго, приводятся въ дѣйствіе всѣ орудія мученій! Для меня ничто такъ не страшно, какъ не убояться угрозъ, какія Господь произнесъ на хулителей Духа.

Поэтому предъ людьми благомыслящими достаточнымъ оправданіемъ послужитъ сказанное, по какимъ причинамъ принимаю реченіе, столько угодное и обычное святымъ, и столько утвержденное обыкновеніемъ. Ибо оказывается, что съ того самаго времени, какъ возвѣщено Евангеліе, и донынѣ употреблялось сіе реченіе въ Церквахъ, а что всего важнѣе, и по смыслу оно благочестиво и праведно. Но что пріуготовимъ себѣ въ оправданіе передъ великимъ судилищемъ? То, что къ славѣ Духа ведетъ насъ, во-первыхъ, честь, воздаваемая Самимъ Господомъ, Который къ Себѣ и къ Отцу сопріемлетъ въ крещеніи и Духа, во-вторыхъ то, что и каждый изъ насъ таковымъ же тайноводствомъ вводится въ богопознаніе, и наконецъ, страхъ угрозъ, удаляющій мысль отъ всякаго недостойнаго и унизительнаго мнѣнія.

Но что скажутъ противники? Какое оправданіе найдутъ своимъ хуламъ, не устыдившись чести, воздаваемой Господомъ, и не убоявшись угрозъ Его? Конечно, они имѣютъ полную власть рѣшиться въ разсужде-

нiи себя, на что имъ угодно, или даже и перемѣнить свое рѣшенiе. А я съ своей стороны желалъ бы наипаче того, чтобъ благiй Богъ даровалъ миръ Свой, управляющiй сердцами всѣхъ, чтобъ тѣ, которые на меня скрежещутъ зубами и сильно ополчаются, успокоились въ духѣ кротости и любви. Если же они совершенно разсвирѣпѣли и стали неукротимы; то намъ да даруетъ великодушно перенести все, что ни терпимъ отъ нихъ. Конечно же, тѣмъ, которые имѣютъ въ себѣ осужденiе смерти, не страдать за вѣру прискорбно, но нестерпимо то, что не подвизались за нее; потому что и борцамъ не столько тяжело получить ударъ во время борьбы, какъ вовсе не быть допущенными на поприще. Или, можетъ быть, это было „время молчати", по слову премудраго Соломона (Еккл. 3, 7)? Ибо, дѣйствительно, какая польза кричать на вѣтеръ, когда жизнь такъ сильно обуревается, что умъ всякаго оглашаемаго словомъ, наполнившись обманчивыми лжеумствованiями, какъ глазъ пылью, приходитъ въ замѣшательство, и слухъ у всякаго оглушается несносными и непривычными звуками, наконецъ все въ колебанiи и въ опасности паденiя?

Глава 30. Изображенiе настоящаго состоянiя церквей.

Поэтому съ чѣмъ сравнимъ настоящее состоянiе? Безъ сомнѣнiя, оно подобно морской битвѣ, въ которую мужи браннолюбивые и привыкшiе къ морскимъ сраженiямъ вступили съ раздраженiемъ другъ противъ друга за давнiя обиды. Смотри же на это изображенiе! Какъ страшно съ обѣихъ сторонъ устремляются ряды кораблей, и, когда гнѣвъ достигаетъ высшей степени, схватившись, начинаютъ борьбу! Предположи, если угодно, что корабли порываются сильною бурей, что мгновенная мгла, разлившись изъ облаковъ, очерняетъ все видимое, что невозможно различить ни друзей, ни враговъ, и отъ смятенiя не распознаются подаваемые другъ другу знаки. Для большей ясности подобiя предположимъ еще, что море надувается, изъ самыхъ глубинъ бьетъ клубомъ вверхъ, что изъ облаковъ льетъ стремительный дождь, что началось страшное треволненiе гонимыхъ бурею валовъ, и потомъ, что вѣтры отвсюду стремятся къ одной точкѣ, и отъ-того корабли съ трескомъ взаимно сталкиваются, и стоявшiе въ боевомъ порядкѣ, частiю передаются непрiятелямъ и въ слѣдствiе самой борьбы переходятъ въ ихъ власть, а частiю поставлены въ необходимость вмѣстѣ и отталкивать наносимыя на нихъ вѣтрами ладьи, и сопротивляться нападающимъ на нихъ кораблямъ, и убивать другъ друга во время мятежа, произведеннаго и завистiю къ превосходству другихъ, и желанiемъ каждаго самому одержать верхъ. Вообрази еще сверхъ этого, что все море оглашено тамъ какими-то смѣшанными и неразличимыми звуками, отъ свистящихъ вѣтровъ, отъ взаимнаго ударенiя кораблей, отъ

шума кипящихъ волнъ, отъ крика сражающихся, которые выражають страсти свои всякими голосами, отъ-чего не слышно голоса ни кораблеправителя, ни кормчаго, а видны какой-то ужасный безпорядокъ и смятеніе, и чрезмѣрность бѣдствія при отчаяніи въ жизни производитъ въ нихъ то, что грѣшатъ съ совершеннымъ безстрашіемъ. Присовокупи какое-то неисцѣльное бѣснованіе честолюбія въ тѣхъ, которые на корабляхъ, такъ что они не оставляютъ между собою спора о первенствѣ, когда корабль погружается уже въ глубину.

Перейди же теперь отъ сего изображенія къ самому первообразу зла. Не казалось ли нѣкоторымъ образомъ прежде, что иномысліе аріанское, отдѣлившись отъ Церкви Божіей для противоборства съ нею, одно, своими только силами, противостоитъ намъ въ рядахъ непріятельскихъ? Но когда, послѣ продолжительныхъ и жестокихъ споровъ, вступили они съ нами въ явную борьбу: тогда брань приняла много видовъ и раздѣлилась на много частей; потому, и по общей враждѣ, и по частной подозрительности, во всѣхъ поселилась непримиримая ненависть. И это обуреваніе Церквей не свирѣпѣе ли всякаго морскаго волненія? Имъ сдвинуты съ мѣста всѣ предѣлы Отцевъ, приведены въ колебаніе всѣ основанія и всѣ твердыни догматовъ. Зыблется и потрясается все поставленное на гнилой опорѣ. Другъ на друга нападая, другъ другомъ низлагаемся. Кого не низринулъ противникъ, того уязвляетъ защитникъ. Если врагъ низложенъ и палъ; то наступаетъ на тебя прежній твой заступникъ. До тѣхъ поръ взаимное у насъ общеніе, пока сообща ненавидимъ противниковъ. А какъ скоро враги прошли мимо, другъ въ другѣ видимъ уже враговъ. Сверхъ того кто исчислитъ множество кораблекрушеній? Одни утопаютъ отъ нападенія враговъ, другіе отъ тайнаго злоумышленія споборниковъ, иные отъ неискусства управляющихъ. Въ иномъ мѣстѣ Церкви со всѣми своими членами потерпѣли поврежденіе, какъ о подводные камни сокрушившись объ еретическія ухищренія; другія, бывъ недавно врагами спасительныхъ страданій, взялись за кормило и подверглись крушенію. А смятенія, производимыя князьями міра сего, не сильнѣе ли всякой бури и всякаго вихря совращаютъ съ прямаго пути народы? Подлинно какое-то плачевное и горестное омраченіе объемлетъ Церкви, послѣ того, какъ изгнаны въ заточеніе Свѣтила міра, поставленныя Богомъ просвѣщать души людей. А непомѣрное соревнованіе другъ противъ друга дѣлаетъ людей безчувственными, когда близокъ уже страхъ всеобщаго разрушенія. Ибо частная непріязненность сильнѣе общей и народной войны, когда общей пользѣ предпочитается слава одолѣть враговъ, и настоящее упоеніе честолюбія дороже наградъ, ожидающихъ въ послѣдствіи. Поэтому всѣ равно, кто только какъ можетъ, заносятъ убійственныя руки другъ на друга. А какой-то грубый кличъ людей, взаимно сталкивающихся по своей охотѣ

къ спорамъ, и неясный крикъ, и неразличимые звуки неумолкающей молвы наполнили собою всю уже почти Церковь, то прибавленіями, то убавленіями, извращая правый догматъ благочестія. Одни увлекаются въ іудейство чрезъ сліяніе Лицъ, а другіе въ язычество чрезъ противоположеніе Естествъ. Недостаточно богодухновеннаго Писанія для ихъ сближенія, апостольскія преданія не рѣшаютъ взаимныхъ между ними условій примиренія. Одинъ предѣлъ дружбы—говорить въ угожденіе другъ другу; и одинъ предлогъ къ враждѣ—не соглашаться въ мнѣніяхъ. А сходство въ заблужденіяхъ вѣрнѣе всякихъ клятвъ на участіе въ раздорѣ. Всякій—богословъ, хотя и тысячи пятенъ лежатъ у него на душѣ. Отъ-того у этихъ новодѣловъ большое обиліе въ помощникахъ къ произведенію мятежей. Поэтому получаютъ предстоятельство въ Церквахъ самопоставленные и низкіе искатели, отринувшіе домостроительство Святаго Духа. И поелику евангельскіе уставы безчиніемъ приведены въ совершенную слитность; то неописанная толкотня около предсѣдательскихъ мѣстъ, всякій честолюбецъ силою вынуждаетъ дать ему первенство. А отъ такого любоначалія напало на людей какое-то страшное безначаліе; отъ-чего совершенно бездѣйственны и напрасны стали увѣщанія начальствующихъ; всякій въ невѣжественномъ кичени разсуждаетъ, что онъ обязанъ не столько слушать кого нибудь, сколько самъ начальствовать надъ другими.

Посему полагалъ я, что полезнѣе слова молчаніе, потому что голосъ человѣческій не можетъ быть и слышимъ среди такой молвы. Если справедливо изреченіе Екклесіаста, что „словеса мудрыхъ въ покои слышатся“ (Еккл. 9, 17); то при настоящемъ положеніи дѣлъ весьма было бы неприлично сказать это о сихъ людяхъ. А меня удерживаетъ и сіе пророческое изреченіе: „смысляй въ то время премолчитъ, яко время лукаво есть“ (Ам. 5, 13). Теперь одни подставляютъ ногу, другіе ругаются надъ падшимъ, а иные рукоплещутъ; но нѣтъ человѣка, который бы изъ состраданія подалъ руку поскользнувшемуся; хотя по ветхому закону не избавленъ отъ осужденія и тотъ, кто пройдетъ мимо, увидѣвъ „осля врага падшее подъ бременемъ“ (Исх. 23, 5). Не то дѣлается нынѣ. Отъ чего же? Отъ того, что во всѣхъ охладѣла любовь, исчезло единодушіе братій, и неизвѣстно стало имя единомыслія, прекратились дружескія увѣщанія, нигдѣ нѣтъ христіанскаго милосердія, нигдѣ нѣтъ сострадательной слезы. Некому поддержать немощнаго въ вѣрѣ; а напротивъ того такая взаимная ненависть возгорѣлась между единоплеменными, что каждый паденію ближняго радуется больше, нежели собственнымъ своимъ добрымъ дѣламъ. Какъ во время моровыхъ повѣтрій и тѣ, которые со всею тщательностію берегутъ свое здоровье, занемогаютъ наравнѣ съ прочими, заражаясь отъ одного обращенія съ больными: такъ и нынѣ всѣ мы стали подобны другъ другу; овладѣвшая нашими душами страсть къ спорамъ всѣхъ

*

увлекаетъ въ соревнованіе худому. Отъ того у насъ неумолимые и жестокіе цѣнители неудачъ, непризнательные и непріязненные судіи успѣховъ; и зло, кажется, укоренилось до того, что стали мы неразумнѣе безсловесныхъ животныхъ; ибо они, если одной породы, живутъ однимъ стадомъ, а у насъ жестокая война съ нашими домашними.

По всему этому надлежало молчать; но къ иному влекла любовь, которая „не ищетъ своихъ си" (1 Кор. 13, 5), и любитъ преодолѣвать всѣ затрудненія времени и обстоятельствъ. Насъ и вавилонскіе отроки научили исполнять свои обязанности, хотя бы и никто не радѣлъ о благочестіи. Они и среди пламени пѣснословили Бога, не разсуждая о множествѣ отмещущихъ истину, но довольствуясь другъ другомъ, когда ихъ было трое. Поэтому и насъ не привела въ бездѣйствіе туча враговъ, но, возложивъ упованіе на помощь Духа, со всякимъ дерзновеніемъ возвѣстили мы истину. Иначе, всего было бы бѣдственнѣе, когда хулители Духа съ такимъ удобствомъ нападаютъ на благочестивое ученіе, намъ, имѣя такого заступника и защитника, не послужить ученію, которое изъ преданія Отцевъ въ непрерывной памяти сохранено до насъ. Но нашу ревность всего болѣе возбудили пламенность твоей нелицемѣрной любви, непоколебимость и спокойствіе твоего нрава, которыя ручаются, что сказанное мною не будетъ разглашено многимъ, не потому что оно недостойно оглашенія, но чтобъ не бросать бисера свиніямъ.—И о семъ довольно.

А для тебя, если достаточно сказаннаго, здѣсь пусть будетъ предѣлъ слову о семъ. А если покажется сего недостаточнымъ, не позавидую, когда въ люботрудномъ изслѣдованіи прострешься далѣе въ пріумноженіи вѣдѣнія посредствомъ нелюбопретельныхъ вопросовъ. Ибо Господь, или черезъ насъ, или черезъ другихъ, восполнитъ недостающее по мѣрѣ вѣдѣнія, какое достойнымъ его сообщаетъ Духъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

Бесѣды на шестодневъ.

Бесѣды на псалмы.

Толкованіе на пророка Исаію.

Опровerженіе на защитительную рѣчь злочестиваго Евномія.

О святомъ Духѣ къ Св. Амфилохію, Епископу Иконійскому.

Типографія П. П. Сойкина. Спб., Стремянная ул., собств. д., № 12.

